

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина

ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра философии

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ФИЛОСОФИИ

Сборник научных статей

Выпуск IX

Бишкек 2022

УДК 1/14

ББК 87

О 28

Рецензенты:

Ч.С. Усупова, д-р филос. наук, КГМА им. И.К. Ахунбаева,
А.К. Бектанова, д-р филос. наук, профессор КРСУ им. Б.Н. Ельцина

Редакционная коллегия:

А.Х. Бугазов, д-р филос. наук, профессор –
руководитель редакционной коллегии,
Ф.Д. Хайбулина, канд. филос. наук, доцент – ответственный редактор,
А.А. Азимжанова, канд. филос. наук, доцент – чл. редколлегии,
Ю.В. Ли, канд. полит. наук, доцент – чл. редколлегии

Рекомендовано к изданию ученым советом
гуманитарного факультета КРСУ им. Б.Н. Ельцина

О 28 ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ФИЛОСОФИИ:
сб. научных статей. Выпуск IX. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2022. –
198 с.
ISBN 978-9967-19-871-5

Настоящее издание представляет собой уже девятый выпуск сборника статей, выходящего под названием «Общечеловеческое и национальное в философии». По традиции, сборник состоит из двух частей: в первой представлены работы преподавателей кафедры философии и сотрудников гуманитарного факультета КРСУ, во второй опубликованы статьи и тезисы выступлений студентов и магистрантов университета на научной конференции молодых ученых.

Как и во всех предыдущих выпусках, материалы, содержащиеся в сборнике, следуя его тематике, отражают широкий спектр исследований – от социально-философских и социально-политических проблем современного постиндустриального, информационного общества до конкретных вопросов, связанных с образованием и функционированием «евразийской» модели гражданского общества в контексте соотношения национального и общечеловеческого.

Сборник представляет интерес для специалистов в социально-гуманитарной сфере, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, всех, кого интересуют мировоззренческие и гносеологические аспекты современного общества и методологическая роль философии в его жизнедеятельности.

УДК 1/14

ББК 87

ISBN 978-9967-19-871-5

© ГОУВПО КРСУ, 2022

РАЗДЕЛ 1

*А.А. Азимжанова,
Е.А. Будильская*

ФИЛОСОФСКОЕ ПОНИМАНИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЙНЫ И МИРА

Война и мир, понимание их взаимозависимости – одна из самых актуальных проблем современности, которая сегодня присутствует везде: в СМИ, исторических и военно-политических исследованиях, художественной литературе, научной фантастике.

Война! Сколько смысла заложено в этом слове. На всем протяжении истории человечества она вызывала самые различные эмоции: жестокость, страх... В результате войн создавались и рушились империи, исчезали города, народы, цивилизации. Война внушала ужас и страх уже тогда, когда у человека были только копье и лук. Она оставляла после себя горы трупов, не только воинов, но и ни в чем не повинных женщин, детей и стариков. За войной всегда следовали болезни, голод и разруха, которые сводили людей в могилы не меньше, чем сами боевые действия. Война была обычным делом для людей. Это – способ выживания сильнейших, естественный отбор. Как говорил А. Фулье: «Война может иметь хорошие последствия у дикарей, способствуя отбору наиболее сильных и стойких, но на цивилизованные народы влияние ее обыкновенно самое пагубное: она ведет к взаимоистреблению самых лучших и самых храбрых» [1].

Хотя насилие всегда сопровождало развитие человеческой цивилизации, но наибольшее его проявление общество ощутило на себе в XX веке, в период революционного максимализма, двух мировых войн, тоталитаризма. Каждое из этих событий оставляло после себя последствия трагического характера.

В середине прошлого столетия рамки насилия были обозначены появлением ядерного оружия. С его изобретением война и мир, выживание человеческого рода становятся приоритетными проблемами всего последующего периода исторического развития, включая современный. Урегулирование внутренних и меж-

дународных конфликтов можно достичь только путем отказа от применения силы.

Человечество подошло к осознанию очевидной истины: никто никогда не смог построить достойное общество путем насилия. Как говорил М. Ганди: «Когда я отчаиваюсь, я вспоминаю, что в истории истина и любовь всегда побеждали. В истории были тираны и убийцы, и временами они могут казаться непобедимыми, но в конце концов они всегда проигрывают. Помните об этом – всегда» [3].

Если попытаться разобраться, какие миротворческие идеи оказали наибольшее воздействие на человечество, то следует признать, что на первом месте окажется пацифизм. Этот термин был введен в оборот сравнительно недавно. Еще в XIX веке люди, выступавшие за мир, именовали себя «друзьями мира», «приверженцами мира». Хотя стремление устранить войну как способ решения проблем восходит к таким философам, как Эразм Роттердамский и Иммануил Кант.

Пацифизмом является доктрина, согласно которой война неправомерна в моральном отношении. Ее сторонники призывают к избавлению от милитаризма, войны и насилия. Пацифисты используют понятие «война» в более широком смысле – как феномен человеческой истории, который в конечном счете должен быть искоренен. Свое практическое выражение пацифизм нашел в рамках международного права и в учреждении сначала Лиги Наций, а потом ООН. В основополагающих документах этой авторитетной международной организации война объявляется абсолютным злом, от которого человечеству необходимо избавиться, как когда-то общество избавилось от рабства.

В контексте рассматриваемого вопроса определенный интерес представляет теория «справедливой войны». Если пацифизм говорит о том, что все войны аморальны, реализм утверждает, что все войны неморальны, то теория «справедливой войны» является здесь золотой серединой и говорит о том, что если одни войны безнравственны, то другие могут быть оправданны.

У теории «справедливой войны» долгая история: свое начало она берет еще в трудах Августина. В ситуации, когда на территории Римской империи только утверждалось христианство, у бо-

гослова не было желания соглашаться с теорией пацифистов. Напротив, Августин полагал, что следует примириться с войной, так как нужно было побудить христиан сражаться с «варварами», которые подчинили себе империю. Столкнувшись с такой проблемой, Августин сформулировал принципы «справедливой войны». Некоторые из них дошли и до наших дней – это принципы легитимной власти и правого дела. Спустя некоторое время принцип «справедливой войны» развил Фома Аквинский, и он сделал это аналогично Августину, не выходя за рамки теологии. Позже эта традиция была секуляризирована, особенно благодаря работам Г. Гроция [4].

Если мы начали говорить о справедливой войне, то следует разобраться в понятиях «война» и «справедливость».

Первое и классическое определение войны было выдвинуто прусским военачальником, военным теоретиком и историком Клаузевицем. Это определение базируется на противоборстве двух или более государств, каждое из которых стремится навязать противнику свою волю [2]. Если рассматривать данное определение с современной точки зрения, то можно посчитать его абстрактным и не совсем точным. Автор данного определения исходил из опыта войн прошлых веков, которые не скрывали за собой ни геноцида, ни террора.

Если мы начинаем наполнять абстракцию войны конкретным содержанием, то теория «справедливой войны» начинает давать сбой и обнаруживать свою несостоятельность. Таким образом, эта теория, «занимая среднюю позицию», подвержена критике как со стороны реалистов, так и со стороны пацифистов. В большей мере это связано с неспособностью теории «справедливой войны» понимать природу политического насилия как одну из разновидностей массового насилия.

Проявление насилия, которое можно обнаружить в работах Бенжамина, Арендт, Фанона, Шмитта, помогает усомниться в том, что определение войны, по Клаузевицу, является абсолютно точным и актуальным. Холодная война, террор, геноцид и даже в каком-то смысле освободительная борьба вряд ли теперь могут называться войной, как это было прежде. Тем не менее

формами политического насилия они все же являются. В этом смысле актуальность войны как одной из важных форм политического насилия вызывает сомнения.

Теория «справедливой войны» может быть еще меньше применена там, где о себе заявляет вражда «абсолютная», когда отказывают противнику даже в том, что он принадлежит к роду человеческому. Естественным и очевидным средством становится террор против гражданского населения. Такова была война фашистской Германии против СССР, таковой была бомбардировка английской авиацией гражданского населения Дрездена в 1945 г., таковой была и террористическая атака радикальных исламистов на США 11 сентября 2001г.[5]. Ни в одном из этих случаев нормы и принципы «справедливой войны» просто не работают и работать не могут [6].

В 1945 г. была осуществлена единственная в истории атомная бомбардировка. Бомба, сброшенная на Хиросиму, в считанные секунды испепелила тысячи людей, затем от огненной волны погибли еще тысячи. В последующие дни огромное количество людей было поражено радиацией. Вопреки принципам «справедливой войны» погибли обычные мирные люди: женщины, дети и т. д. Отсюда можно сделать вывод, что применение ядерного оружия с точки зрения справедливой войны просто недопустимо.

Сегодня существует огромное количество определений и классификаций войн. Однако многие войны, с которыми сталкивались современные люди, весьма далеки от их классического понимания. Пытаясь описать происходящие столкновения, исследователи не всегда могут дать их определение. Современные войны могут вестись без «навязывании воли», без противника в лице «суверенного государства», да и само состояние войны внешне может не отличаться от состояния мира.

Поэтому, чтобы сохранять мир или хотя бы минимизировать последствия войн, нужно делать акцент на операции миротворческого характера, главной целью которых являются забота о пострадавших и их благосостояние. Чтобы получить успешное завершение миссии по сохранению мира, миротворческие силы должны заслужить одобрение со стороны воюющих сторон. Сле-

довательно, для достижения результата миротворческие силы должны соблюдать принцип различия. По каждому из направлений принцип различия обеспечивает цель к приемлемому моральному поведению. Это говорит о том, что теория «справедливой войны» способна проложить путь через «минные моральные поля», с которыми сталкиваются люди на пути к разрешению проблем.

Проблема мира, как и проблема войны, привлекает внимание политических и общественных движений, ученых многих стран. Бесспорны успехи миролюбивых сил и всех организаций, как и достижения ряда школ и направлений, научных центров, специализирующихся на исследовании проблем мира. Накоплена обширная сумма знаний о мире как цели, факторе развития и выживания человечества, о сложной диалектике взаимосвязи войны и мира и об ее особенностях в современную эпоху, о возможных путях и предпосылках продвижения к миру без оружия и войн.

Общечеловеческое, глобальное соизмерение проблем войны и мира придает особую актуальность сотрудничеству пацифистов, верующих и атеистов, социал-демократов и консерваторов, других партий, движений и течений. Плюрализм философского истолкования мира, идейный плюрализм неразрывно связаны с политическим плюрализмом. Различные компоненты движения за мир находятся между собой в сложных отношениях – от идейной конфронтации до плодотворного диалога и совместных действий. В этом движении воспроизводится глобальная задача – необходимость найти оптимальные формы сотрудничества различных общественных и политических сил ради достижения общей для человеческого сообщества цели. Мир – это общечеловеческая ценность, и достигнута она может быть только общими усилиями всех народов [7].

Литература

1. Буйневич К.И. Пацифизм как идеология сопротивления насилию [Электронный ресурс]. URL: // <https://christianpacifism.org> /2015/08/29 (дата обращения: 19.03.2021).

2. *Белозеров В.* Клаузевиц и современные войны // Военно-промышленный курьер: общероссийская еженедельная газ. [Электронный ресурс]. М., 2005. URL: <https://vpk-news.ru/articles/703> (дата обращения: 19.03.2021).

3. *Ганди М.* Цитаты [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.citaty.net/avtory/makhatma-gandi/tsitaty-o-liubvi/> (дата обращения: 19.03.2021).

4. *Гроций Г.* О праве войны и мира / под общ. ред. проф. С.Б. Крылова. М.: Ладомир, 1956. [Электронный ресурс] URL: http://grachev62.narod.ru/huig_de_groot/content.html (дата обращения: 19.03.2021).

5. *Гусейнов А.А.* Террористические акты 11 сентября и идеал ненасилия // Насилие и ненасилие: философия, этика, политика. М.: Наука, 2003. С. 47–56.

6. *Кашиников Б.Н.* Теория «справедливой войны» как война и справедливость глобального мира [Электронный ресурс]. URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=26&art=4524> (дата обращения: 18.03.2021).

7. Проблемы войны и мира в различных философских и исторических периодах [Электронный ресурс]. URL: <http://lia.net.ru/human/index.php?n=187> (дата обращения: 20.03.2021).

*А.Х. Бугазов,
Н.А. Иванов*

ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Проблема формирования идентичности индивида по-прежнему представляет собой актуальную задачу для современного общества. В этой связи представляется важным изучение феномена социальной идентификации как в теоретическом, так и эмпирическом аспектах. Как предмет исследования проблема социальной идентичности представляет собой процесс «отождествления себя с другим человеком, группой, образцом, проис-

ходящий в ходе социализации, посредством которого приобретаются нормы, ценности, социальные роли, моральные качества представителей тех социальных групп, к которым принадлежит или стремится принадлежать» индивид [1, с.303].

Человек становится «полностью человеком», когда он осознает свою идентичность. «Исследование различных форм идентичности, – справедливо утверждает Т.В. Соболев, – является важным аспектом понимания и прогнозирования современных социальных процессов, с одной стороны, а с другой – основанием для разработки теоретического фундамента новых представлений о социальном развитии, учитывающих реальное социокультурное многообразие мира, многополюсность его развития» [2, с. 212–213].

Общим для всех концепций: социологических, психологических, рассматривающих феномен социальной идентичности, является то, что он рассматривался и трактовался в основном сквозь призму теории социализации, а также статусно-ролевых теорий личности. По мнению О.И. Пименовой, объясняется это тем, что: «во-первых, все они сходятся во мнении, что конструирование социальной идентичности – процесс, который протекает на протяжении всей жизни человека и связан с понятием постоянного, не прекращающегося развития актора. Во-вторых, этот процесс всегда обусловлен внешним социально-историческим контекстом и непрерывным воздействием группы, с которой актор стремится себя идентифицировать и нормативным ожиданиям которой желает соответствовать» [3, с. 461–462].

Среди множества точек зрения, на наш взгляд, следует выделить подход российских авторов Г.М. Андреевой и В.А. Ядова, которые одними из первых выделили в структуре индивида личностную (персональную) и социальную идентичности. Многие авторы поддерживали концепцию, согласно которой на понимание социальной идентичности оказывают воздействие два момента: «Первый состоит в отборе и выявлении факторов, значимых для идентификации личности с точки зрения общества; они могут быть как положительными, так и отрицательными. Второй подход предусматривает факторы, значимые с точки зрения самого человека» [4, с.123].

Представляется, что это верный с методологической точки зрения принцип понимания проблемы. Действительно, в процессе конструирования социальной идентичности индивид социализируется в рамках той или иной социальной группы, поскольку, желая стать ее членом, он приобщается к общественным условностям, стандартам, ожиданиям, поведенческим установкам, которые ему предъявляет данное сообщество. «Именно посредством идентификации с обобщенным другим... – обращает внимание И.В. Лескова, – возникает усвоение общих социальных установок и стандартов данного сообщества, человек начинает успешно взаимодействовать с группой, отражая и разделяя ее ценности и, таким образом, социализируясь» [5, с.15]. С другой стороны, нельзя игнорировать и индивидуальные (психологические, физиологические, этнические) особенности личности.

Согласно классикам социологии Э. Дюркгейму, чем больше в человеке развита его «социальная сущность», тем сильнее его связь с группой. Аналогичным образом И. Гофман полагал, что социальная идентичность («социальное Я») состоит из множества социальных ролей, которые составляют содержание и формы человеческого поведения. «Догмат и диктат социальных стандартов общества заставляют человека проигрывать роли, выбор которых осуществляется преднамеренно так, чтобы наилучшим способом презентовать тот образ, который желает изобразить человек в той или иной ситуации, в том или ином социальном контексте» [3, с.464]. Таким образом, социальные статусы и роли как наборы стандартов и образцов, принятых в конкретной общности, усваиваются индивидом (актером) в процессе социализации.

В принципе, человек одновременно может быть членом многих групп, линия его поведения в каждой конкретной ситуации будет обусловлена тем, какая из них в данном контексте для него является наиболее значимой. Человеку всегда свойственно сохранять позитивный образ своей группы, и если он почему-либо разрушается, результатом может быть выход или переход индивида в другую группу.

Как справедливо утверждают исследователи, в современную эпоху острой социальной нестабильности и деструктивности

наиболее стабильными идентификационными группами являются прежде всего «межпоколенные общности – семья и этнос, которые выступают в период кризиса как „аварийные группы поддержки“» [6, с.194].

Рассмотрим эти группы чуть подробнее. Нельзя не согласиться с тем, что семья является той общностью, к которой непосредственно принадлежит человек. Учитывая наши традиции и менталитет, важно отметить, что семья – это среда, на которую человек в первую очередь ориентируется в выборе своих действий. Именно семья становится общностью, в которой индивид получает психологическую поддержку и признание, в которой он может чувствовать себя уверенно и безопасно. По мнению К. Леша, «в бездушном, раздираемом противоречиями обществе семья стала олицетворять собой единственный источник эмоциональной опоры для ее членов» [7, с. 95], именно семья дает человеку основание для формирования новой идентичности, устойчивых оснований для своей социальной жизни.

Другой такой группой для человека является этническая общность. Это понятно, поскольку этническая принадлежность дается человеку вместе с его рождением, умением говорить на родном языке, его культурным окружением, в которое он попадает и которое задает общепринятые стандарты поведения. «Для миллионов людей этническая идентичность, – утверждает Н.А. Баранов, – это само собой разумеющаяся данность, не подлежащая рефлексии, через которую они себя осознают и благодаря которой могут ответить сами себе на вопрос: «Кто я и с кем я?»» [8].

Методологически это понятно, многие исследователи, например, шотландский социолог Харви Фергюсон, трактуют идентичность как нечто относящееся к тому, что мыслится, и реализующееся к чему-то «просто существующему» [9, р. 15]. В данном случае идентичность включается в национальное самосознание, где она как форма, которая выявляет социальную значимость существования человека, его поведения, развития, раскрывает существо «национального» в его бытии.

В истории философии для понимания этнической идентичности всегда значимыми были идеи коллективной идентичности.

Например, Э. Дюркгейм, игнорируя индивидуальные особенности человека, делает акцент на коллектив, общество, которое и является хранителем духовных ценностей. «Французские просветители ввели понятие «дух народа» и пытались решить проблему его обусловленности географическими факторами. По мнению неаполитанского ученого Дж. Вико, только «новая наука» через исторический анализ языка, мифа, ритуала различных народов может постичь истинную человеческую природу» [10].

Французская философия культуры XIX века также особое внимание обращает на значимость категории коллективного. Например, теоретик искусства Ипполит Тэн сделал акцент на изучение наиндивидуальных форм культуры, что дало возможность выйти на понимание региональных и национальных особенностей проявления исторического «духа».

Сегодня мы видим, как усиливаются центробежные силы социального мира, вызывая кризис идеала всеобщего прогресса, имеющий глобальный характер. Различным аспектам глобализации сегодня уделяется много внимания, в том числе и в Кыргызстане [11]. Нас эта тема интересует в контексте понимания места и роли национальной самоидентификации в иерархии идентичностей. «Произошел поворот, – отмечает Н.Л. Полякова, – от политики, направленной на формирование национально-государственной идентичности, к политике культурной идентичности, связанной с процессом размножения «новых» идентичностей, процессом мультикультурализации» [12, с. 35]. В этой связи уместно заметить, что одним из основных отрицательных объективных последствий культурной глобализации является жесткое подавление и выхолащивание национальных культур, этнического искусства, замена их на безликие вестернизированные образцы. «Подобное положение, – по справедливому мнению М.А. Коротыной, – может привести к установлению одномерного унифицированного мира, что ведет к обеднению мировой цивилизации. В субъективном плане эти процессы находят отражение в потере национальной самобытности, маргинализации и деморализации значительных масс населения, лишении ценностей национальной и культурно-религиозной идентичности» [13, с. 384].

Чувство идентичности формируется этнической культурой. «Этническая культура и искусство являются средоточием норм и ценностей жизнедеятельности этноса и каждого его представителя. Отсюда важна их роль в качестве инструмента выживания и ориентации в мире, средства самоосуществления человека» [14, с. 14].

Примечательно, что в настоящее время, несмотря на глобализацию, в том, что касается творчества, в мире искусства происходит возвращение к авторской индивидуальности. Как утверждает современный итальянский арт-критик Бонито Олива «...этот возврат к идентичности художника связан не с ремесленным пониманием профессии, речь идет о языке, о рефлексии, и язык возвращает к антропологическим корням художника, которые не всегда привязаны к точному месту или культурологической автократичности. Возникает своеобразный идиолект – язык, который является общим, но с диалектными оттенками» [15].

Следует сказать, что социальная среда всегда оказывала и продолжает оказывать существенное влияние на формирование социальной идентичности. Идентичность человека, как правило, формируется под влиянием тех общественных сфер, в которых он принимает непосредственное участие. Это особенно заметно, когда общество проявляет доминанту над сознанием человека или когда он вынужден закрываться от общества вследствие отсутствия взаимопонимания с окружающими. В таких случаях человек пытается найти основание, которое помогает ему обрести свои собственные взгляды относительно окружающей реальности. Например, когда человек увлекается каким-нибудь видом творчества, допустим музыкой, он одновременно идентифицирует себя с той социальной группой, которая предпочитает то или иное музыкальное направление. Особенно это характерно для молодежной среды. Так, по результатам исследования, проведенного Г.М. Таниевой, «роль музыки как социального идентификатора состояла в том, что фанаты легко устанавливали межличностные контакты, вели переписку, обменивались записями, совместно посещали концерты любимых групп, объединялись по интересам в фан-клубы того или иного исполнителя, в неформальные молодежные объединения. Разнообразные музыкальные молодежные сообщества способствовали социализации молодежи» [16].

жи, самовыражению и самоидентификации молодого человека, формированию его музыкальной идентичности» [16, с. 15–16]. Как видно, речь идет не только об эстетических предпочтениях, а о более широком круге вопросов, касающихся мировоззренческих установок.

Особенностью нашего времени является то, что функции социальной среды часто выполняют СМИ и другие средства массовой коммуникации. Интернет, компьютер, телефон, принтер и т. д., по мнению Д. Блумлера и С. Колмана, «создали потенциал для более демократичной горизонтальной коммуникации между людьми, которую они назвали гражданской народностью» [17, р. 1–23]. Того же мнения придерживается С. Кастлес, считающий, что «критерием измерения вовлеченности информационных технологий в политический процесс в долгосрочной перспективе может служить их способность создавать новые типы сообществ, культур, языков и мнений, к которым прислушивается большое количество людей» [18, р.101].

В свою очередь, «манипулирование информацией позволяет формировать необходимые мировоззренческие установки личности, задавать цели развития, определять границы и стандарты поведения. Информационное сопровождение – важнейшая составляющая процесса внешнего инжиниринга» [19, с. 160]. Это понятно, поскольку СМИ в современном мире – не только источник информации, но и действенный фактор, размывающий границы между различными культурами, областями знаний, расширяющими зоны соприкосновения между людьми. Более того, средства массовой информации и интегрированные с ними средства коммуникации сегодня часто выступают как основание социальной идентификации и самоидентификации личности на любом этапе ее культурного развития.

Несмотря на то что человек рождается с нулевой идентичностью, социальные институты, группы уже в начале жизни начинают его идентифицировать. Например, у всех новорожденных детей врачи определяют индекс под названием шкала Апгар, а это уже оценка человека с точки зрения некоторых качеств. Хотя, конечно, в формировании идентичности преобладает не натуралистическая составляющая, а ценностная. «Человек отождеств-

ляет себя с другими людьми в контексте каких-либо идей, религии, языка. Субъект определяет себя через имя, символ, книгу. Субстанциальная идентичность опирается на нечто данное, наличное, заложенное в человека» [20, с. 235–236]. Однако не меньшее значение имеет нечто возможное, должное, желаемое. Человек никогда не совпадает полностью ни с одним объектом или классом объектов и не является простой суммой, совокупностью своих природных свойств и качеств или социальных функций и ролей.

С одной стороны, в социуме идентичность часто проявляется через выбор действия, поступка, это воплощенная идентичность, с другой – она не всегда является воплощенной. Возможность выбора позволяет нам формировать нашу идентичность.

В зрелом возрасте мы сталкиваемся, как правило, с людьми с уже сформированной идентичностью. С индивидами, у которых в большинстве своем имеются ответы на вопросы «кто я?» и «какой я?». В данном случае, напротив, изменить мнение человека о самом себе будет очень сложно. Речь даже не об убеждениях или о сформировавшихся установках. Скажем, если человек с теми или иными комплексами обратится к кому-либо за помощью, то далеко не всегда ему сразу удастся помочь, поскольку ему будет казаться, что его пытаются обмануть, успокоить и т. д. Это понятно, поскольку его идентичность во многом уже сформирована.

Проблема социальной идентичности, как отмечалось, тесно связана с темой субъекта, границ и пределов человеческого «Я». Истоки идентичности как понятия уникальной природы человека, продуцированного ментальной рефлексией по поводу истории человека, становления личности, определяются взглядами Сократа, Платона, Протагора. В Западной Европе идеи о возможности человека влиять на мировые события, иметь достоинство, личную ответственность и свободу воли развиваются вместе с гуманизмом эпохи Возрождения. Позднее в философии Р. Декарта, Д. Локка личностная идентичность понимается как осознание индивидом непрерывности, тождественности во времени собственной личности. Это важная констатация, поскольку социальная идентичность существует как личностная идентичность, ос-

нованная на отличии себя от других членов группы. «Она, – пишет Г.М. Таниева, – способствует восприятию себя как уникального индивида и отрицанию сходства между собой и другими членами как «своей», так и «чужой» группы» [21, с. 74].

Идентичность можно понимать как самоопределение личности, самопознание и опознание себя как некоторой определенности, конкретности. Первоначально человеку сложно себя осознать, поскольку такое осознание появляется в результате прожитого, познанного знания. «Человек задает себе и другим вопрос: «кто я?». Чтобы на него ответить, нужно найти ответ на еще один вопрос: «на кого я похож?». Так, через сравнение и сопоставление себя с другими людьми» [20, с. 232] происходит идентификация – опознание. Идентичность можно рассматривать как цепляние за свое «эго», т. е. выражение себя на основе сложившихся представлений о мире. Понятно, у каждого человека выражение своего эго, своего внутреннего «Я» выражается по-своему, человек часто опирается на какие-то события в своей жизни [22, с. 25–26].

Необходимо отметить, что исследователи не отделяют личностную и социальную идентификацию друг от друга. Скорее напротив, межличностные и межгрупповые формы взаимодействия представляют собой два полюса единого континуума, на котором можно расположить различные варианты социального взаимодействия. При этом, справедливо отмечает Г.М. Таниева, «один полюс – взаимодействие, определяемое полностью межличностными отношениями и индивидуальными характеристиками участников, а на другом – взаимодействие между людьми, полностью детерминированное их групповым членством» [21, с. 74].

Идентичность выступает в виде не только переживания собственной индивидуальности, но и как объективная форма его положения в определенном социальном пространстве. Более того, идентичность может быть определена лишь в контексте «пространственного» местоположения, поскольку оно акцентирует конструирующий смысл и роль идентичности в современном обществе. Разновидность факторов, участвующих в идентификации, связанных с «местом», определенной географической локацией – территорией, с регионом, актуализирует такой ее вид, как город-

ская идентичность. В этой связи хотелось бы отметить, что сохраняющиеся в нашем обществе существенные различия между городской и сельской средой, изучение городской идентичности требуют большего внимания отечественных специалистов. «Уникальная городская специфика, – совершенно верно утверждают А.А. Правоторова и У.Г. Кондратьева, – расширение гражданского движения вкупе с социальным напряжением, вызванным социальными сдвигами, делают необходимым исследование обстоятельств, объясняющих причины возникновения городской идентичности, выявление разных форм ее проявления, условий изменения ее структуры и социально-психологических механизмов включенности человека в процесс городской идентификации» [23]. Это важно, поскольку для человека, участвующего в формировании локационной, в данном случае городской, идентичности, необходимо территориальное сознание, представляющее собой особое «чувство места», «сплав человеческой культуры и географической среды».

В заключение следует отметить, что, несмотря на многообразие теоретических и эмпирических исследований, проблема социальной идентичности до сих пор является одной из самых сложных и теоретически многозначных. В зависимости от того, в какой области человеческого знания используется термин «идентичность», он приобретает свое значение и смысл.

Без идентификации индивид теряет определенность собственной жизни, он перестает отождествлять себя с макросоциальной общностью, исчезает сложившееся ценностно-ориентационное единство с ней. Потому человек всегда нуждается в самоидентификации, которая давала бы ему некоторые ориентиры социальной жизни, позволила бы восстановить базовые ценностные основания, защитить от трудностей и превратностей жизни.

Литература

1. Ковалева А.И. Идентификация социальная молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 4. С. 303–306.
2. Соболев Т. В. Проблема формирования социальной идентичности в условиях глобальных общественных изменений // Философия и космология. 2012. Выпуск 1 (10). С. 211–230.

3. *Пименова О.И.* Понятие социальной идентичности в системе социологических категорий // XVIII Международная конференция памяти проф. Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 19–20 марта 2015 г. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2015. С. 457–466.

4. *Салихов Г.Г.* Проблема идентичности в условиях глобализации // Век глобализации. 2011. Выпуск № 1(7). С. 122–129.

5. *Лескова И.В.* Социальная идентичность в условиях трансформации российского общества: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2009.

6. *Филиппова Ю.В.* Семейная идентичность и трансформация семейных ценностей в современной России // Трансформация идентификационных структур. М.: МОНФ, 2001. С. 192–217.

7. *Леш К.* Семья – убежище в бессердечном мире // США: проблемы семьи. М.: АН СССР, 1990. С. 93–102.

8. *Баранов Н.А.* Лекция 2. Этничность и этническая идентичность [Электронный ресурс]. URL: <https://nicbar.ru/politology/study/kurs-etnopolitologiya/287-lektsiya-2-etnichnost-i-etnicheskaya-identichnost> (дата обращения: 21.01.2021).

9. *Ferguson H.* Self-identity and everyday life. London and New York, 2009.

10. *Иванов В.В.* Современные парадигмы изучения этнической идентичности [Электронный ресурс]. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3692 (дата обращения: 21.01.2021)

11. *Джанибеков Б.Т.* Концепции будущего развития человечества в контексте глобализации // Вестник КРСУ. 2019. Т. 19. № 2. С. 52–56.

12. *Полякова Н.Л.* «Идентичность» в современной социологической теории // Вестник Моск. ун-та. сер. 18. Социология и политология. 2016. № 4. С. 22–42.

13. *Корытина М. А.* Культурная глобализация: феномен, сущность, противоречия процесса // Известия Саратов. ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16. Вып. 4. С. 381–387.

14. *Иванов В.В.* Искусство как средство выражения этнической идентичности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2006.

15. *Бонито Олива*. Искусство между идентичностью и гомогенностью. Художественный журнал [Электронный ресурс]. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/33/article/617> (дата обращения: 22.01.2021)

16. *Таниева Г.М.* Групповая и личностная идентификация молодежи в сфере музыки: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Н. Новгород, 2012.

17. *Blumer J.G., Coleman S.* Realising Democracy Online: A Civic Commons in Cyberspace // Citizens Online Research Publication. 2001. No. 2. P. 1–23.

18. *Castles S.* Development, Social Transformation and Globalization // Paper given Social Transformation Studies Workshop, Australia: Center for Asia Pacific Studies, 2000. P. 99–121.

19. *Волочаева О.Ф.* Акторное содержание коммуникативных процессов в современном информационном обществе // Актуальные вопросы массовой информации и политических коммуникаций. Ереван: Изд-во ЕГУ, 2017. С. 127–153.

20. *Гурин С.П.* Философия идентичности // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2010. № 4. С. 231–246.

21. *Таниева Г.М.* Музыка как критерий социальной идентификации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2011. № 4 (24). С. 74–80.

22. *Полякова Н. Л.* «Идентичность» в современной социологической теории // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2016. № 4. С. 22–42.

23. *Правоторова А.А., Кондратьева У.Г.* Теоретические основания исследования городской идентичности // Творчество и современность. Сетевой журнал. 2018. № 2 (6) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nsktvs.ru/node/162> (дата обращения: 12.01.2021).

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ И САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОДРОСТКОВ

Современная реальность, определяющая наше сознание, характеризуется высокой динамичностью и турбулентностью. Не взирая на пандемию, в социуме постоянно возникает что-то новое, инновационное. Одновременно в обществе отмирают старые, потерявшие свою актуальность отношения. В целом видоизменяется установленный порядок вещей. Этот процесс непосредственно связан с развитием и функционированием современной рыночной экономикой, которая постоянно инициирует новейшие технологии в сфере производства и потребления. Наиболее известным результатом таких инноваций являются гаджеты¹, которые представляют собой небольшие по размеру устройства для коммуникации и получения разнообразной информации.

С помощью разнообразных свойств, которыми обладают современные гаджеты, человек способен создать для себя целый мир, где он находит некий смысл своего существования, определить свой социальный статус и таким образом презентовать себя окружающим. В связи с пандемией и связанным с ней переходом на удаленный режим работы и учебы потребность в гаджетах возросла многократно. Они стали необходимым элементом процесса обучения для всех его участников. Однако в период вынужденного карантина молодое поколение, особенно подростки, использовало эти устройства не только для занятий и получения информации, но и для цифровых игр в Интернете.

Основное внимание в данном исследовании обращено именно на подростков, поскольку, во-первых, подростковый период является связывающим звеном установок норм и правил между взрослыми и детьми. Во-вторых, деятельность по целевой

¹ Гаджет (англ. gadget – приспособление) означает небольшое устройство, которое может быть использовано в различных видах деятельности. В данном случае имеются в виду традиционные гаджеты, к которым относятся смартфон или нетбук.

направленности у подростков тесно связана с новыми технологиями и вообще со всем новым и необычным.

Подростки – это такая возрастная категория людей, которая стремится быть и чувствовать себя взрослыми. Стремление быть самостоятельными и независимыми от мнения старших детерминирует формирование «чувства взросления». Интимно-личностное общение со сверстниками объединяет их в компании, цель которых защита своих интересов и протест против норм и законов жизни взрослых, того негатива, который они наблюдают вокруг себя.

Одним из способов ухода от реальности и, таким образом, реализации себя являются онлайн-игры, которые впервые возникли в 70-х гг. XX века. С распространением Интернета онлайн-игра стала не только одним из популярных способов времяпрепровождения. Для многих она стала неотделимой частью жизни, а для большинства подростков и формой самореализации или, точнее, самопрезентации, цель которой утвердить свой статус и вызвать интерес к себе.

В качестве примера можно упомянуть такую онлайн-игру, как Free Fire, что дословно переводится «свободный огонь». В настоящее время это самая скачиваемая игра, которая вошла в топ-10 по популярности среди подростков. Она предполагает битву на выживание, где численность игроков может достигать 50 человек. Игровые персонажи можно трансформировать – ухудшать или улучшать их свойства, навыки. Играть можно в одиночку, в паре или в группе – «отряде». Один эпизод может длиться до 20 минут. При этом каждый игрок может стать участником чемпионата по киберспорту, т. е. соревнований по компьютерным или онлайн-играм. Это важное обстоятельство, поскольку в контексте современного мира, справедливо считает Е.Е. Тебякина, «игра приобретает особую онтологическую ценность. Причем не столько благодаря своей простоте возникновения и проведения, свободе (невозможно принудить к игре, заставить играть силой) или ощущению безграничности (возникающему благодаря принятию момента условности). Но в большей степени из-за непосредственности и неповторимости, постоянной

пластичности и изменяемости, что позволяет игре приблизиться к самой сущности жизни» [1, с. 21].

Другой исследователь, И.С. Шевченко [2, с. 23], подчеркивает, что виртуальная самопрезентация – это тоже, что сознательное и несознательное предъявление личностью себя при помощи вербальных и невербальных средств коммуникации с целью формирования определенного впечатления у собеседника по интернет-общению и построения дальнейшего взаимодействия с ним.

Самопрезентация подростка в онлайн-игре имеет большое значение для формирования его идентичности. В социальной реальности подросток ограничен разными формальностями, а в игровом пространстве у него есть возможность управлять своим образом. Если рассматривать идентичность с философской точки зрения, пишет Н.А. Тельнова, «то в историко-философской традиции идентичность описывается через понятие тождества (классическая философия)». Или «через категорию различия, которую активно использует современная философия... В настоящее время идентичность человека стала результатом его свободного выбора, наличие которого необходимо с целью сохранения адаптационных способностей человека к стремительно трансформирующейся социальной реальности» [3, с. 25–27].

Интересно мнение известного психолога Э. Эриксона, который характеризует идентичность подростка как процесс непрерывной самоидентичности личности, как важнейшую характеристику ее целостности и зрелости; интеграцию переживаний человеком своей тождественности с определенными социальными группами, солидаризацию индивида с идеалами этих групп [4, с. 352]. Исследователь считает, что подростки стараются прежде всего укрепить свои социальные роли. Они иногда болезненно озабочены тем, как выглядят в глазах других по сравнению с тем, что они сами о себе думают, как сочетать те роли и навыки, которые они развивали у себя раньше, учитывая сегодняшние требования [4, с. 352].

В современных реалиях идентичность подростка в онлайн-игре выражается в особом сленге – это такой специфический язык, который используют подростки и который только им поня-

тен. Пример игрового сленга: «донатить» – вкладывать деньги; «скины на оружие» – улучшенное оружие; «урон» – отнимание жизни; «хп» – жизнь; «арморы» – приспособления для оружия; «лутбокс» – коробка, где сохраняются вещи после убийства персонажа, «раш» – стрельба между командами, «красавчики» – лучшие, «зажимчики» – устранять выстрелом в тело, «оттянул» – выстрелил в голову, «левел» – уровень, «кикнуть» – выгнать из отряда; «тиммейты» – друзья в игре; «лекает» – восстанавливает; «очки» – опыт; «стримить» – вещать через прямой эфир; «хейтить» – оболгать человека и т. д.

Идентичность подростка отражается также через создание «ника» – особого псевдонима. Подростки обозначают свой «ник» разнообразными фразами или одним словом. «Ник» должен быть индивидуальным и выделяться в игре. Например, KyrGamer, Дерзкая, Anjelika0006, KyrGAMERgyz, Tresher Kadirov, Алибаева дерзкая, KyrKenzo, KyrSAKURAgiz, _Volk_01_08_, КукаДем2008X и т. д. Может быть групповой «ник»: Pokoriteli, RUNANDKILL, ZIT*SKILLS, LEGION и т. д.

По этому поводу даже было проведено социологическое исследование, где среди прочих респондентам задавался вопрос: что повлияло на ваш выбор «ника»? По результатам исследования были получены следующие ответы:¹

1. На YouTube можно увидеть ютубора геймера ЧХ Gamer, он считается лучшим игроком в клане Chernota по SNS (стенка на стенку) и название «ника» KyrGAMER было создано «под него».

2. Название KyrSAKURAgiz пришло после прослушивания песни Самурай Эндошпиля, там есть такая фраза «Сакура плакала Самурай», мне почему-то понравилось это выражение.

3. Название клана Pokoriteli было выбрано в честь турнирного игрока в клане сборная ЧР, его зовут покоритель, а сердце я добавил сам.

При создании «ника» подростки опираются на объект, вызывающий какие-то эмоции, или же основным мотивом служит желание таким образом привлечь к себе внимание. Использование приставки «Kyr» или окончания «gyz» говорит о том, что под-

¹ Стилистика ответов не редактировалась.

ростки в своем огромном игровом коммуникационном пространстве хотят отметить тот факт, что они из Кыргызстана.

В ходе опроса подростков о причинах, побуждающих их участвовать в играх, наиболее популярными были следующие ответы:

1. Я играю, потому что мне нравится игровой мир, в котором могу быть крутым.

2. Играю, потому что могу проиграть и снова начать играть, за это меня никто не будет осуждать, ругать, кроме тиммейтов¹.

3. Хочу поиграть пока учусь в школе, поскольку в дальнейшем такой возможности не будет.

4. Играю из-за проблем в семье и в школе.

5. Хочу быть лидером, когда создается отряд, я настраиваю игру и игроков, решаю, когда можно выходить.

На вопросы об ощущениях и испытываемых эмоциях во время игры были даны следующие ответы:

1. Когда проигрываю, я расстраиваюсь, кричу на своих тиммейтов.

2. Если проигрываю в командной игре, то расстраиваюсь и начинаю материться, хочется все ломать и крушить.

3. Раз за разом захожу в игру посмотреть на нашу гильдию, как продвигаются наши уровни, сколько заработали очков.

4. Когда создается отряд, жду интересную игру и новых знакомств. Это могут быть разные люди. Нахожу их через друзей, свой аккаунт.

5. Лиц друг друга не видим, это облегчает игру, одновременно появляется азарт.

6. Это и новый опыт, новые коммуникации с людьми. Например, можно выбрать регион при создании аккаунта. В основном это Россия. Регион Кыргызстан указывается только в игре легионов.

7. В игре могу выбирать любой персонаж. Выбираю по популярности и по навыкам. Например, алок создает ауру² и дает пользоваться смартфоном Xperia 5.

¹ Тиммейты – слово из молодежного сленга, происходит от английского team – «команда», в данном случае означает игроки из одной команды.

² Терминология, относящаяся к популярной онлайн-игре «Алки Конг».

8. Нравится набирать очки-опыт и очки для левела, золото и переходить на новый уровень. Прямо радуюсь, и настроение становится хорошим.

Исходя из ответов, можно предположить, что подростки как подрастающее поколение формируются по свойственному для своего возраста стандарту – желают быть лидерами, бунтуют против устоев и норм «взрослого» общества, желают новых ощущений, ищут себя. В играх подростки ощущают чувство общности, им комфортно, особенно в групповых играх. Со временем привычные для них схемы отходят, и в период пубертатного периода межличностные и внутренние конфликты возрастают. Одновременно подростки стремятся к расширению своего опыта – как коммуникационного, так и интимно-личностного характера.

В целом, информационное пространство направлено формирование позитивной идентичности молодых людей. В свою очередь подростки желают быть причастными к социальному целому. С одной стороны, это выработка коммуникационных способностей, а с другой – фактор возникновения дружественных отношений между собой. Одновременно, принадлежа к новой субкультуре геймеров, подростки психологически меняются. Явления действительности, которые вступают в противоречия с их ценностями, тормозят развитие молодого человека как гармоничной личности. Появление кумиров, неразрешенные проблемы, уход в виртуальность формируют зависимость от цифровых игр.

Игры воздействуют также на образ самих подростков. Выходя из виртуальной реальности, подростки в своих поступках переносят в реальный мир тот образ мышления и действий, которые только что использовали в игре. Механизм подражания игровому персонажу становится одним из видов проявления их идентичности.

Возможно, здесь сказываются подростковая неуверенность в себе, неумение создавать собственный образ. В этом случае молодые люди используют готовые схемы поведения, вербальной коммуникации, которые они применяют в онлайн-играх. Таким образом, мы можем предположить, что игровое поведение подростков влияет на их стиль и образ жизни. Это определяется осознанными или неосознанными формами самопрезентации в про-

цессе игры. Поскольку самопрезентация в онлайн-играх – это одновременно потребность в познании самого себя.

Литература

1. *Тебякина Е.Е.* Феномен игры в стратегиях идентичности. Философско-антропологический анализ: автореф. дис. ... канд. философ. наук. СПб., 2017.
2. *Шевченко И.С.* Вариативность самопрезентации личности в интернет-общении: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2002.
3. *Тельнова Н.А.* Феномен идентичности: способы описания и социокультурные основания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. 2011. № 1 (13).
4. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 2006.

О.Г. Денисова

МЕСТО СУБЪЕКТИВНОГО В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

В рамках понятия «социальный конфликт» можно выделить две составляющих его части: «социальное» и «конфликтность». Социальное в широком смысле слова – это результат совместной деятельности индивидов, проявляющийся в различных отношениях индивидов и групп к явлениям и процессам общественной жизни. Следовательно, социальное включает в себя проявление как объективного – обстоятельств, так и субъективного – их отражение в сознании. Конкретным проявлением социального являются в том числе социальные конфликты как результат столкновения интересов, ценностей в группе, обществе в целом.

При этом конфликт можно рассматривать как социально-психологическое явление, способ социального взаимодействия [1, с. 16]. В целом же, говорить о классическом определении кон-

фликта достаточно затруднительно, поскольку не только в рамках различных авторских теорий, но и в рамках разных наук в качестве определяющей сущность данного понятия черты выделяются достаточно специфические, а именно: конкуренция, напряженность, столкновение, война, оппозиция, альтернатива и т. д. Сходным для подобных феноменов является наличие некоего противостояния субъектов, сторон, одновременная претензия на необходимый субъектам единый объект.

Говоря о субъективной составляющей социального конфликта, мы понимаем прежде всего отражение ситуации, не всегда проходящее без искажения, интерпретацию событий, эмоции (отношение к чему-либо, желания) не только индивида, но и социальных групп. «Субъективность – свойство человеческой ментальности вообще. Она... не может быть изгнана из самой социальной реальности, не может быть удалена из социально значимой деятельности» [2, с. 22].

Анализ конфликта будет наиболее продуктивным в том случае, если начать его изучение с вопроса о причинах его возникновения. Классификация причин, порождающих социальные конфликты, может осуществляться по различным основаниям, и потому она условна. При оценке причин конфликта главными параметрами являются формирование и осознание противоречивых интересов, целей, отношений, действий, обусловленных объективными и субъективными факторами.

Если же сконцентрироваться на анализе причин, порождающих социальные конфликты, то среди них можно выделить следующие основные:

- наличие противоречий между интересами, ценностями, целями, мотивами, ролями членов общества или группы;
- присутствию противоборства между различными людьми, группами;
- разрыв отношений между определенными группами и внутри них;
- появление и доминирование негативных эмоций и чувств как фоновых характеристик взаимодействия и общения между членами общества и группами» [3, с. 230].

В. Линкольн объединяет возможные причины и факторы порождения конфликтов в несколько групп. Во-первых, им выделяется информационный фактор, заключающийся в неприемлемости информации для одной из сторон (слухи, дезинформация, несвоевременно переданная информация, ненадежность информации). Во-вторых, поведенческие факторы – стремление к превосходству, агрессивность, нарушение обещаний. «Важными представляются также следующие факторы:

- фактор отношений: неудовлетворенность от взаимодействия (несовместимость по ценностям, интересам, манере поведения, негативный опыт отношений в прошлом, низкий уровень доверия, классовые различия);
- ценностные факторы: противоположность принципов поведения (верования, предрассудки, религиозные, культурные и политические ценности и нормы);
- структурные факторы: трудно поддающиеся изменениям объективные факторы (нормы поведения, власть, социальная принадлежность, «правила игры»)» [4, с. 224].

Другой исследователь, Л. Козер, разделяя понятия «конфликт» и «враждебные чувства», подчеркивает, что «в отличие от чувства враждебности конфликт всегда происходит во взаимодействии двух или более сторон. Враждебное отношение представляет собой предрасположенность к конфликтному поведению; конфликт же, напротив, всегда трансакция. Воплотится ли чувство враждебности в реальном конфликтном поведении, отчасти зависит от того, считается ли неравное распределение прав легитимным или нет» [5, с. 57]. Важным для возникновения конфликта, по мнению Л. Козера, является не просто наличие объективных факторов неравенства групп, а именно их осознание как несправедливых: «Прежде чем возникнет социальный конфликт, прежде чем враждебное отношение станет действием, менее привилегированная группа должна осознать, что она на самом деле чего-то лишена. Она должна прийти к убеждению, что лишена привилегий, на которые вправе претендовать. Она должна отвергнуть любое обоснование существующего распределения прав и привилегий» [5 с. 57].

Вслед за Л. Козером разводя понятия конфликта и конфликтогенной активности, проявляющейся как перманентные конфликты различной степени остроты, П.И. Куконков считает, что «факторами конфликта могут выступать:

- сомнения в законности распределения ресурсов;
- неудовлетворенность эффективностью существующих каналов выражения недовольства;
- неудовлетворенность ограничениями социальной мобильности;

В то время как фактором конфликтогенной активности выступает их явно обостренное восприятие:

- уверенность в незаконности распределения ресурсов;
- неудовлетворенность отсутствием каналов выражения недовольства;
- неудовлетворенность отсутствием социальной мобильности» [6, с. 90].

По мнению Р. Дарендорфа, «чтобы конфликты проявились, должны быть выполнены определенные технические (личные, идеологические, материальные), социальные (систематическое рекрутирование, коммуникация) и политические (свобода коалиций) условия. Если отсутствуют некоторые или все из этих условий, конфликты остаются латентными, пороговыми, не переставая существовать. При известных условиях – прежде всего если отсутствуют политические условия организации – сама организация становится непосредственным предметом конфликта, который вследствие этого обостряется» [7].

Если же анализировать причины возникновения социального конфликта в больших группах – культурно-исторических, социально-экономических, – то одной из наиболее очевидных причин возникновения такого рода столкновений является наличие критической массы нерешенных проблем в социально-экономической сфере (низкий уровень жизни, высокий уровень безработицы, резкое социальное расслоение) как имеющей непосредственное отношение к населению страны в целом [8, с. 68–80]. Усугубляется подобная ситуация отсутствием тенденций решения данных проблем и преобладающим вниманием властных

структур к политической сфере деятельности. «Если существует недостаток в пище, крове, одежде, медицине или чем-то еще, требуемом для физического и психологического выживания, конфликт по поводу таких нужд будет принимать особо острый характер» [9, с. 177]. Кроме того, пирамидально-сегментарный тип организации общества более способствует деструктивной борьбе в обществе.

При выделении экономических (равно как и политических) конфликтогенов видно, что они носят смешанный, объективно-субъективный характер. Налицо наличие неравенства в распределении каких-либо ресурсов (объективная составляющая), а также восприятие этого неравенства как значимого и несправедливого для членов, по крайней мере одной из сторон, – участников конфликта (субъективная составляющая).

В рамках теории фрустрации одной из причин социальных конфликтов может стать смещение агрессии с одной общественной сферы в другую. Так, неопределенность или фрустрация (кризис) в экономической сфере могут привести к различным межгрупповым конфликтам (например, межэтническим) в социальной сфере. В периоды экономических спадов и социальных переворотов возможно усиление авторитарных тенденций в обществе, иногда выражающееся в повышении уровня этнической напряженности [10]. В период экономического спада антагонизм приобретает форму открытой враждебности.

К социокультурным причинам возникновения межэтнических конфликтов относятся конфликты между нормами и ценностями, принятыми в обществе. Наиболее часты подобные конфликты на бытовом уровне и в регионах с высокой миграцией населения (различия в культуре, языке, религии, подсознательная неприязнь).

Если же обратиться к привлекающему наибольшее внимание исследователей типу социальных конфликтов – этноконфликтам, то здесь выделяются несколько групп причин, их порождающих. Исторические причины этноконфликтов связаны с хранящимися на подсознательном уровне этноса прошлыми обидами, которые могут трансформироваться в реальную действительность при назревании конфликта и становиться дополнительными фактора-

ми его развития. Одной из основных причин возникновения межэтнических конфликтов являются взаимные территориальные притязания этносов, которые возникают на межгосударственном, межрегиональном, местном уровнях. Часто они исходят от политических элит, правительств, движений. Этнос здесь будет выступать в большей степени как орудие достижения целей указанных групп.

Как указывает Ю.А. Гаврилов и др., в результате проведенного исследования было выявлено, что, согласно мнению респондентов, «...главные причины ухудшения отношений между народами и возникновения межнациональных конфликтов кроются в социально-экономической и политической сферах. Собственно конфессионально-культурные факторы в данном случае играют хотя и важную, но периферийную роль» [11, с. 56–59].

В докладе «Комиссии Карнеги по предотвращению кровопролитных конфликтов» 1998 г. отмечается, что при этнических, религиозных конфликтах «массовое насилие почти всегда происходит из преднамеренного желания амбициозных лидеров и групп отреагировать силовым путем на широкий круг социальных, экономических и политических проблем, которые хоть и создают среду для вооруженных конфликтов, но сами по себе не порождают насилие» [12, с. 25–26]. Социальные, экономические противоречия в обществе выявляют и обостряют подспудно существующие в общественном сознании идеи и образы. Увеличивается криминальная составляющая информационно-пропагандистского аспекта этнических конфликтов.

По мнению Л. Козера, международные конфликты имеют преимущественно реалистический характер борьбы за власть, интересы или ценности (т. е. являются средствами достижения конкретного результата), нереалистическая же составляющая (потребность в снятии напряжения) является вспомогательной, подкрепляющей в данном типе конфликта.

Как видим, факторы скорее субъективного характера, т. е. отражение некой ситуации в сознании людей, отношение к определенным событиям, представляются достаточно значимыми в ситуации порождения конфликта. Также субъективная составляющая имеет значительный вес и в развертывании самой кон-

фликтной ситуации на всех этапах. «Преодоление межэтнической напряженности и конфликтов, экстремизма напрямую связано с развитием качества толерантности в отношениях между людьми на разных уровнях социальной организации» [13, с. 177], понимая при этом толерантность как «отсутствие или очень слабое реагирование сторон на конфликтогенный фактор» [14]. Взаимосвязи объективных и субъективных составляющих социальных конфликтов посвящена публикация ПРООН «Укрепление социальной сплоченности. Определение концептуальных рамок и основные выводы для разработки программ» [15], в которой рассматриваются факторы, приводящие к увеличению насилия и конфликтности в обществе, а также варианты укрепления социальной сплоченности и толерантности, процессы трансформации конфликтов.

Переход конфликтов из одних форм в другие, а также стадийность данного явления относятся к динамике социального конфликта, в рамках которой выделяются предконфликтная ситуация, собственно конфликт (в свою очередь состоящий из инцидента, эскалации, завершения), а также послеконфликтный период [16, с. 27].

Поскольку любой конфликт представляет собой процесс, соответственно, анализ социального конфликта предполагает изучение процесса его изменения и развития, динамики. Так, по мнению М. Дойча, динамика конфликтов любого масштаба (межличностного, межгруппового, международного) схожа и зависит от таких процессов, как «самосбывающиеся пророчества, предубеждения или невольные обязательства» [17, с. 202]. Указанные факторы, опять-таки, носят скорее характер субъективного искажения объективной информации либо отношения к ней.

Предшествующие конфликту обстоятельства, в которых находятся потенциальные стороны противоборства, и обозначаемые как предконфликтная ситуация, также имеют как объективную сторону – ряд обстоятельств, приведших к данной точке во взаимодействии, так и субъективную – отражения этих обстоятельств в сознании социальной группы. Субъективное отражение ситуации может и не совпадать с объективной реальностью, но именно оно

будет определять действия социальных субъектов взаимодействия. Здесь исследователи говорят о «частично понятом» и «ложно понятом» конфликтах, в качестве основания деления предлагая степень понимания одного субъекта другим [18, с. 102].

Социальная напряженность в обществе является одним из индикаторов приближающегося конфликта. Определяя феномен социальной напряженности, можно сказать, что она представляет собой «сопутствующее конфликту состояние общественного сознания и поведения, специфическую ситуацию восприятия и оценки действительности, эмоциональное состояние группы или общества в целом...» [19, с. 49]. Масштабы социальной напряженности сопоставимы с масштабами конфликта и обусловлены ими. Как отмечает А.В. Дмитриев, социальная напряженность возникает в обществе, либо если большинство людей в обществе осознает, что их жизненно важные потребности интересы и права находятся под угрозой, либо если группа людей, «не имеющая возможности удовлетворить свои потребности и реализовать свои интересы при существующих общественных условиях, вступает в борьбу против... препятствий и... ущемления своих прав, распространяя в обществе настроения неудовлетворенности, страха и т. д.» [18, с. 106].

Итак, по сути дела, речь идет о двух вариантах формирования социальной напряженности в обществе: либо путем стечения объективных обстоятельств, либо путем манипулирования общественным сознанием с целью достижения собственных интересов группами, находящимися в оппозиции к существующим властным структурам. Одним из значимых факторов возрастания социальной напряженности становится процесс социального расслоения.

Американский социолог Т. Парсонс, рассматривая напряжение как эндогенную тенденцию к изменению социальной системы, определяет его следующим образом: «Напряжение – это такое состояние отношения между двумя и более структурированными единицами (т. е. подсистемами системы), для которого характерна тенденция преобразования этого отношения в фактор, нарушающий равновесие на соответствующем участке системы. При достаточно сильном напряжении механизмы контроля не

в состоянии поддерживать тот уровень согласованности с соответствующими нормативными ожиданиями, который необходим, чтобы предотвратить разрушение структуры. Напряжение есть тенденция к нарушению уравновешенного баланса входов – выходов между двумя и более единицами системы» [20, с. 550]. Т. Парсонс разрабатывает целый ряд мер, так называемых функциональных предпосылок, обеспечивающих сохранение стабильности общественной системы и предотвращающих появление конфликтов, ведущих к дезагрегации общества и всех его структур, а именно: удовлетворение основных биологических и психологических потребностей значительной части населения данного общества; эффективная деятельность органов «социального контроля», воспитывающих индивидов в соответствии с господствующими в данном обществе нормами и ценностями; совпадение индивидуальных мотиваций и общественных целей, следствием чего является неукоснительное выполнение индивидом предписанных ему обществом функций [21].

Если напряжение захватывает мотивационный уровень системы поведенческого контроля, то возможно структурное изменение социальной системы. Признаки психологической иррациональности организуются при этом по двухполюсной шкале «надежда – страх». «Наиболее важными переменными являются полярные признаки «активность – пассивность», «принудительное отчуждение – принудительное подчинение», которые дают различные типы бунтарства, ухода от жизни, ритуализма и принудительного исполнения... мы вступаем в область фантастических представлений и утопического прожектерства об идеальных будущих и идеализированных прошлых состояниях, о безоблачном, ничем не омраченном существовании... об устранении источников беспокойства без радикального изменения старой структуры» [20, с. 609].

Среди признаков социальной напряженности можно выделить такие, как распространение недовольства положением дел в жизненно важных сферах или существующим общественным порядком; утрата доверия к определенным социальным группам (чаще всего – обладающим властью); эмоциональное возбуждение, истерия в массовых действиях; борьба за сферы влияния

и власть и т. д. [19, с. 49–50]. Если противоречия разрешить не удастся, то напряженность возрастает, что рано или поздно приводит к возникновению конфликта.

Напряжение может быть устранено работой механизмов контроля, обеспечивающих неприкосновенность структуры, либо снято изоляцией нарушающих сил за счет ухудшения функционирования системы, а может привести к структурному изменению либо полному разрушению системы.

Л. Козер вводит понятие «защитные клапаны» – механизмы, институтов, помогающие легитимным путем снимать напряжение социальной системы (обычаи и ритуалы, институт колдовства, замещающее агрессию остроумие, театральные постановки, современная массовая культура и др.). В то же время частично снятая агрессия может привести к гораздо более разрушительному взрыву впоследствии, чем выраженная враждебность по отношению к непосредственному ее объекту. Острота конфликта определяется напрямую его нереалистичностью и эмоциональной вовлеченностью в конфликт субъектов, существенностью затрагиваемых ценностей.

При отсутствии каналов сброса недовольства по поводу распределения ресурсов возникает сомнение в законности подобного распределения, что, в свою очередь, увеличивает вероятность возникновения конфликта. Если затруднена мобильность членов неимущих групп в привилегированные при наличии в данных группах подобной тенденции, то члены этих групп, вероятнее всего, не будут придерживаться законности при решении конфликтных вопросов.

В то же время социальная напряженность является необходимой составляющей существования социальных групп. А.С. Ахиезер выдвинул идею, согласно которой существует конструктивная напряженность, «выполняющая функцию преодоления социокультурных противоречий. Вектор этой напряженности направлен против дезорганизации, энтропийных процессов» [18, с. 108]. Для того чтобы напряженность перешла в конфликт, необходимо прежде всего установление субъект-субъектных отношений между потенциальными конфликтующими сторонами,

осознание собственных интересов каждой из сторон, а также осознание факта блокирования достижения данных целей (интересов) по каким-либо причинам другой стороной. В данной ситуации также возможно искажение в процессе осознания, касающееся либо интересов, либо субъектов социального взаимодействия. Кроме того, пока конфликт не будет адекватно отображен субъектами конфликтного взаимодействия, его разрешение невозможно.

Эскалация конфликта наступает в случае деструктивных моделей поведения сторон. Сторонами осознаются собственные интересы и препятствия к их удовлетворению, которые считаются результатом действий оппонента. Обостряются все противоречия, используется весь доступный противоборствующим сторонам арсенал средств, становится очевидным конфликтное поведение оппонентов.

С психологической точки зрения усугубляются неприязнь, враждебность, агрессивность по отношению к врагу. Взаимодействие становится резко эмоциональным, приобретает непредсказуемый, трудно корригируемый характер. Именно на этой стадии окончательно оформляется полностью негативный «образ врага», считается вполне оправданным использование силовых методов для подчинения противоборствующей стороны, происходит углубление и расширение конфликта на новые сферы и социальные уровни: «... через какое-то время... за некоторым критическим порогом динамика конфликта может стать самостимулирующей...» [22, с. 55]. Взрыв эмоций приводит к проявлению предубеждений. Предрассудки особенно ярко проявляются, когда группы состязаются за недостаточные ресурсы.

Среди признаков эскалации конфликта выделяются такие, как: сужение когнитивной сферы в поведении и деятельности; рост иерархического ранга нарушаемых и защищаемых интересов и их поляризация; потеря первоначального предмета разногласий, перерастание противоречия в более глобальное. Конфликт становится независимым от вызвавших его причин, увеличивается число участников. Рост эмоционального напряжения проявляется как реакция на рост угрозы возможного ущерба, снижение управляемости противоположной стороной, невозможность реализо-

вать свои интересы в желаемом объеме в короткое время и сопротивление оппонента; переход от аргументов к претензиям и личным выпадам [23, с. 249–252].

«Актеры или группы акторов рассматривают все принятое в «своей» культуре в качестве «естественного» и «правильного», а принятое в инокультурах – в качестве «неестественного» и «неправильного». При этом каждая группа полагает, что их нормы подходят не только для них самих, но и для других групп, принадлежащих иным культурам» [24, с. 404].

Групповые стереотипы формируют негативный «образ врага» и позитивный собственный образ. Формирование резко негативного «образа врага» позволяет членам группы оправдать жестокость действий, предпринимаемых в отношении представителей «другой» группы. Сознание постепенно трансформируется: чем больше агрессивных, жестоких действий совершается, тем легче они даются. Для оправдания жестокости в отношении противника ему приписываются негативные характеристики. Так называемый феномен справедливого мира заставляет верить в то, что каждый получает то, что заслуживает. Следовательно, жертвы насилия сами виноваты в том, что оказались в подобном положении. Значит, заслужили то агрессивное к себе отношение, которое проявляется. Жертвам насилия приписывается провокационное поведение, приведшее к «ответной» агрессии и «заслуженной» каре.

Образ «жертвы» в конфликте может оказывать «влияние на социализацию и ресоциализацию людей в обществе, которое считает жертву «своей»; также образ «жертвы» как элемент культуры способствует идентификации и мобилизации людей на основе общих ценностей. «Жертва» как эквивалент социального обмена с древнейших времен позиционирует людей на тех, кто принес жертву, и на тех, кто «повинен» в появлении жертвы. Если «в обмен» на понесенную жертву сторона не получила соответствующую компенсацию («ответный дар»), то она вправе предъявлять претензии к посягателю, кроме того, сторона, считающая себя обиженной, может целенаправленно конструировать «образ врага», повинного в появлении «жертвы» и не возместившего потерю» [25, с. 70].

Карл Юнг отмечает, что объект проекции негативных качеств («образ врага») – этническое или социальное меньшинство – работает на проецирующего, «приманивает» проекцию. «Враг» и «Свои» нуждаются друг в друге, несмотря на то, что друг друга оскорбляют и разрушают. Между ними существуют отношения любви-ненависти, чувства передаются от одного субъекта отношений другому, за счет чего устанавливается социально-необходимая интеграция. «Образ неустранимого врага» позволяет сместить ответственность за несчастья на него. «Образ врага» включает в себя архетип «Тени», т. е. негативные качества, отрицаемые в себе. Если возможно спроецировать агрессию одной нации на другую, создав образы «Своих» – «Чужих» в массовом сознании, то коллективную «Тень» человечества нельзя спроецировать на отдельную нацию, что приводит к альтернативе Смерть – Интеграция (всех групп, составляющих человечество) [26, с. 205–206].

Как отмечает М. Лебедева, схематизация вследствие стереотипизации приводит к упрощению пропаганды войны, агрессии, строящейся по дихотомии «свой – чужой». Подобные дихотомии предполагают наиболее простые решения, нацеленные на уничтожение врага, «чужого». «Чем примитивнее пропагандистский образ (врага), тем он легче ассимилируется в систему стереотипов социальных и этнических групп» [27, с. 107]. По мнению Э. Фромма, «образ врага» создает идеология, воспроизводя архаический тип сознания и утверждая, что классовые или национальные интересы выше общечеловеческих.

Однако Л. Козер указывает и позитивные функции действия в обществе предрассудков. Так, они обеспечивают канализацию враждебных чувств в обществе путем переноса враждебности с объектов, непосредственно ее вызывающих, на агрессию по отношению к которым является запретной, на объекты, лишенные возможности сопротивления, что обеспечивает сохранение и функционирование системы в целом. Как указывает Т. Парсонс, если невозможно или опасно открытое выражение агрессии по отношению к членам своей группы, то психологически легче смещать аффект на внешнюю группу, в отношении которой уже существует некоторое основание для антагонизма: «...предпо-

лагается, что моральное поведение проявляется по отношению к членам своей группы, но не является необходимым по отношению к членам других групп» [28, с. 179].

Согласно И.Д. Сахурия, понятия «Чужое» и «Собственное» тесно связаны с понятием «культура» и коррелируют друг с другом. «Но Чужое, с которым мы никогда не сталкивались, не актуально. Актуальным оно становится только тогда, когда попадает на границу с Собственным, соприкасается с ним и противопоставляется ему» [29, с. 156]. Собственное безопасно и предсказуемо, привычно и понятно, так как вписано в рамки культуры. Чужое же не конкретизировано и непредсказуемо, несет в себе потенциальную неизвестную угрозу, что и заставляет наделять его негативными, агрессивными характеристиками. Далее он указывает, что семантически оппозиция «Собственное – Чужое» всегда оказывается эмоционально окрашенной. «... Если... контакты минимальны и носят нейтральный характер, или Собственное выступает как более сильная и более развитая сторона в этих контактах, то в отношении Чужого употребляются эпитеты, несущие минимальную эмоциональную окраску, от нейтральных до умеренно негативных. Причем оценка будет касаться преимущественно уровня культурного развития и интеллекта Чужого... Если Чужое вступает в конфликт с Собственным, создавая ему при этом реальную угрозу, эпитеты в описании... Чужого будут носить ярко выраженный негативный характер. Причем негативная оценка будет касаться скорее морального облика Чужого...» [29, с. 156]. Так формируется образ Чужого как врага.

«Когда ключевой конструкцией становится оппозиция «наши – враги», искусственно уничтожается смысловое пространство компромиссов. Всякая попытка конструктивного взаимодействия ... исключается» [30, с. 263].

Накал негативных эмоций провоцирует проявление предубеждений в сфере этнического, религиозного сознания. В то же время люди, в одинаковой степени подверженные действию фрустрирующих факторов, не обязательно в равной степени будут подвержены действию предрассудков. Так, например, поскольку одной из причин конфликтов является дефицит опреде-

ленного ресурса, то в социальной сфере негативные стереотипы могут активизироваться при дефиците рабочих мест и усилении иммиграции. Соответственно, безработица, как одно из проявлений кризиса в экономической сфере, может привести к межэтнической напряженности в силу нарастания конкуренции за рабочие места. «Этническим конфликтам свойственны некоторые особенности бессознательного поведения: эмоциогенность, алогичность, символизм, слабая обоснованность рациональными доводами совершаемых действий... Национально-этнические стереотипы закрепляются человеком с детства и в будущем функционируют в основном на подсознательном уровне. Поэтому для межэтнических конфликтов характерны такие специфические черты бессознательного поведения, как алогичность, символизм и недостаточная обоснованность рациональными доводами совершаемых действий» [31, с. 124].

В. Титов, анализируя технологии современных «цветных революций», являющихся формой социального конфликта, т. е. конфликта между большими группами (политическими, социальными – в первую очередь), выделяет «четыре базовых механизма, которые оказываются востребованными в практиках «цветных» протестов: переформатирование паттернов массового сознания; механизм «символической жертвы», метафоризация и символизация политического пространства; и использование кризиса национально-государственной идентичности» [30, с.263]. Указанные механизмы относятся в большей степени к субъективному отражению в массовом сознании некоторых объективных процессов, и именно в силу такого характера конфликты не могут быть ни полностью исключены, ни подавлены надолго.

Причины конфликтов раскрывают истоки их возникновения и позволяют прогнозировать характер их протекания, а также предлагать более эффективные методы урегулирования. В то же время путь, которым разрешился конфликт, сам по себе еще не обнаруживает подлинной причины конфликта. Нахождение субъектов конфликта в различных формах целого требует их взаимодействия и запускает конфликт, поскольку они всегда находятся именно в рамках различных форм целого: общего пространства,

общей деятельности, единого интервала времени, общей культуры, правовых и моральных норм [32, с. 94].

Однозначное, четкое разделение причин возникновения конфликтов, а также механизмов конфликтного взаимодействия на объективные и субъективные невозможно. Каждый конфликт обусловлен в равной степени как объективными, так и субъективными факторами, создающими неразделимое единство. Большое значение при возникновении конфликта имеет субъективное отражение объективных условий.

Практика управления социальными конфликтами может быть успешной, если ее объектом будут выступать не «частично понятые» и «ложно понятые» конфликты, а реально существующий или возникающий конфликт, если она строится с учетом взаимосвязи конфликта с актуальными противоречиями. Многообразие конфликтов предполагает использование организационных, информационных, коммуникативных, социально-психологических способов и приемов воздействия на конфликтные ситуации.

Литература

1. *Вахнина В.В.* и др. Основы конфликтологии в деятельности руководителей органов внутренних дел: учебное пособие / под ред. В.В. Вахниной. М., 2019.

2. *Ракитов А.И.* В защиту субъективности (социальная реальность, социальная деятельность, социальное познание) // Вопросы философии. 2018. № 9.

3. *Крысько В.Г.* Психология и педагогика. Вопросы – ответы. М.: Юнити-Дана, 2004.

4. *Емельянов С.М.* Практикум по конфликтологии. СПб.: Питер, 2009.

5. *Козер Л.А.* Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуал. книги, 2000.

6. *Куконков П.И.* Социальное напряжение и конфликтогенная активность // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 4 (40).

7. *Дарендорф Р.* Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5.

8. *Осеев А.А.* Социальное неравенство как фактор социальной напряженности в российском обществе // Вестник Моск. ун-та. сер. 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 68–80.

9. *Дойч М.* Конструктивное разрешение конфликтов: принципы, обучение и исследования // Психология конфликта. Хрестоматия / сост. и общ. ред. Н.В. Гришиной. СПб.: Питер, 2008.

10. См., например, описание исследований: *Майерс Д.* Социальная психология. СПб.: Питер, 1999.

11. *Гаврилов Ю.А., Кофанова Е.Н., Мчедлов М.П., Шевченко А.Г.* Сфера политики и межнациональные отношения в восприятии религиозных общностей // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 56–59.

12. *Смирнов П.* «Мерцающий режим» конфликтов самоопределения в восточной Европе // Хронические конфликты в мировой политике. 2006. Т. 4. № 2 (11). С. 25–26.

13. Толерантность и культура межнационального общения: учебно-методическое пособие (для студентов высших учебных заведений). Краснодар: Просвещение-Юг, 2009.

14. Подробнее о толерантности см.: Толерантность в современном обществе: опыт междисциплинарных исследований: сборник научных статей / под науч. ред. М.В. Новикова, Н.В. Нижегородцевой. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011.

15. Укрепление социальной сплоченности. Определение концептуальных рамок и основные выводы для разработки программ. NY, 2019. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nsktvs.ru/node/162> (дата обращения: 22.01.2021).

16. *Петровская Л.О.* понятийной схеме социально-психологического анализа конфликта // Хрестоматия / сост. и общ. ред. Н.В. Гришиной. СПб.: Питер, 2008.

17. *Дойч М.* Разрешение конфликта (конструктивные и деструктивные процессы) // Социально-политический журнал. 1997. № 1.

18. *Дмитриев А.В.* Конфликтология. М.: Гардарики, 2002.

19. *Кильмашикина Т.Н.* Конфликтология: социальные конфликты. М.: Юнити-Дана, 2004.

20. *Парсонс Т.* Очерк социальной системы // О социальных системах. М.: Академический проект, 2002.

21. *Абгарян Р.Э.* Категории «Противоречие» и «Конфликт» в истории социально-политической мысли. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nsktvs.ru/node/162> (дата обращения: 12.03.2021).
22. *Ожиганов Э.Н.* Профиль терроризма: природа, цели и мотивация // Социологические исследования. 2006. № 2.
23. *Аницупов А.Я., Шипилов А.И.* Конфликтология. СПб.: Питер, 2008.
24. *Абгаджав Д.А., Петрова Н.В.* Насилие и конфликт в межкультурном взаимодействии // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2018. Т. 34. Вып. 3.
25. *Козырев Г.И.* Конструирование «жертвы» как способ создания управляемой конфликтной ситуации // Социологические исследования. 2009. № 4.
26. *Соколов Э.В.* Введение в психоанализ. Социокультурный аспект. СПб.: Лань, 1999.
27. *Лебедева М.* Особенности восприятия при конфликте и кризисе // Хрестоматия по конфликтологии. Харьков: ХНАГХ, 2008.
28. *Дойч М.* Конструктивное разрешение конфликтов: принципы, обучение и исследования // Психология конфликта. Хрестоматия / сст. и общ. ред. Н.В. Гришиной. СПб.: Питер, 2008.
29. *Сахурия И.Д.* О роли религиозного фактора в формировании образа Чужого // Конференция «Современная Россия и мир: альтернативы развития (этноконфессиональные конфликты и вызовы XXI века)»: материалы международной научно-практической конференции / под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул, 2006.
30. *Титов В.В.* Технологии «цветных революций» в современном мире: «борьба за смыслы» и кризис национально-государственной идентичности // Международные отношения International Relations. 2016. № 3.
31. *Григорян Д.К., Ароян А.С., Веренич И.Г.* Межэтнические конфликты: типы, содержание и пути преодоления // Философия права. 2018. № 3 (86).
32. *Келасьев О.В.* Социальный конфликт как целостное образование // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Сер. 12. Вып. 3.

О ПРОБЛЕМАХ ПОДГОТОВКИ МОЛОДЕЖИ К РАБОТЕ В НАУКЕ: РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ

Наука в современном мире имеет исключительное значение поскольку в рыночной системе становится основным источником инноваций и экономического роста. Ее результативность обеспечивается прежде всего устойчивой работой коллективов ученых и постоянным притоком молодых исследователей. В данной статье нам хотелось бы кратко охарактеризовать современное состояние науки в РФ, ее «болевы точки» на пути от первого школьного интереса к науке до формирования молодого исследователя.

В 2019 г. в одном из интервью чл.-корр. РАН, профессор Л.Э. Миндели на просьбу указать, в чем «сегодня особенно остро нуждается российская наука (изменении в нормативно-правовой базе, снижении бумажной волокиты, увеличении финансирования НИР) при подготовке нового поколения молодых ученых, модернизации научно-исследовательской инфраструктуры, лабораторной базы», ответил, что «на первое место следует поставить подготовку научных кадров» [1, с. 32].

Что же произошло в научной сфере России за без малого 30 лет, почему кадровый вопрос встал так остро? Чтобы ответить на эти вопросы, стоит хотя бы штрихами показать масштабы и направления изменений в российской науке за этот период. Происшедшее многие исследователи науки называют трагедией. Уже в начале 1992 г. Н.Н. Моисеев емко охарактеризовал ситуацию так: «перед нами руины научной империи» [2].

В начале 1990-х российская наука попала в совершенно новую экономическую ситуацию. Сокращение финансирования по всем направлениям шло с ведома руководства страны, правда, оно и само оказалось в заложниках рыночной роли науки. Дело в том, что в основу большинства стратегий развития науки, техники и инноваций на рубеже XX-XXI веков положены определенные исходные принципы и ориентиры:

1) экономический рост основан на инновациях, которые обеспечиваются за счет знаний;

2) высшее образование не является сегодня «монополистом» производства знаний, так как период полного технологического обновления производства сократился до 10-15 лет, а производство становится все более проектным; в современных условиях сформировался «треугольник производства знаний»: образование – исследования – инновации (the knowledge triangle, integrating education, research and innovation) – именно треугольник, поскольку каждый элемент влияет на оба других;

3) образование, исследования и инновации взаимообусловлены, что обеспечивается «образовательной спиралью», предполагающей взаимодействие вузов, государства (через его экономические и социальные институты), и бизнеса (triple helix);

4) экономический рост, обеспечивающийся «треугольником производства знаний», воспроизводится, т. е. его результаты позволяют сделать новые инвестиции для будущих инноваций, создать очередной источник роста производства, что приводит к общему росту экономики, числа занятых, оплаты труда и качества жизни [3, с. 134].

Как можно заметить, ключевое слово в этой логике – «экономический рост», всё подчинено ему, основанному на рыночных принципах функционирования экономики. Поэтому наука предстает здесь не как средство развития человека (человечества), а как средство экономического роста.

Исходя из этих принципов, относительно науки реформаторы России пришли к трем убеждениям:

- во-первых, серьезная наука в объемах и многообразии прикладных и фундаментальных направлений, доставшаяся от СССР, больше не нужна, ее не надо финансировать в прежних объемах;
- во-вторых, организационная структура науки с ее концентрацией в системе РАН и отраслевых институтах неэффективна в отличие от дислокации ее в университетах, финансовые потоки надо перенаправить именно в вузовскую науку;

- в-третьих, финансирование науки исключительно государством крайне неэффективно, науке надо самостоятельно искать средства для развития в научных фондах и инициировать заказы частного сектора.

Каждое из приведенных убеждений было подкреплено соответствующими решениями, мерами, что и привело к сегодняшнему состоянию российской науки. Современный научный мир поляризован – есть группа стран, доминирующих в науке и НИОКР, и есть «научно-технологическая периферия, утрачивающая научную идентичность и становящаяся кадровым «донором». К сожалению, уже достаточно долгое время наблюдается тенденция «сползания» нашей страны на эту периферию» [4, с. 61–62]. Стоит напомнить, что эта тенденция была обозначена в начале 1990-х практически сразу: в 1994 г. в докладе экспертов ОЭСР о научно-технической и инновационной политике в РФ содержалась рекомендация постепенно сократить количество ученых до 300 тыс. чел. [5, с. 26].

Обратимся к фактам: в результате эмиграции в стране больше нет многих научных школ, исследовательских коллективов, закрыты перспективные научные направления, не говоря уже об отъезде многих выдающихся ученых. «По экспертным оценкам, в 1990 – 2000-е гг. Россию покинули 70 – 80 % ведущих математиков и 50 % ведущих физиков-теоретиков <...>, расчеты показывают, что реальные потери «утечки умов» в страны дальнего зарубежья за период 2002-2015 гг. ... составляют 7,2 – 9,6 тыс. докторов и кандидатов наук» [6, с. 23]. Если же посмотреть на вершину этого айсберга, то окажется, что сейчас «только в американских университетах, по самым приблизительным оценкам, профессорские позиции занимают около 4 тыс. российских ученых, в сфере высоких технологий в тех же США заняты свыше 100 тыс. специалистов – выходцев из России» [5, с. 23]. Но была еще и «внутренняя эмиграция»: десятки тысяч ученых в самом продуктивном возрасте пополнили ряды мелких и средних предпринимателей или пополнили ряды управленцев в крупных структурах частного бизнеса [6, с. 205–206].

Результаты такого «исхода» научных кадров представлены на рисунке 1. Об этом говорят и такие данные: «В России чис-

ленность персонала, занятого исследованиями и разработками, составляла в 2017 г. 778,2 тыс. чел., и ее доля в мире постоянно уменьшалась: 2005 – 13,1 %, 2010 – 9,5 %, 2017 – 6,9 %» [7, с. 13].

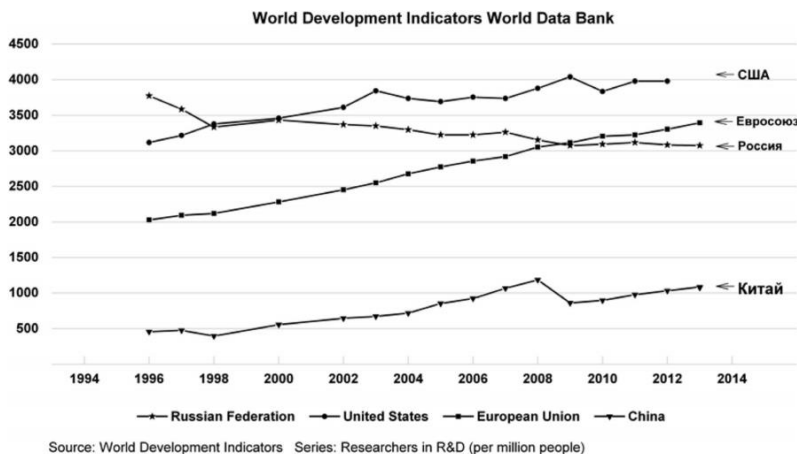

Рисунок 1 – Динамика численности профессиональных исследователей на 1 млн. населения в США, Евросоюзе, России и Китае в период 1996–2014 гг. (данные Всемирного исследования показателей развития) [3, с. 144]

Если теперь провести «инвентаризацию» проблем кадрового потенциала российской науки по состоянию на сегодня, то можно констатировать следующее:

- значительное сокращение кадрового потенциала (по сравнению с началом 1990-х годов), распад ряда научных школ, ослабление региональных научных центров, отсутствие научной конкуренции [4, 5];
- сокращение числа исследователей в наиболее активном творческом возрасте – от 40 до 50 лет – и рост среднего возраста докторов наук [8, с 54];
- минимальная внутренняя территориальная мобильность ученых [9];
- низкая мотивация выпускников университетов продолжать свое профессиональное развитие в науке [3];

- падение качества образования, снижающее возможности проявления у выпускников университетов способностей к научному творчеству [3];
- низкая эффективность подготовки кадров науки в системе магистратуры и аспирантуры [3, 10];
- невысокая ориентация школьников и их родителей на карьере в науке [11];
- падение престижа научного труда и статуса исследователя, научных степеней и званий;
- низкая степень доверия населения науке [8];
- слабая эффективность политики стимулирования возвращения в Россию ранее выехавших за рубеж успешных исследователей [12];
- слабая эффективность университетского сектора российской науки [13];
- непоследовательность в действиях различных ведомств по реформированию науки и образования, критичный дефицит специалистов, обладающих организаторскими способностями в области развития науки [5, 13, 14, 15].

Обратимся теперь к молодежному вектору в науке. Считается, что путь в нее должен начинаться со школы. Действительно, в 9–11-х классах дети и их родители формируют траектории дальнейшего жизненного пути. Приоритет при этом отдается планам, основанным на прагматизме. «Достойный образ жизни своего ребенка большинство родителей и в 2000 г., и в 2016 г. связывают с профессией, требующей высшего образования. Примерно 23 % семей в 2000 г. и столько же в 2016 г. хотели видеть своих детей предпринимателями либо работниками в сфере услуг» [11, с. 140]. В то же время, согласно опросу ВЦИОМ, 64 % родителей склонны считать научную карьеру приемлемым вариантом для своих детей. Данные опроса отражают положительное восприятие родителями научной карьеры детей.

Однако это хотя и позитивное, но только намерение, и от школьной парты до выбора научной стези еще достаточно длинный путь. И к нему надо быть готовым не «теоретически», а вполне конкретно, т. е. важно иметь необходимые для этой дея-

тельности склонности и навыки. Известно, что для научной деятельности (и не только для нее) надо обладать развитыми аналитическими способностями. Поэтому неудивительно, что одним из приоритетов школьного образования родители считают развитие аналитического мышления и умения рассуждать (41 %). Однако 30 % из них не видят должного внимания школьной системы к развитию этих способностей у своих детей¹. В то же время родители понимают, что в таком возрасте не стоит односторонне развивать ребенка, и по возможности используют потенциал дополнительных общеобразовательных программ. Тем самым они стремятся восполнить недоработки школы, выйти за рамки ее нормативных возможностей. К тому же, как полагает руководитель департамента исследований ВЦИОМ С. Львов: «Сегодня мир профессий движется в сторону многозадачности и многопредметности: современный специалист должен ориентироваться во всем, что оказывает какое-то влияние на сферу его интересов. Концентрация на одном предмете становится рискованным выбором для юного таланта. Оптимально – развивать таланты, вместе с тем вовлекаясь в другие области знаний, в разнообразные социальные практики, спорт, искусство и досуг» [16]. В этом контексте показательны данные о том, что предметные области дополнительных занятий более чем на 60 % находятся в сферах спорта, искусства, туризма, что само по себе очень полезно для развития детей, но далеко от развития навыков, нужных для труда в науке [17, с. 4].

Считается, что путь в науку должен начинаться со школы. В этой связи стоит обратиться к предметным олимпиадам школьников. Как отмечается на сайте ВСОШ² : «Первая школьная олимпиада состоялась еще в XIX веке, когда Астрономическое общество Российской империи организовало «Олимпиаду для учащейся молодежи». Еще одним прообразом современных олимпиад можно считать конкурс по решению задач, проводившийся журналом «Вестник опытной физики и элементарной математики» в 1885-1917 гг.» В советское время, в 1930-е годы,

¹ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/shkolnoe-obrazovanie-zadachi-prioritety-potrebnosti>.

² URL: <http://vserosolymp.rudn.ru/history/>.

школьные олимпиады были восстановлены, когда была проведена олимпиада по математике. Но что принципиально важно: и до революции, и потом участие в них не давало особого права поступления в вуз. Олимпиады были нацелены на то, чтобы заинтересовать, увлечь ребенка наукой еще со школы. Всё начало меняться после того, как в 1967 г. было принято «Положение о Всесоюзных олимпиадах школьников». В нем победителям Всесоюзных олимпиад было предложено предоставлять льготы при поступлении в вузы соответствующего профиля. К тому времени такими льготами уже обладали участники Международной математической олимпиады¹. По мере того, как масштабы проведения школьных олимпиад росли и по числу участников, и по числу предметов, льготы стали соблазном, превращенной формой, «троянским конем», перевернувшим смысл школьных олимпиад. С сожалением приходится констатировать, что олимпиады старшеклассников сегодня – «... это замаскированные вступительные экзамены, на которые начинают напозать все неизбежные при этом беды» [18].

Каковы же пути-дороги олимпиадников? В вузы, находящиеся во второй сотне рейтинга, количество поступивших по результатам олимпиад можно пересчитать по пальцам, в то время как в московские и санкт-петербургские поступает 85 % олимпиадников². Однако это не значит, что все они жаждут заниматься наукой, очевидно, что для подавляющего большинства приоритетом являются столицы, а не наука. Если в вуз по олимпиадной льготе поступает больше половины абитуриентов, то это технология поступления, а не отбор талантов (таблица 1).

¹ URL: <https://berkovich-zametki.com/2008/Zametki/Nomer3/Bruk1.htm>.

² URL: https://ege.hse.ru/stata_2020.

Таблица 1 – Топ-10 вузов по доле победителей
и призеров олимпиад среди поступивших в бакалавриат
на бюджетные места в 2020 году

(Учитывались поступившие без вступительных
экзаменов (<https://www.hse.ru/figures/#rubric2>))

Вуз	Олимпиадники	
	число чел.	доля %
НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва	1015	42
МГУ имени М.В. Ломоносова	659	18
Университет ИТМО	445	38
Санкт-Петербургский государственный университет	434	22
МФТИ (государственный университет)	422	49
Финансовый университет при Правительстве РФ	347	24
НИ ядерный университет «МИФИ»	341	54
РАНХ иГС при Президенте РФ	275	39
Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна	205	22
Первый государственный московский медицинский университет им. И.М. Сеченова	150	11

Как результат, 10 – 15 % студентов, поступивших в вузы по результатам олимпиад, учатся плохо¹. Разве можно такое представить в отношении школьников «одаренных», «креативных», «стремящихся к успеху». В этом контексте странно звучат слова Я. Кузьмина: «... даже если бы олимпиады РСОШ проводились вдвое хуже, чем сейчас, от них отказываться нельзя, потому что тогда слишком многие дети упустят свой шанс»². О каких шансах идет речь? Ведь олимпиады не добавляют ни бюджетных, ни внебюджетных мест в вузах. Экспертные оценки результативности

¹ URL: https://ege.hse.ru/stata_2020.

² URL: https://ege.hse.ru/stata_2020.

олимпиад дают еще более грустную картину: «... судьба олимпиадников тоже всем известна. 90 % олимпиадников, которые активно работали в школе, как правило, угасают к диплому... » [3, с. 192]. Система тем временем только набирает силу: «Без вступительных испытаний в вузы зачислен 4881 победитель и призер олимпиад школьников – на 21 % больше, чем в прошлом году»¹.

Таким образом, можно констатировать, что олимпиады как форма отбора талантливейшей молодежи, нацеленной на подготовку к жизни в науке, себя исчерпала. Теперь это параллельная, наряду с ЕГЭ, возможность поступления в вузы.

Так или иначе школьники, решившие задачу поступления и ставшие студентами, приступают к обучению.

В контексте возможностей формирования научных компетенций попробуем оценить, есть ли у ППС вузов условия, желание и готовность выявлять у студентов склонности к научной деятельности и развивать их.

И фундаментальным, и прикладным специальностям присуща, хотя и в разной степени, подготовка к научно-исследовательской деятельности как одной из основных. Для оценки результативности этого вида работы в российских вузах и академических институтах в статье использованы материалы глубинных интервью, проведенных в ходе выполнения Гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества², результаты которого частично опубликованы [3].

В первую очередь зададимся вопросом: когда, на каком этапе обучения, можно начинать заниматься исследовательской деятельностью и, соответственно, диагностировать наличие таких способностей?

(Г_rus_ку_06) Конечно же, когда к нам приходят бывшие школьники, ... первый год – он абсолютно мучительный. ... Даже самые сильные абитуриенты ... испытывают неимоверные сложности. ...Одна из таких сложностей – это ... самостоятельность мышления. ...Когда мы показываем возможности, которые открывает научное мышление, здесь возникает на первых порах

¹ URL: https://ege.hse.ru/stata_2020.

² Проект № 17– 1–006957. URL: http://acur.msu.ru/pgrant_main. Php.

просто непонимание, ... что это, как вообще так мыслить... Почему мы говорим о самостоятельности научного мышления? ...К сожалению, они не различают базовые тексты, назовем их источниками, и исследовательскую литературу – это первое. Второе: они не отличают качественную научную литературу от «мусора». Третье: как правило, они не хотят понимать, что заимствование чужих текстов невозможно. ...Именно преподаватели делают эту научную прививку студентам.

(М_rus_фи_20) ... с первых дней обучения в вузе ... университет – это кладезь интеллекта. И человек, придя в университет, должен сразу окунуться в эту атмосферу.

Однако не в каждом вузе есть такая нацеленность. Российская система высшего образования за последние десятилетия прошла несколько кругов форматирования, сложилась новая стратификация. Ресурсы, в том числе и на науку, сосредоточены в значительной степени в элитной группе вузов – МГУ, СПбГУ, федеральных и национальных исследовательских университетах. Это означает, что талантливый молодой человек, вынужденный по каким-либо причинам учиться в провинциальном вузе, имеет намного меньше возможностей включиться в научные исследования и стать исследователем.

(Г_rus_ис_05) ... Я на этот вопрос сказал бы так: это зависит от уровня университета. ... Мы стараемся уже с уровня бакалавриата давать им такую научную ориентацию, исследовательскую.

Но даже в элитном университете выявление научных талантов не находится на первом месте, так как программы бакалавриата этому не способствуют.

(Г_rus_ис_08) На мой взгляд, готовить к научно-исследовательской работе нужно начиная с первого курса, т. е. с бакалавриата. И то, что сейчас бакалавриат ориентирован на образовательную сторону, но не на исследовательскую, – это, конечно, большое упущение.

Другая часть экспертов полагает, что исследовательские способности можно обнаружить не ранее 2-3-го курса или даже во-

все не обнаружить в бакалавриате, – это раз. А во-вторых, таких студентов априори немного.

(O_rus_эк_15) *Дело в том, что количество людей, которым в принципе не противопоказано заниматься наукой, очень ограничено. Их немного. Задача заключается в том, чтобы ориентировать их ровно на эти функции, как можно раньше. ...В любом случае, это курс 2-3-й.*

Однако недостаточно выявить способности, начать работать со студентами над научными проектами, важно создать условия, в которых эти студенты не утратят интереса, их мотивация не снизится, они не только защитят ВКР и диссертации, но и останутся работать в науке. Но для этого студентов надо вовлекать в науку в доступных для них формах.

(O_rus_по_40) *А как вообще студент бакалавриата почувствует вкус к научному творчеству, если он не будет заниматься наукой хотя бы со второго курса? На первом ...это ни к чему хорошему не приводит. Пусть они осмотрятся, посмотрят, какие темы есть на разных кафедрах. А вот где-то со второго курса надо уже выбирать тему и по ней работать, очень включенно.*

Как ни странно, но это не массовое мнение, чаще, даже в элитных вузах, наблюдается другой подход.

(M_rus_ге_03) *... Ненужно от всех бакалавров требовать какого-то нового поиска. А вот что нужно, так это дать какой-то сюжет для реферата, который бы ему позволил самому почитать что-то, вникнуть, узнать новое и обобщить.*

Само же выявление исследовательских способностей производится в процессе наблюдения за работой студентов на различных видах занятий, практик, написания курсовых.

(O_rus_эк_22) *Я бы сказал, что и в рамках основных дисциплин очень важно эти компетенции развивать ... максимально отходить от шаблона, когда просто начитываются лекции ... потом они приходят и сдают устный экзамен. ... Это как раз антиисследовательская компетенция.*

Но надо честно сказать, что разглядеть «научную искру» в студенте дано не всем преподавателям, даже имеющим ученую степень. Особая роль в этом, конечно, принадлежит научным руководителям [19].

(O_rus_co_23) «... речь идет о готовности и о грамотности преподавателя передать свои знания по методике, методологии научного исследования своему студенту. ... Я бы отметила, что не каждый преподаватель может руководить научно-исследовательскими, учебными исследовательскими работами студента. ... в идеальной модели должен быть некий отбор. ... Но мы поставлены сегодня просто в те рамки, когда нам научных руководителей не хватает для того, чтобы этот отбор осуществлять».

Еще одно препятствие, появившееся на пути в науку, – это новая трехуровневая система образования. Сегодня студенту, чтобы дойти до защиты диссертации, необходимо пройти три образовательные ступени (бакалавриат – магистратура – аспирантура). Поскольку на каждой ступени образовательные программы имеют свои задачи, то возникает вопрос об их сопряжении, в частности, подготовки к исследовательскому виду деятельности. В его решении эксперты вполне справедливо отталкивались от опыта работы в системе специалитета, принимая его за некую исходную, хорошо отработанную и в целом успешную систему.

(M_rus_фи_17) ... система бакалавриат – магистратура хороша тем, что человек, если он понял в бакалавриате, что деятельность, которой он занимается, не его, у него есть, что называется, Юрьев день ... Другая точка зрения говорит о том, что вот этот разрыв, бакалавр – магистр, он, в общем-то, плох тем, что люди уже на 4-м курсе – это очень важный курс, когда очень много у них всякой такой сложной учебы. Они вынуждены сокращать семестр. ... Из-за того, что это выпускной курс, они вынуждены очень сильно срезать программу. И это нехорошо, это выбивает из ритма.

Сломав специалитет, страна получила взамен систему, преимуществ которой не увидели ни студенты, ни вузы, ни работодатели. Студенты оказались в смятении – нужно ли и зачем идти после бакалавриата в магистратуру; преподаватели не понимали, как цельную пятилетнюю программу разделить между тремя (!) ступенями; работодатели пребывали в ступоре – кто такие магистры и выпускники аспирантуры без защиты, чем отличаются и на что способны...

(О_rus_эк_02) *Я же вижу, что происходит, есть ЕГЭ, чему мы учим в бакалавриате, мы доучиваем тому, чему можно было научить в школе, потому что школа начинает готовить не к жизни, а к вузу, именно к поступлению... В магистратуре мы его, наконец, учим, чему учили в бакалавриате. Если смотреть дальше, то аспирантура становится образовательным уровнем, хотя я полагаю, что ... нам этот образовательный уровень не нужен.*

(М_rus_хи_24) *... что я могу сказать, принципиально нового в курсе неорганической химии для аспиранта в отличие от студента 1-го курса ... по большому счету, ничего. Я могу усилить за счет современных методов исследования, за счет исследовательских компонентов, составляющих и так далее, но, опять-таки, это ведь не качественно новый результат, который позволяет нам 2 раза фактически делать одно и то же.*

Эксперты отмечают серьезные системные проблемы в подготовке к исследовательскому виду деятельности при переходе к схеме бакалавр-магистр.

(Г_rus_ис_09) *... я все-таки сторонница прежней системы, когда студент в рамках специалитета получал хорошую базовую подготовку. Мне кажется, именно эта базовая подготовка должна служить основой для исследовательской деятельности. А переход на бакалавриат и магистратуру ... очень сильно сокращает возможность базовых курсов, И еще ... на мой взгляд... в магистратуре студенты из-за обилия спецкурсов не получают ... целостности. По сути, выпускники бакалавриата оканчивают университет ... недоученными, а магистранты ... тоже недоученные, потому что у них база слабая.*

Формами, создающими научную среду, в которой не только обнаруживаются, но и формируются научные компетенции, традиционно считаются студенческие научные лаборатории, кружки, семинары – именно там происходит научная социализация.

(М_rus_фи_17) *... понимаете, в чем дело. Вот в нашей научной группе ... большой молодежный, студенческий коллектив. И, конечно же, они друг с другом все общаются... обсуждают все научные проблемы, и тут же находится старший, если что надо, можно его спросить. ... Я не знаю, можно ли называть это кружком. Наверное, это просто какая-то социализация ...*

Однако такие возможности с большей вероятностью появляются в академической среде. В вузе пресловутая «оптимизация» не только повысила число студентов на одного преподавателя, увеличив тем самым нагрузку, но и сократила сроки преподавательских контрактов до года-двух. На наших глазах появляется преподавательский «прекариат», не склонный работать на перспективу. Хотя функция «выявления» и «выращивания» начинающих исследователей возлагается в первую очередь на вузы. Но в отличие от специализированных НИИ научная деятельность в российских вузах (за исключением ряда элитных вузов) носит второстепенный характер по сравнению с образовательной [10].

(Г_rus_ис_05) ... будем прямо говорить: во многих вузах преподаватели замучены этой повседневкой, рутинной работой, написанием множества бумаг...

Поэтому понятно, что кружковая традиция поддерживается не на всех факультетах.

(О_rus_эк_02) Касательно кружков и прочего, да, конечно, было бы хорошо, чтобы это всё существовало ... Но, с моей точки зрения, сейчас с этим труднее, чем 25 лет тому назад, потому что, во-первых, больше времени было у старших, чтобы заниматься научными кружками, опекать и так далее, сейчас меньше. Поэтому в бакалавриате вся эта система кажется меньше.

Конечно, все эксперты согласны с тем, что ключевой формой подготовки к исследовательскому виду деятельности является участие студентов в реальных научно-исследовательских проектах. Однако возможности для привлечения студентов к таким проектам есть далеко не везде.

(Г_rus_ис_08) Особых условий для привлечения студентов, конечно, нет. Здесь все сугубо индивидуально, прежде всего участие в рамках грантов кафедры и исследовательских проектов кафедры, но в индивидуальном порядке. Что касается возможностей, они учебным планом особенно не предусматриваются, т. е. часов для научно-исследовательской работы в бакалаврской программе нет.

(Г_rus_ку_06) Вы знаете, у нас этот опыт небольшой, к сожалению. Потому что у нас в университете есть проектная

работа, но это очень большие такие проекты, масштабные, в которые в основном вовлечены ... опытные исследователи, даже аспирантов там не очень много, на самом деле, не говоря уже о, например, магистрантах, про бакалавров я вообще молчу.

(Г_rus_фл_41) Вы знаете, здесь какого-то однозначного ответа быть не может. Но это скорее исключительные студенты.

Альтернатива есть, но организовать её могут лишь единичные вузы. Она в следующем.

(О_rus_эк_22) ... это делается, но ... несколько в другом формате, не посредством научного руководства, а в рамках учебного процесса, посредством привлечения студентов в различные научные центры, лаборатории, которые функционируют в университете, ... там студенты нужны. ... Некоторых студентов находят еще в бакалавриате, дальше они поступают в магистратуру, аспирантуру, и таким образом в течение длительного времени студент работает в рамках какой-то лаборатории института, действительно работает над реальными проектами, выходит на реальные публикации в хороших журналах... В конце концов, мы можем его нанять уже и на преподавательскую позицию ...

Завершающим этапом подготовки исследователя является аспирантура. Большая часть экспертов высказалась резко против аспирантуры как образовательного уровня и скорее ратует за возврат к её прежнему положению, как послевузовской ступени, имеющей целью подготовку научных кадров.

(М_rus_ма_13) ... Вот сейчас это третья ступень образования. Приоритета на исследовательскую работу нет. Дублирование магистратуры.

(О_rus_эк_15) Я свято уверен, что решение объявить аспирантуру третьей ступенью образования было ошибочным и ориентировалось на лоббистские соображения и мотивы.

(Г_rus_фл_47) ... Аспирантура как образовательная ступень... на мой взгляд, она совершенно искажает вообще саму идею аспирантуры.

(О_rus_эк_02) Я считаю, что сейчас состояние абсолютно кризисное. Причем мне кажется, что аспирантура деградировала все эти 25 лет.

Как и в ситуации с магистратурой, успех обучения в аспирантуре в значительной степени зависит от того, сколько времени аспирант может заниматься собственно своим образованием (включая и самообразование) и научными исследованиями (диссертацией).

(Г_rus_фл_41) *А когда он должен заниматься наукой, если ... большинство из них работает... мы должны реально понимать, что за такое время, три года, при всехотягающих факторах они не успевают.*

(М_rus_фи_20) ... *Надо ... думать ... о материальном обеспечении тех, кто в аспирантуре и докторантуре. Стипендий этих, мы все прекрасно с вами понимаем, не хватает ни на что. Но в этом возрасте большинство молодых людей заводит семью.*

Результаты «игр» с аспирантурой представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Основные показатели деятельности аспирантуры в РФ в 2005–2018 гг.

Число организаций (на конец года)	Численность аспирантов чел. (на конец года)	Работа аспирантуры		Выпуск с защитой диссертации, чел.
		прием, чел	выпуск, чел	
1 473	142 899	46 896	33 561	10 650
1 547	154 470	55 540	34 235	10 770
1 223	90 823	27 008	17 729	2 198

В каком случае можно ожидать притока и закрепления молодежи в отечественной науке? Условия известны: востребованность науки экономикой и обществом; стабильное финансирование государством фундаментальной науки; достойная оплата труда ученых и преподавателей; нацеленность учебного процесса на выявление талантов; создание условий для вовлечения студентов и аспирантов в реальные научные проекты.

При всех сложностях, отмеченных выше, во все времена в обществе присутствуют определенная преемственность, здоровый консерватизм в стремлениях к научной деятельности. Мотивы тех, кто приходит сегодня, например, на философский фа-

культет, «... остаются теми же, что и 20 лет назад, более того, 50 и 100 лет назад. Потому что желание разобраться с тем, как устроен мир, все-таки имеет в основе своей некую сходную логическую интенцию» (Г_rus_фф_1).

Литература

1. Миндели Л.Э. Какую науку хочет видеть руководство страны // Аккредитация в образовании. 2019. № 5 (113). С. 32–33.
2. Моисеев Н.Н. Они могут нам пригодиться лет через пятьдесят // Поиск. 1992. № 4.
3. Исследователь XXI века: формирование компетенций в системе высшего образования. Коллективная монография / отв. ред. Е.В. Караваева. М.: Издательство «Геоинфо», 2018.
4. Миндели Л.Э., Черных С. Российская наука: вчера, сегодня, завтра // Общество и экономика. 2018. Вып. 4. С. 60–84.
5. Пипия Л.К., Чистякова В.Е. Проблема «утечки умов» на фоне миграционных процессов в России // Инновации. 2020. № 8 (262). С. 17–30.
6. Черныш М.Ф. Институт науки как пространство разноразноуровневых взаимодействий // Мир России. 2020. Т. 29. № 4. С. 204–216.
7. Показатели развития российской науки и мирового научного сообщества. Выпуск 1: аналитико-статистический сборник. / В.П. Заварухин, И.В. Зиновьева, О.А. Соломенцева и др. М.: ИПРАН РАН, 2020.
8. Индикаторы науки: 2020: статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.И. Евневич и др. М.: НИУ ВШЭ, 2020.
9. Шматко Н.А., Волкова Г.Л. Мобильность и карьерные перспективы исследователей на рынке труда // Высшее образование в России. 2017. № 208 (1). С. 35–46.
10. Трофимова И.Н. Подготовка исследовательских кадров: от студента к молодому специалисту // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. Вып. 3. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018. С. 445–459.
11. Константиновский Д.Л., Шереги Ф.Э., Михалева М.Н. Оценка качества среднего образования: анализ динамики за 15

лет // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. Вып. 3. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018. С. 132–168.

12. Цибиков В.А. Формы работы правительств иностранных государств по привлечению в национальную науку кадров высшей квалификации // Вестник университета. 2020. № 5. С. 41–48.

13. Беляева М.А. Почему научно-исследовательская работа преподавателя вуза – это «хромая лошадь» современной науки? // Образование и наука. 2015. № 3 (122). С. 130–143.

14. Черных С.И. Государственное управление российской наукой в условиях больших вызовов // Инновации. 2020. № 2 (256). С. 29–36.

15. Семёнов Е.В. О задаче возвращения профессионалов в систему управления наукой // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2. № 2. С. 93–116.

16. Школьное уравниение: россияне против особого отношения к одаренным. [Электронный ресурс] URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=238&uid=9514> (дата обращения: 17.01.2019)

17. Дулягина Н.Н. К вопросу о развитии детского и молодежного научно-технического творчества // Социальное пространство. 2018. № 3 (15).

18. Неретин Ю. Вступительно-экзаменационный пасьянс: Россия и Запад: размышления математика Ю. Неретина // Полит.Ру. 2009. 27 мая. [Электронный ресурс] URL: <http://www.polit.ru/science/2009/05/27/neretin.html>

19. Зырянов В.В. Научный руководитель: между вызовами времени и реалиями высшего образования // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 10. С. 25–37.

ПРОБЛЕМА ВИТАЛИЗМА В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

Основателем витализма считается Аристотель, который участвовал в наблюдении и изучении живых существ и был экспериментатором (о чем свидетельствует его повторение эксперимента Гиппократата с развитием курицы). Большая часть работ Аристотеля касается результатов его исследований живого мира или тщательного сбора различной информации об этом мире. Хотя во времена Стагириты не существовали ни термин «биология», ни науки о живых организмах как отдельной области знаний (потому что это было часть философии), это не противоречит утверждению о том, что, используя современную терминологию, Аристотель был де-факто биологом (и эмпириком, и теоретиком).

Аристотель, объясняя такие ключевые термины, как «вещество» или «причина» (материальная, формальная, целенаправленная), чаще всего ссылается на примеры («иллюстрации»), взятые из биологического эмпиризма (например, динамика животных или деятельности человека). Это указывает, помимо прочего, на то, что «моделью» вещества (и причин) была прежде всего живая природа. «Наука» в понятии Аристотеля – несомненно, нечто иное, чем «современная» наука. Современная концепция естествознания основана на методологическом натурализме (связанном *априори* с принятием материалистического монизма) и не допускает объяснения природных явлений со ссылкой на нематериальный фактор (*душа, активный геном* и т. д.). В современном естествознании говорить о *душе* недопустимо.

Рассмотрим сначала некоторые базовые термины, связанные с предметом *души* и *витализма*. Ключевым понятием при рассмотрении живых существ является «субстанция», которая «стоит» под тем, *что видно*, и представляет собой постоянную, живую основу разных материальных перемен. Следовательно, она является неизменной основой всего сущего. Субстанцией живых организмов, по мнению Аристотеля, является нематериальная *душа (психе)*, а в минеральном мире мы говорим только о нематериальной *форме* (например, какого-то атома или молекулы воды).

Другим ключевым термином Аристотеля является «жизнь». Философ описал то, в чем заключается сущность жизни, – обмен веществ, регенерация, увеличение сложности организма (построение органов), размножение. Он детально проанализировал превращение относительно простых ингредиентов куриного яйца – белка и яичного желтка – в живого цыпленка (подчеркивал: то, что происходит внутри яйца, можно сравнить с действиями строителя, которые способствуют прогрессу строительства дома) и пришел к выводу, что живые существа принципиально различаются по составу минерального вещества («по существу»), а не только по «степени сложности».

Наблюдая за «переработкой» минерального материала в материал тела, Аристотель формулирует определение жизни, ссылаясь на нематериальный интегрирующий фактор, которым является упомянутая выше *душа*. Жизнь связана с постоянным развитием, стремлением достичь состояния совершенства (*энтелехия* в терминологии Аристотеля – процесс, в ходе которого тело живого организма постепенно превращается из бесформенной материи в превосходную, «целевую» форму¹). Поэтично можно сказать, что жизнь – это *танец души в материале*, а более технически можно сказать, что жизнь, по мнению Аристотеля, – интегрированная и интегрирующая динамика *души*. Согласно Аристотелю, естествоиспытатель может изучать душу, потому что ему следует искать причины изменений, которые происходят в биологическом организме.

Доктрина субстанциальности начала отодвигаться на задний план философской сцены, по крайней мере, со времен Р. Декарта (из его *cogito ergo sum*). Вместо проблемы субстанции анализируется другая, а именно: отношение между телом и разумом. Декарт говорил о *res cogitans*, обозначая существенный компонент мышления или сознания. В дуалистической концепции Декарта человек состоял из двух субстанций: мышления и *расширенного вещества* (*res extensa*). Расширенное вещество (материя) строило его тело, работавшее на механической основе, так же, как и тела всех растений и животных, которые Декарт считал живыми ма-

¹ В переводе с латинского *ens* означает *быть* а *telos* – *цель*.

пинами. Мыслительная субстанция была дана только человеку и свидетельствовала о его происхождении от Бога. Проблема Декарта и его «наследников» заключалась в том, что они пытались понять, как *res cogitans* может влиять на *res extensa*?

Со времен Р. Декарта наблюдается механистический подход к динамике биологической, начинается «двухэтапный» редукционизм в биологии. На первом этапе живое существо превращается в чрезвычайно сложную машину или полностью автоматизированное производственное предприятие (в котором, конечно, нет человеческого контроля). Другими словами, это приведение биологической динамики к технической динамике. На втором этапе механическая система сводится к физико-химическим процессам. Более конкретно, это приведение технической динамики к минеральной динамике (т. е. к тому, что происходит в неживой природе).

Следует сказать, что в эпоху Средневековья обсуждался вопрос, каким путем *нематериальная* субстанция влияет на *материальную*. Главный вывод этих обсуждений выразил Фома Аквинский в своем кратком утверждении: *Actio immanens est tantum viventium* (*у живых организмов воздействие на материал происходит изнутри*). Но как конкретно? Физики, например, Джеймс Клерк Максвелл, также занимались этим вопросом, и суть их обсуждений заключалась в том, что в живых организмах хаотические движения молекул (*броуновское движение*) упорядочены таким образом, что не изменяются принципы термодинамики, только ограничивается количество возможных молекулярных поведений [1].

Эмбриогенез и последующие этапы развития характеризуются значительным сужением возможностей, присущих материалу. Это огромное сужение особенно заметно на молекулярном уровне. К. Добсон подсчитал, что внутренние свойства минерального вещества позволяют создавать огромное количество различных комбинаций атомов в химических молекулах. Также оказалось, что живой организм строит только $1/10^{60}$ физически возможных молекул, которые не превышают массу 500 атомов водорода (так называемые микрочастицы).

Большинство биологически важных молекул имеют массу в десятки, сотни и даже тысячи раз больше, чем масса 500 атомов

водорода. На уровне таких макромолекул (а здесь и всех биологических полимеров, белков, полинуклеотидов, полисахаридов) селективность процессов биосинтеза значительно выше. В случае макромолекул «биологически важное химическое пространство» составляет лишь $1/10^{390}$ часть всего «химического пространства» [2]. Тема, почему это происходит и как, является актуальной также для современных споров в мире биологов.

Аристотель использовал концепцию «энтелехии» – фактора, который позволяет вещам реализовывать свой внутренний потенциал. На языке Аристотеля жизнь проявляется в переходе от потенции к действию. Направление, в котором организм может достичь своего полного развития, называлось *энтелехией*. В живых организмах она ассоциировалась с «душой», которая оживляет и движет организм. Концепция *энтелехии* вернулась в XIX веке, особенно в трудах немецкого эмбриолога Ганса Дриша (1867 – 1941), став синонимом таких терминов, как «жизненная сила» или «жизненный импульс», использование которых было отличительной чертой виталистов. Кроме Дриша, многие известные ученые считали себя виталистами, например: Уильям Харви (1578 – 1657) – первооткрыватель механизма работы сердца, Георг Эрнст Шталь (1659 – 1734) – немецкий химик, занимавшийся теорией окисления, Ханс Спеманн (1869 – 1941) – эмбриолог, предположивший существование организационных центров, инициирующих создание определенных органов. Большое значение для развития витализма имели эксперименты, демонстрирующие ограниченную роль молекулы ДНК в клетке [3].

Ситуация радикально изменилась в сочетании материалистического мышления с идеей развития, которая говорила о возможности спонтанного перехода простых явлений в более сложные, явлений «менее совершенных» – в «более совершенные». Тогда возник тезис спонтанной эволюции. В этой новой форме материализма, называемой *диалектическим материализмом*, мы не ставим под сомнение очевидные различия между «духовными» и «материальными» явлениями. Спор перешел к вопросу об их происхождении. Противники материализма утверждают: то, что проще и менее идеально, не может само превратиться во что-то

более сложное и более совершенное. Материалисты, напротив, рассматривают эту возможность как основную, существенную, черту материального бытия.

Этот спор существует также в теоретической биологии и особенно очевиден в отношениях между двумя интерпретациями биологических явлений – между витализмом и дарвинизмом.

Литература

1. John D. Norton. The Material Theory of Induction [Электронный ресурс] URL: // https://www.pitt.edu/~jdnorton/Goodies/exorcism_phase_vol/exorcism_phase_vol.html (дата обращения: 19.05.2021)

2. Dobson C.M. Chemical space and biology // Nature. 2004. № 432. P. 824-828. DOI: 10.1038/nature03192

3. Zahradka Ksenija, Slade D., Bailone A., Sommer S., Averbek D., Petranovic M., Lindner A.B., Radman M. Reassembly of shattered chromosomes in *Deinococcus radiodurans* // Nature. 2006. № 443. P. 569–573.

Р. Кальски

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ НЕОВИТАЛИЗМА

Смотря на историю философии природы, мы видим, что деление науки и аристотелевской системы, связанное с «субстанцией», «душой», «нематериальной формой» и подобными понятиями, символически ассоциируется с Галилеем.

Хотя Галилей, который успешно вышел из спора о гелиоцентризме, широко считается сторонником эмпиризма, он представлял *репрезентационный* подход к теории познания, согласно которому характеристики внешних объектов не достигают сознания человека напрямую. Сознание наблюдает только за состоянием, созданным внутри органов чувств. Галилей, описывая тела, об-

ращает в первую очередь внимание на их физику и движения и опускает их цвет, вкус или запах. Так наблюдаемые объекты легче идеализировать в геометрической форме. Галилео делает больший акцент на важность математики (что обобщено в известной поговорке итальянского философа: «книга природы написана на математическом языке»).

Считается, что уже во времена Декарта существовал разрыв между миром науки, исследующим материальный мир, и философией, имеющей дело с внутренней жизнью «мыслящего меня». Сначала Декарт обратил внимание на различие, которое существует между «внешним миром» и тем, что можно назвать «внутренним миром». Декарт понимал философию как «философию субъекта» (наиболее выдающимся представителем этого направления является И. Кант) и выводил человека и его сознание из области естественных наук. Он способствовал отходу от томизма (и настолько «эффективно», что даже есть мнение о том, что новая, *правильная*, философия началась от Декарта), прежде всего установив знак равенства между минеральным веществом и живым биологическим телом.

Великим событием в развитии мысли стало появление в 1687 году «Математических принципов философии природы» Исаака Ньютона. Отправной точкой его методы является эксперимент, связанный с явлением движения, а затем следуют теоретическая конструкция и изучение законов природы. Ньютон ограничил исходную «базу данных» до физических явлений, которые можно описать на языке математики. Следует сказать, что ньютоновский математическо-эмпирический метод изучения природы получил широкое распространение. Он не допускает введения объяснений чего-либо из-за пределов материального мира (более конкретно, из-за пределов явлений, которые можно описать на языке математики). Использование терминов «нематериальность», «душа» и «Бог» недопустимо. Например, методы космологии как эмпирической науки не позволяют решать такие вопросы, как действие Бога.

Многие ученые со времен Ньютона охотно подписывают следующее заявление: «наука создала целостный образ мира и реализовала мечту об универсальном языке реальностью; математика стала им» [1, 18].

Размышления о природе не заканчиваются на Ньютоне. И британские эмпирики, и континентальные рационалисты поставили под сомнение концепцию вещества. Только в немногих словах мы обратим внимание на нескольких титанов философской мысли, которые были против субстанциализма.

Готфрид Вильгельм Лейбниц хотел построить модель мира, основываясь на нескольких основных логических принципах. Мир понимает целенаправленно: «мир – это не машина, действие которой будет полностью определяться причинными» [2, 103]. Многие из понятий его теории монад, которые были плохо приняты при жизни Лейбница, были позже расширены и углублены более поздними философами.

Дэвид Хьюм разработал тему неспособности различить причины, следствие и случайные последствия событий, а Иммануил Кант – теорию, согласно которой время и пространство являются не объективными чертами материального мира, а внутренней формой познания. Для Канта природа была лишь содержанием форм и категорий разума.

Немецкие идеалисты (Фихте, Шеллинг, Гегель) старались укрепить немеханистическую философию природы.

Еще одним важным трендом является философия процесса британского математика Альфреда Уайтхеда. Он не фанат узкого феноменализма, сводящего всю реальность к уровню переживаемых явлений, но критик субстанциальности. По словам Уайтхеда, первый удар по этой концепции был нанесен теориями света и звука, разработанными еще в XVII веке. Затем физика без всяких сомнений определила, что тела излучают сигналы, которые превращаются в впечатления наших органов чувств. Электромагнитные волны проникают в глаз, но мы их не видим. Впечатление от просмотра является результатом преобразования этого сигнала в экспериментальный материал. Во всем процессе нет никаких следов чего-либо, что может быть приравнено к субстанции на существенной основе собственности. Например, цвет является результатом реакции глаза на такую, а не на другую длину электромагнитной волны. Подложка существования цвета оказывается вымышленной. Уайтхед без колебаний назовет эту фантастику «метафизической химерой» [2, 156].

В дарвинистской концепции живое существо – это, по сути, пассивный материальный объект, сформированный факторами окружающей среды. В дарвинизме то, что мы называем жизнью, – проявление («эпифеномен») физического и химического взаимодействия структур. Адаптивные изменения в живых формах являются результатом неселективных воздействий окружающей среды, вызывающих изменения, «просеянные» естественным отбором. *Концепция имманентной активности в дарвинизме не нужна* [3, 234–275].

Хотя теория эволюции Дарвина является относительно молодой, но уже такие древнегреческие философы, как Анаксимандр, постулировали развитие жизни из не-жизни и эволюционное происхождение человека от животного. Чарльз Дарвин просто привнес что-то новое в старую философию – правдоподобный механизм, называемый естественным отбором, который «действует для сохранения и накопления незначительных выгодных генетических мутаций. Предположим, что представитель вида развил функциональное преимущество (он вырастил крылья и научился летать). Его потомство унаследует это преимущество и передаст его. Низшие (находящиеся в неблагоприятном положении) представители одного и того же вида будут постепенно вымирать, оставляя только высших (находящихся в благоприятном положении) представителей этого вида. Естественный отбор – это сохранение функционального преимущества, которое позволяет видам лучше конкурировать в дикой природе. Он является натуралистическим эквивалентом домашнего разведения. На протяжении веков люди-селекционеры производили драматические изменения в популяции домашних животных, выбирая особей для размножения. Со временем заводчики постепенно устраняют нежелательные черты. Точно так же естественный отбор постепенно уничтожает низшие виды» [4].

В XX веке из дарвинизма вырос *организмизм*. Эта точка зрения допускает, что организмы состоят из недуховных элементов, но не согласуется с тезисами наивного редукционизма. Организмизм подчеркивает, что законы физики регулируют сохранение элементов строения организма на самом дотошном уровне орга-

низации, но он не играет особой роли. Физические явления важны при рассмотрении структуры клеточной, однако менее важны на уровне органов, систем и всего организма. Не атомный состав организма, а его организация означает, что он реализует свои жизненные функции. Целое больше, чем простая сумма частей, потому что на разных уровнях появляется новая информация.

Большая российская энциклопедия так определяет «органицизм»: методологический подход в истолковании широкого круга природных и социальных явлений на основе понятия «целостная живая система», не сводимого к сумме своих частей и обладающего сложноорганизованным иерархическим строением. Термин возник в XIX веке применительно к общей дефиниции жизни как «сложной машины, свойства которой основываются на органической структуре». В 1920–30-х гг. принципы органицизма в противостоянии как механицизму, так и витализму были сформулированы британскими учеными Дж. С. Холдейном, Дж. Вуджером и австрийским биологом Л. фон Берталанфи. На формирование органицизма оказали влияние гештальтпсихология, «органическая философия» А.Н. Уайтхеда, теории эмерджентной эволюции С. Александера и К.Л. Моргана, холизм Я. Смэтса, разработанный позднее немецким философом А. Мейер-Абихом. «Определяющим для органицизма является акцентирование специфических особенностей живых организмов: если отношения внутри неживых организованных систем (например, кристаллов или машин) носят такой характер, что их части могут в том же виде существовать и вне данного целого, то складывающиеся в живых системах взаимоотношения частей носят «органический» («телеологический») характер, определяющийся их положением и ролью в многоуровневой иерархической организации целого, вне которого они утрачивают присущие им свойства. Именно это обуславливает устойчивость организма, его способность к регенерации и т. п. в условиях изменяющейся внешней среды органицизма с его обоснованием примата целого и разработкой уровней организации этого целого стал предшественником системного подхода в естественных и социальных науках» [5].

Некоторые современные ученые указывают ограничения аналогии машины в биологии и допускают размышления о тра-

диционном аристотелевском витализме [6]. Современные виталисты считают, что «душа» («живая форма») строит мозг во время эмбрионального развития и эта «живая форма» строит или восстанавливает поврежденную молекулу ДНК.

В свое время и витализм, и дарвинизм способствовали развитию науки, и было бы полезным найти пути диалога между витализмом и дарвинизмом в настоящий момент. Однако самая большая трудность в попытках такого диалога – это современная методология естественных наук, которая не попускает говорить «научно» о нематериальных причинах. Однако такой диалог представляется возможным в рамках проблем, которые поднимает философия.

Литература

1. *Heller Michał*. Czy fizyka jest nauką humanistyczną? Wyd. Biblos, Tarnów, 1988.

2. *Heller Michał*. Filozofia przyrody. Zarys historyczny. Wyd. Znak, Kraków, 2004.

3. *El-Hani C.N., Emmeche C.* (2000) On some theoretical grounds for an organism-centered biology: property emergence, supervenience, and downward causation. // *Theory Biosci.* 2000. № 119. P. 234–275.

4. Darwin's Theory of Evolution - Natural Selection [Электронный ресурс] URL: // <https://www.darwins-theory-of-evolution.com/> (дата обращения: 19.05.2021).

5. Большая российская энциклопедия. Органицизм. [Электронный ресурс]. URL: // <https://bigenc.ru/philosophy/text/2683465> (дата обращения: 23.04.2021).

6. *Kirschner Mark, Gerhart John, Mitchinson Tim*. Molecular «Vitalism». // *Cell – Press. Review.* 2000. Vol. 100, ISSUE 1, P. 79–88 [Электронный ресурс]. URL: [https://www.cell.com/fulltext/S0092-8674\(00\)81685-2](https://www.cell.com/fulltext/S0092-8674(00)81685-2) (дата обращения: 20.02.2021).

К ВОПРОСУ О НЕПРОДУКТИВНОМ ТИПЕ ЛИЧНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ

С понятием «продуктивный и непродуктивный тип личности» мы встречаемся в трудах Э. Фромма, где органично переплетены история, антропология, теория культуры, экономика и, конечно, психология. Мы относим учение Фромма к философии неотрейдизма, но на его теорию оказали воздействие работы многих мыслителей. Можно назвать, по крайней мере, пять источников, сформировавших его концепцию. Это психоанализ З. Фрейда, учение о человеке в иудаизме, материалистическое учение Карла Маркса, дзен-буддизм и исследования Иоганна И. Бахофена.

Эрих Фромм поставил под сомнение концепцию З. Фрейда с его доминантой бессознательного, но критиковал и учение К. Маркса за излишнюю обезличенность человека и общества. Он не нашел у данных авторов главного, по его убеждению, – обнаружения тесной взаимосвязи человека и общества и описания таковой. Он писал: «Я хотел понять законы, управляющие жизнью отдельного индивида, и законы, по которым живет человеческое общество» [1, с. 9]. В результате мы не можем отнести его теорию не к марксизму, ни к психоанализу, хотя обе теории там зримо присутствуют.

Его учение получило название «гуманистический психоанализ». Эта теория рассматривает человека с культурной и исторической точек зрения, но не чужда и некоторого психологизма. Фромм интересуется личностью в контексте истории и культуры, связи с обществом. Здесь, следуя марксизму, он отмечает, что «оценка социальной обстановки должна предшествовать анализу личности, а психология должна базироваться на философско-антропологической концепции человеческого существования» [2, с. 45]. Такой подход позволил ему сформулировать основные положения своей теории, такие, как теория психотипов, проблема человеческой дихотомии, теория авторитаризма, конформизма и деструктивности.

Человеческая личность, согласно Фромму, является итогом постоянного противоречия и противодействия между биологическими особенностями человека и требованиями общества, между «хочу» и «надо». В результате это приводит к формированию различных установок и своеобразных типов социального характера. Фромм разделил всех людей на два типа – на продуктивный и непродуктивный. Как в любой типизации, здесь схвачены только общие черты. Каждый тип не существует в чистом виде, но позволяет лучше классифицировать и анализировать определенную личность, делать ее более понятной и предсказуемой. Отметим, что непродуктивный тип всегда превалировал в обществе и продолжает превалировать. Остановимся более подробно на некоторых моментах.

Итак, что есть, по Фромму, человек? Вершина эволюции или своеобразная ошибка природы? Несмотря на долгую историю становления и развития, он сохраняет в себе инстинкты животного, от которых не в состоянии избавиться, т. е., с одной стороны, перед нами «дитя природы». Но этот же процесс привел и развил его способность к рациональному мышлению, размышлению и воображению. Несмотря на оставшиеся природные инстинкты, человек утратил свое органическое единство с природой, а также единение с другим человеком. Результат, по Фромму, получился печальным, так как развитое самосознание сделало человека несчастным, одиноким, непонятым другими. Он всеми силами пытается найти свое новое место в новом мире и обрести утраченную целостность. Эти идеи нашли отражение в работе «Человек для самого себя» [3].

Наша способность воображать и мыслить является, по Фромму, и добром, и злом одновременно. Без данной способности человечество давно бы погибло, запуталось в сложных ситуациях, не найдя выхода, – и это благо. А с другой стороны – именно мышление заставляет нас задаваться вопросами, на которые нет ответа и которые сами по себе достаточно печальны. Это вопросы жизни и смерти, личностной конечности бытия, изолированности от природы и других людей, одиночества и непонимания, ощущения беспомощности. Исследователь называет их «эк-

зистенциальными дихотомиями», ибо они существуют и живут внутри нас самих, являются основополагающими.

Конечно, в зависимости от времени они различаются и окрашиваются культурой в индивидуальные цвета. Понимание конечности существования, краткости земного бытия приводит к страхам, печали, ощущению его неправильности и несправедливости. По Фромму, это и есть первая и базовая дихотомия. Вторая базовая дихотомия заключается в том, что, несмотря на конечность жизни, мы пытаемся реализовать себя в полной мере. К сожалению, в этом процессе мы редко достигаем удовлетворенности собой и сделанным. Мы просто не успеваем реализовать наши мечты и планы, так как жизнь слишком коротка. Третья экзистенциальная дихотомия состоит в том, что мы зависимы друг от друга. Мы не можем обходиться без другого человека, без общения, но при этом никто не может понять ни нашу боль, ни нашу радость. Человек один рождается и один умирает. Он абсолютно одинок, а толпа – это только «толпа одиноких».

Растеряв основные инстинкты, человек приобретает другое качество в виде характера, который выстраивает нашу жизнь, ее восприятие, объясняет наше поведение и способ общения с другими людьми. Он позволяет нам определенным образом вести себя и эффективно действовать. Это «постоянная совокупность всех устремлений индивида, не являющихся инстинктивными по своей природе, при помощи которых человек соотносит себя с культурной и природной средой»[4, с. 226].

Характеристика типов заслуживает особого внимания, ибо, следуя ей, мы можем наглядно представить того или иного человека как представителя определенного типа и даже подумать о собственной принадлежности к определенному типу личности.

Продуктивным типом Фромм считает тех, кто осуществляет связь с окружающим миром через самопознание и самореализацию. Этот процесс, по его мнению, является истинной социализацией. По существу, продуктивная ориентация в гуманистической теории Э. Фромма – это, конечно, идеал, мечта о совершенном человеке.

Вряд ли кто-нибудь достигал или достигнет подобных характеристик. В то же время философ был убежден, что в результате

социальных изменений и правильных реформ такой тип может появиться и стать нормальным, обычным явлением, т. е. это дело будущего, к которому надо стремиться. В результате будет построено прекрасное совершенное общество. Он дал ему название «гуманистический общинный социализм». Такой продуктивный характер и представляет собой конечную цель развития общества.

Человек будущего должен сочетать в себе честность, искренность, быть независимым, но ответственным, любить других людей и мир вокруг себя. Рядом с таким человеком легко и спокойно, он делает благие дела и имеет высокий творческий потенциал. Перед нами, без сомнения, некий идеальный тип, далекий от реалий. Данная ориентация будет складываться постепенно, преодолевая противоречия сегодняшнего общества, и сама будет являться единственно правильным ответом на них. Для нее будет характерно неразрывное слияние таких явлений, как труд, мышление и любовь.

К непродуктивному типу Фромм относит тех людей, кто ассимилируется в мир через процесс потребления. Такой человек использует не только вещи, но, самое неприятное, и людей вокруг себя. К этой категории относятся рецептивный, эксплуатирующий, накапливающий и рыночный типы характера. Смотри по сторонам, вы без труда найдете все эти четыре типа в современном мире. Для рецептивного типа характерно ожидание добра и всевозможных благ, которые всегда находятся вне него и должны быть ему преподнесены в готовом виде «на блюдечке». Такие люди постоянно пребывают в состоянии ожидания дружбы, привязанности, любви и счастья, считая, что именно они этого достойны. Сами они к проявлению любви обычно не способны, да и не хотят прилагать усилий. Как правило, этот тип людей очень беспомощен и зависим от других, постоянно ждет помощи и заботы извне. Такие люди считают, что их основная задача в жизни – получать все от других, ибо сами они есть величайшая ценность и величайший подарок. При этом они искренне недоумевают, когда их амбиции не удовлетворяются. Идеализируя себя, но не находя подтверждения этому образу в глазах других, они тем не менее бывают оптимистичными, сентиментальными, нежными и излишне доверчивыми.

Уже в самом названии эксплуатирующего типа заложен негатив. Это люди агрессивные, надменные, эгоистичные и привыкшие добиваться своего любым способом. Это может быть и сила, и хитрость, и вероломство, и прямое соблазнение. Являясь нетворческим типом, они заимствуют планы и идеи у других, цинично выдавая их за свои. Если надо, то такой тип готов и украсть и отнять. Все средства для них хороши и оправданы на пути к достижению цели. Но можно отметить, что такой неприятный тип тем не менее имеет некоторые позитивные качества. Как правило, это люди уверенные, целеустремленные, волевые, обладающие чувством собственного достоинства. Могут быть лидерами и делают хорошую карьеру.

Что касается накапливающего типа, то и он достаточно распространен. Постоянное, порой патологическое, желание таких людей – приобретать и копить, копить и не тратить. Их лозунг – иметь как можно больше материальных благ, власти и любви. Они довольно жадные, а потому не любят дарить или делиться. К тому же они очень упрямые, подозрительные и ригидные. Этот тип не любит нового, боится каких-либо перемен. Он привязан к прошлому, привычному и устоявшемуся, что может переходить в патологию перманентной боязни за свою собственность и в болезнь накопительства. Часто человек просто не может объяснить, для чего ему это нужно, и эти качества могут прогрессировать с возрастом. Но они достаточно сдержанны, спокойны и предусмотрительны, что можно отметить, как положительные черты.

Самый современный тип сегодня – это, конечно, рыночный, который в свое время Э. Фромм назвал нарождающимся. Личность становится товаром, который надо выгодно продать. А для этого надо иметь товарный вид – «выглядеть на миллион». Эти люди заинтересованы в создании современного образа и сохранении приятной внешности. Они постоянные посетители салонов, бассейнов, тренажерных залов, тренингов развития, пластических хирургов. Они ценят свою особенность выбирать нужных людей и находить связи. Их цель – как можно дороже продать себя потенциальным заказчикам. Они идут в ногу со временем и модой, быстро приспосабливаются и меняются, открыты и любознательны. Они, как хамелеоны, подстраиваются под время и место. Но

как только человек перестает им быть нужен, они просто перешагивают через него, оставляют в прошлом и не вспоминают о нем. «Дружба и любовь» – для них пустые понятия. В постоянной гонке за соответствием времени и моде часто бывают опустошенными и бездуховными. Но, как правило, на определенном этапе жизни с этими людьми легко и интересно, они могут стимулировать и вдохновлять своей активностью, энергией и жаждой новизны и перемен.

Все эти непродуктивные типы есть результат развития, согласно Фромму, самой капиталистической системы, они ее естественное порождение. В современной цивилизации и существующей системе отношений человек просто не может себя реализовать и раскрыть свою истинную сущность. Процветающая технократическая цивилизация входит в противоречие с конкретным человеком и его жизнью, наполняя ее пустотой или трагизмом.

Исследуя современное общество, Фромм рассматривает также одну из важных проблем – человеческую деструктивность. «Общество потребления» и массовая культура порождают это явление в полной мере. Такое положение дел остается и сегодня. Какие механизмы приводят к саморазрушению человеком самого себя? Так, по мнению М.А. Хевеши, в системе мировоззрений «массового человека» присутствует огромная тяга к деструктивности [5]. У нее есть проявления в таких процессах, как конформизм, или в тотальном отказе от свободы. Еще в середине XX века начались исследования массового общества, массового человека и их связи с тоталитарными режимами. В чем феномен поддержки массами тоталитарных режимов, например, фашизма, о котором много размышлял Фромм? Почему нацизму, насилию рукоплескали миллионы людей, а попрание прав и свобод, даже само право на жизнь других людей поддерживались единогласно? Дело в том, что индивид, массово производимый тоталитарным режимом, – это просто винтик могучей системы. Он легко поддается манипуляции, его можно привлечь нехитрыми лозунгами, навязать систему стереотипов и шаблонов. В окружении таких же подобных «винтиков», объединенных общей идеей некоего мифического превосходства и значимости, он вырастает в своих глазах и начинает ощущать себя великой личностью, да-

же вершителем судеб. Вспомним: «Мы наш, мы новый мир построим! Кто был никем, тот станет всем!» [5, с. 5].

В сегодняшнем обществе потребления имеется некая видимость демократии, свободы и либеральных идей, но и здесь человек абсолютно зависим, ибо «общество потребления» разработало свои правила, свою систему приоритетов и ценностей. Не быть изгнанным из своего уютного мира, не стать изгоем – боязнь этого живет в любом человеке как некий архетип. Человек боится одиночества, боится быть непонятым, непохожим на других. Он хочет быть как все, принадлежать ко всем, сливаться с другими, подобными ему. Он выступает как незаметный, но необходимый участник любого действия, даже не отражая порой, что само оно является антигуманным и противоречащим здравому смыслу.

В свое время Сартр заявил, что «человек осужден быть свободным». Но нужна ли эта свобода современному индивиду, если она не несет ему радости или облегчения? Готов ли он взвалить на себя это «бремя свободы»? По Фромму, нет, не готов. Быть свободным одновременно означает иметь право выбора, искать пути и возможности его осуществления. Одновременно человек должен нести ответственность за сделанный выбор, а это уже достаточно сложно и хлопотно. Для массового человека гораздо проще отказаться от свободы, а значит, и от ответственности. По сути дела, в основной своей массе человек постоянно говорит о некой свободе, поет ей гимны и делает ее лозунгом преобразований общества. Но одновременно он стремится совершить бегство от свободы через подчинение, преклонение, веру в вождя-харизматика или, наоборот, посредством своей незаметности, конформизма. Фромм говорит, что не авторитаризм, а именно конформизм является главной болезнью «свободного общества».

В обществе потребления индивид за поддержания своего образа жизни и статуса должен заплатить определенную цену, часто ущемляя себя и свои права в пользу интересов правящих кругов. Выделяя два типа личности – «авторитарную личность» и «конформистскую личность», Фромм считал, что различие между ними достаточно невелико. И тот, и другой тип не хотят и не способны иметь собственную точку зрения или активную жизненную позицию. Человек прячется за стеной усредненности и по-

хожести на всех, что в конечном счете приводит к деиндивидуализации.

Говоря об авторитарной личности, отметим, что для нее авторитетом может являться как человек, партия, так и идея, идеология. Захваченная силой идейного воздействия такая личность вручает себя в их властные «объятия». Это один из способов преодоления своего одиночества и соединения с внешним миром и другими людьми. В результате человек как бы приобретает силу, пусть и иллюзорную, которую утратило его «Я». При этом авторитаризм проявляется как в мазохистских, так и в садистских тенденциях. Человеку присущи обе, но одна, как правило, доминирует. Садистская форма выражается в грубости, чрезмерном контроле, самомнении и высокомерии, желании унижать и властвовать. Мазохист, напротив, желает подчиняться, ему нравится быть зависимым и беспомощным. Обе тенденции могут приносить личности удовольствие.

Согласно ученому, люди могут избавиться от одиночества и отчужденности и немного иным путем – абсолютным подчинением существующим нормам, ценностям, подстраивая под них свое поведение и даже мышление. В результате индивидуум прекращает быть самим собой, он превращается в тот тип личности, какой требует модель культуры, а именно становится таким, каким его и желают видеть. В обыденной жизни мы часто заменяем слово «конформист» на «приспособленец», т. е. человек, сливающийся с другими, неотличимый от своего окружения. Э. Фромм полагал, что подобная социальная мимикрия все больше укореняется в характере большинства современных людей. Такие индивиды разделяют одинаковые ценности, преследуют похожие цели, приобретают одинаковые продукты или следуют модной диете, следят за модой и одинаково выглядят. Они читают, слушают и смотрят одно и то же, что приводит к похожести чувств и мышления. Встает вопрос – а мыслят ли? [6, с. 169].

Действительно, если человек приспособливается и жертвует своими истинными чувствами и желаниями, значит, идет потеря уникальности самой личности. Это нежелание глубоко мыслить, желание сразу получать готовые рецепты, следовать стереотипам становится обычным явлением, нормой. Человек снимает свое

«лицо» и надевает «маску», которую носить намного проще, потихоньку происходит вживание в роль, соответствующую требованиям общества и его ожиданиям. Это «изображаемое Я» редко бывает истинным, происходит также потеря «реального Я» и «потенциального Я». Более того, таких ролей-масок может быть много, но человек не замечает их прорастания в нем, он абсолютно убежден в истинности своего «Я».

На фоне этого пестрого маскарада теряется самое главное – сущность человека, его изначальная уникальность, непохожесть, исчезает сама личность. Мы получаем того самого массового человека, который всем удобен, а главное – поведение которого ожидаемо и прогнозируемо. Фромм считает, что остатки этой уникальности, истинной сущности могут сохраняться в подсознании. Они будут стараться прорваться в каких-то фразах и действиях, в поведении в моменты нестабильности, кризиса, в «пограничных ситуациях», но массовый человек просто отмахнется от них, примет за недоразумение.

Фромм полагает, что у склонных к конформизму индивидов тоже есть огромная тяга к манипулированию собой, они также склонны к мазохизму. Это достаточно легко увидеть в тоталитарных режимах, но мазохизм присутствует и в демократических обществах, где индивид подавляет любые личностные качества и проявления их, стремясь к нивелировке своей индивидуальности. Делает он это добровольно, ради какой-то внешней высшей силы. Конечно, такую личность нельзя назвать зрелой, уникальной или независимой. После процессов усреднения и деиндивидуализации общество потребления получает тот самый идеальный продукт, идеальную единицу однородной массы.

В современном обществе, по Фромму, индивид стоит перед дилеммой: «иметь» или «быть». От ответа зависят выбор, который сделает индивид, и сам способ его существования в социуме. Многие сегодня выбирают именно «иметь». Это желание быть встроенным в «массовое общество», «массовую культуру», иметь право на безудержное потребление и приобретение. Следующим шагом будет обеспечение права сохранности собственности, ее «святости» и преумножения. У этого процесса нет финала, так как человек становится заложником круговорота потребления.

Его жизнь, цели и ценности, планы отныне связаны только с приобретением, потреблением и служением вещам. Соревнование с другими индивидами, накопительство, эгоизм, неумение остановиться и жадность начинают действовать на само общество, видоизменяя его сущность и разрушая. [7, с. 26].

Л.В. Кузнецова считает, что, по Фромму, такая часть модуля, как «быть», определяется соотношением в каждом индивиде степеней активности, созидательности, творчества [8]. Фромм раскрывает свое видение понятия «человеческая активность» как поведения, направленного на достижение целей в соответствии с законами общества. Это деятельность, которая должна приводить к полезным социальным изменениям. Она должна характеризоваться личностным творческим подходом, заинтересованностью и ответственностью, любовью к делу, базироваться на мышлении и быть овеяна добром. Это не символическое и не номинальное участие ради получения вознаграждения или выгоды, а настоящая собственно человеческая деятельность, в результате которой индивид либо создает новый объект, либо качественно его преобразует. Это единственный способ побороть отчуждение и его риски [8, с. 113].

Рассматривая незавидное положение современного человека, Фромм считает, что можно избавиться от чувства одиночества и тревожности, быть в обществе и не терять единства с другими людьми, но сохранить при этом уникальность и индивидуальность. Он называет это позитивной свободой. Достижение позитивной свободы требует от людей уподобиться в своей деятельности спонтанности ребенка, действовать не по приказу или по шаблону, а в соответствии со своей внутренней сущностью, истинной природой.

В своей книге «Искусство любви» Э. Фромм подчеркивал, что для достижения позитивной свободы необходимо триединство мышления, труда и любви. Только в таком случае человек перестанет быть одиноким и несчастным, объединится с другими людьми на совершенно новых основаниях, оставаясь при этом уникальной единицей, а не «винтиком» системы. Силу продуктивной любви невозможно переоценить, ибо она тесно связана с такими качествами, как уважение, забота, ответственность, зна-

ние. Эрих Фромм назвал любовь ко всему живому биофилией. Глубокое мышление, умение анализировать, сам процесс продуктивного труда и любовь к живому обеспечивают человека и общество всем необходимым для жизни и саморазвития [9].

Итак, само историческое развитие, давшее человеку совокупность экономических и политических свобод, в результате принесло ему не только добро, но скорее зло и проблемы. Оно стало причиной бед, из которых основными для человека являются чувство оторванности от мира природы, а также одиночество и отчуждение в мире людей. Бремя свободы вызвало «бегство от свободы», оно является причиной постоянной базовой тревоги. Чтобы избавиться от этих чувств, люди используют такие механизмы, как авторитарность, деструктивность, подчинение.

Литература

1. *Fromm E. Beyond the chains of illusion. New York: Simon and Shuster, 1962.*
2. *Fromm E. Man for Himself. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1947.*
3. *Фромм Э. Человек для самого себя. М.: Litres, 2020.*
4. *Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994.*
5. *Хевеши М.А. Массовое общество в XX веке // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 3–12.*
6. *Фромм Э. Душа человека. Революция надежды / пер. с англ. В.А. Закса, Т.В. Панфиловой. М.: АСТ, 2014.*
7. *Семенов В.С. Уроки XX века и путь в XXI век. Социально-философский анализ и прогноз. М., 2000.*
8. *Кузнецова Л.В. Феномен потребления в социальных науках // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 33. С. 110–115.*
9. *Фромм Э. Искусство любить. М.: AST Publishers, 2018.*

ОБРАЗ И ЕГО РОЛЬ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ И КУЛЬТУРЕ

Эпоху прошедшего XX века испанский философ Ортега-и-Гассет называет временем масс и временем «восстания масс», сравнивая массовое общество с глупым и неблагодарным ребенком, который слаб и безграмотен, но уверен в своей значимости. «Заурядные души, не обманываясь насчет собственной незаурядности, безбоязненно утверждают свое право на нее и навязывают ее всем и всюду» [1, с.48].

Действительно, с приходом промышленной эпохи огромные массы населения снимаются со своих насиженных мест и оправляются в крупные города, создавая невиданную до сих пор конгломерацию и мощь. Тоффлер назвал этот процесс «цивилизацией второй волны» [2]. Этот процесс построения цивилизации индустриального типа растягивается более чем на двести лет, формируя свои доминантные черты в XX веке. При этом XX – нач. XXI века некоторые мыслители стали называть «веком маленького человека», «последнего человека», «массового человека».

Массовый человек является копией другого человека, он лишен индивидуальности, поэтому «жметя» к ближнему своему, ибо «Мы старше, чем Я» [3]. «Последний человек» не знает истинных ценностей, не ощущает духовных порывов, он не понимает сущности счастья и несчастья. Согласно Ф. Ницше, такой человек совершенно бесполезен для истории и прогресса, но живет очень долго. Ницше пишет: «Земля стала маленькой, и на ней копошится последний человек, который все делает таким же ничтожным, как он сам. Его род неистребим, как земляные блохи: последний человек живет дольше всех» [3, с. 32].

Отметим, что процессы «массовизации» общества сегодня продолжаются, и продолжаются невиданными темпами. «Маленький человек» продолжает жить, подгоняя себя под определенные мерки и шаблоны. При этом сами массы, как правило, безымянны и аморфны, так как являются исполнителями чужой воли, хотя сами этого не замечают и не осознают. «Она (масса)

существует для того, чтобы ее вели, наставляли и представляли за нее, пока она не перестанет быть массой. Но сама по себе осуществлять это она неспособна» [1, с. 110]. Массовое общество имеет все массовое – массовое производство, массовое насилие, массовое потребление и массовую коммуникацию. Массовое сознание, получаемое в подобном процессе, не имеет аналогов ни в каком обществе никакой эпохи. Укрупнение городов и создание новой городской культуры в них приводят к появлению массовых профессий, с определенным, одинаковым образом жизни, достатком и укладом. Происходит постепенное смешение национально-этнических групп, что ведет к утрате традиционности и размыванию психологических особенностей. Постепенно данный процесс захватывает все аспекты жизни нового общества, распространяясь на область политики, идеологию, науку, искусство, бытовые особенности и сферу развлечений. По мере того, как массы вовлекаются во все сферы бытия, все становится похожим, однотипным, шаблонным.

Однако к голосу масс следует прислушиваться, ибо это необходимо в интересах самого общества, эффективности функционирования данного строя и государства. Без учета голоса «масс» будет невозможным принятие своевременных решений или появление новых форм организации и управления. Что касается новых форм управления, то они в наше время основываются на холодном расчете, выгоде, эффективности политических технологий, на процессах манипулирования массовым сознанием.

В настоящее время невозможно представить проблемы управления обществом и его идеологию без анализа проблем массового сознания. Тем не менее каждый индивид и каждая социальная группа существуют еще в собственной реальности, представители которой создают свои идеалы, ценностные ориентиры, руководствуясь определенной системой ценностей. Разные идеологические системы формируют специфические способы воздействия на общество и способы обработки массового сознания. Происходит это посредством декларации определенных ценностей, целей, их настойчивой пропаганды и утверждения в обществе. Одновременно надо уметь фиксировать социальные, национальные или религиозные особенности, уметь учитывать их

специфику. Так, например, методы воздействия для достижения коммерческих и политических целей будут существенно отличаться. Во время проработки они будут изменяться в целях повышения эффективности функционирования.

Для поддержания единства членов определенной этнической группы и ее общих целей достаточно, чтобы они разделяли общую историю, культуру, общие ценности. А вот для обществ со сложной культурой и полиэтническим составом задача усложняется. Требуется найти некие общие глубинные символы, объединяющие идеи и общую идеологию. Здесь на помощь приходит общечеловеческое – мифы и архетипы, на которые будет опираться идеологическое пространство.

Необходимо суметь связать определенную социальную сферу с историей культуры, с системой общечеловеческих идей. Именно они выступают прекрасным орудием пропаганды, быстрой мобилизации общества и одновременно незаметного управления им. Посредством известных всем идей и образов можно интерпретировать многие события, объяснить, что хорошо или плохо, сфальсифицировать события и факты. В результате можно создать в массовом сознании образ некоего необходимого нового мира, а затем начинать выстраивать его на практике. Это достаточно сложно, ибо необходимо создать видимость, что эта система единых для всех ценностей и целей, что она реально существует и имеет большое значение. Однако еще важнее создать впечатление не только общих для всех ценностей, но и наличие одинаковых возможностей, независимо от занимаемой человеком социальной ступени. Самыми излюбленными лозунгами выступают понятия «свобода», «равенство», «всеобщее благоденствие», «счастье для всех» и т. д. Но цель данной системы одна – поддержание и обеспечение социального порядка. «Если нет сильной внутренней идеологии, нация распадается на противоборствующие этнические, расовые и сословные группы» [4, с. 217].

Такая мифология является, в любой своей форме, фундаментом социальной и политической составляющих общества на определенном этапе. XX век и его массовая культура породили целостную систему мифологем и архетипов, которая должна расставить все по своим местам. Такая система обязана указать каж-

дому человеку его место и роль в существующем порядке, ответить на самые главные вопросы в доступной и часто даже спекулятивной форме.

Отметим, что массовое сознание достаточно нестабильно и даже невротично. В связи с такой характеристикой оно не может иметь рациональный характер и, как правило, определяется механизмами бессознательного, иррационального и даже мистического, опираясь на архетипы и мифологию. «Целью манипуляционных практик является контроль над целевой аудиторией, сокрытие до определенного момента истинных намерений коммуникатора с широким использованием различных психологических приемов внушения, нейролингвистического программирования»[5, с. 125].

Что мы имеем в виду под понятием «манипуляция», которое стало обычным и обиходным сегодня. Есть «хозяин», который, используя средства психологического воздействия, дергает за невидимые нити своих «кукол». «Манипулятор-кукловод» играет, а живые куклы – люди – создают особый мир иллюзий по его заказу. Результатом такой манипуляции является создание необходимых представлений о желаемом и реальном, добре и зле, справедливом и несправедливом, красоте и некрасивости, героизме и предательстве. Это легко сделать, опираясь на совокупность определенных архетипов, которые актуальны в данное время. Язык манипуляции частично соткан из архетипов, но сам процесс должен быть скрыт или хотя бы завуалирован. Он должен выглядеть, как неустанные хлопоты о самом народе и его благе.

Интересно, что в XX веке, когда образованность стала нормой, когда возник читающий все подряд человек, произошел странный процесс. Критичность в оценке событий и информации, наоборот, резко упала, а манипуляция обществом многократно возросла. К сожалению, сегодня возможности манипулирования людьми, их интересами и потребностями просто безграничны, ибо они опираются на огромную мощь современных средств коммуникации – печать во всех ее видах, кино, телевидение, Интернет с его «информацией обо всем и всех». Фактически все они выполняют «кодировку» людей, программирование их желательных реакций, мнений и поведения.

При этом существует множество технологий воздействия: слухи, сплетни, мистификация, создание лжесобытий, лжекартинок, «горы трупов», сила традиций, образ спасителя и героя, образ врага и многое другое. При этом информация сознательно деформируется или искажается в интересах «кукловодов». Ее целью являются деградация критичности, стереотипность мышления, создание эффекта правдоподобности, но не сама правдивость.

Информация должна оказывать сильное психическое воздействие, быть эмоционально заряженной, вызывать состояние беспокойства, страха, потрясения и даже невроза. При этом, как мы уже отмечали, ее воздействию подвергаются не наивные, безграмотные индивиды, а люди вполне образованные, считающие себя рационально мыслящими. Такое состояние дел еще более провоцирует и оттачивает мастерство манипуляции, делает ее более технологически тонкой, что в результате позволяет человеку ощущать себя якобы критически мыслящим и свободным в свободном обществе.

Слово «свобода» имеет просто мистическую силу, ибо все мечтают быть свободными и каждое свое слово и действие считать своей заслугой и своим рациональным выбором. Именно возможность выбора рассматривается в современном обществе как основа и главная гарантия свободы. Массовое сознание играет данным понятием будто мячиком – как в области морали, искусства и творчества, так и в области политической, например, свобода выбора политического лидера или президента. Быть свободным – вот основная цель! Но такая целеустремленность создает трудности в процессе управления и поддержания порядка, эффективности самого процесса манипуляции. Чтобы человек и общество сделали «правильный» выбор, надо просто подсказать нужное решение, а вернее, внушить его любым способом.

Конечно, манипуляция не является всемогущей и не может возникнуть на пустом месте. Общественное сознание должно быть подготовлено к приему информации в таком виде в данный период. В наше время это становится достаточно простым процессом, так как очень быстро можно донести нужный образ до индивида средствами массовой информации. При этом требование одно: образ должен быть простым, понятным, часто повто-

ряющимся и запоминающимся, не обладать лексической и семантической сложностью, вызывать четкие эмоции.

В свое время это был, например, постоянно тиражируемый образ капитализма. Старшее поколение прекрасно помнит стереотип капитализма, как несправедливого, развращенного, гнивающего, больного, потребительского общества. Другой пример – это социализм: справедливое общество небогатых, трудолюбивых, честных, равных, но счастливых людей. Оба образа достаточно далеки от реальности.

Конечно, как мы говорили, манипуляция не равна для всех, ибо всегда существует оппозиция общепринятому и должному мнению. Однако это не ведет к резкому уменьшению эффекта манипуляции, наоборот, в подобном противостоянии она адаптируется, расширяется, ищет новые стили, образы и методы воздействия [6]. Каждый человек в нашем мире находится во власти внушения, воздействия культуры, мифологии, коллективного бессознательного в форме архетипов.

Оказывается, критическую рефлексию достаточно просто преодолеть, примером чего является судьба гитлеровской Германии. За короткий период времени страна поэтов и ученых превратилась в страну убийц. Целой нации удалось внушить миф об их биологической исключительности и социальном превосходстве над другими народами. За основу были взяты притягательные для масс идеи чистоты крови, истинного арийца, элиты и черни, воли к власти и идея сверхчеловека. Эти идеи «упали» на подготовленную социальную «почву» в нужное время. Результатом стали мировая война, разрушенные и сожженные города, небывалые беды и неслыханное до этого количество жертв.

Фразу Ф. Ницше, в которой был совсем иной смысл – смысл элитарности духа, прекрасно приспособили для целей превосходства немецкой нации над всем миром: «Жизнь – это кладезь радостей, но все колодцы отравлены там, где пьет чернь» [3]. Чернь (не арийцы) и подлежала уничтожению!

Сегодня многие исследователи выделяют присутствие элементов мифа и наличие архетипов как основную характеристику массового сознания. Как феномен массовое сознание начинает активно исследоваться с XIX века. Исследования этого периода

отражают представления о массовом сознании как сознании «темных масс». В работах, например, У. Липпмана или Г. Лебона часто используется понятие «толпа». Именно Липпману мы обязаны появлением такого понятия, как «стереотип», без которого в своей речи сегодня мы не можем обойтись.

В конце века появляются новые направления в исследовании феномена масс и массовой культуры, резкое противопоставление элиты и массы. Это работы Ф. Ницше, Х. Ортега-и-Гассета, О. Шпенглера, в которых утверждается, что с определенных пор главную роль в обществе играют вовсе не личности, а масса, преклоняющаяся перед всем заурядным, простым и понятным. Поэтому она состоит, как правило, из примитивных и невежественных людей, которые счастливы уже тем, что похожи друг на друга. Не случайно Шпенглер, характеризуя новый век, называет его веком гибели настоящей культуры и прихода нового мира – мира цивилизации.

Его признаками являются развитие индустрии, деградация искусства и морали, огромное перемещение и скопление людей в городах, превращение народа в безликую массу [7]. В отдельную группу следует выделить представителей марксизма, для которых характерно понимание массового сознания с совершенно иной, даже оптимистической интерпретацией происходящих социальных процессов. Они делают упор на общие представления и эмоции, в основе которых лежат подобные структуры практической деятельности и сам процесс общественного труда. Поэтому часто слово «массы» не используется, особенно в негативном варианте, а применяется понятие «народ» или «трудовой народ».

Анализ массового сознания – одна из проблем, которую можно изучать различными методами. Знаменитый философ М.К. Мамардашвили писал: «По обыденной привычке мы, как правило, вписываем акты сознания в границы анатомического очертания человека. Но, возможно [...] сознание находится вне индивида как некое пространственное или полевое образование. И поэтому метафоры и символы древности (в том числе мифологические, религиозные) содержат в себе [...] больше информации о свойствах сознания, чем любая привязка наблюдаемого поведения к изменениям характеристик мозга [8]. Если идти этим путем,

то мы обнаружим, что массовое сознание включает в себя некие древние основания, матрицы в виде символов и прообразов. Именно они предшествуют опыту всякого индивида и его индивидуальному сознанию.

В своей уникальной теории коллективного бессознательного, созданием которой Юнг бросил вызов Фрейдю, он впервые назвал такие прообразы и символы архетипами, о которых мы говорим. Под коллективным бессознательным необходимо понимать весь предшествующий опыт предков, ушедших в прошлое поколений. Мы можем назвать архетипы наследственной или генетической памятью. Все, что когда-то было пережито миллионами людей, покоится как составляющая внутри нас и нашего бессознательно-го, являясь неотъемлемой частью.

Благодаря врожденным структурам нашего мозга эти образы наследуются и предаются от поколения к поколению. В ситуации массового скопления людей мы замечаем сами, как происходит «подключение» к коллективному бессознательному, общему психическому состоянию – радости, грусти или психозу. В толпе человек автоматически подчиняется определенным нормам, ритуалам и правилам, независимо от своей воли. Его сознание как будто отключается, появляется иной человек, иногда неожиданный и непонятный для самого себя. Происходит отождествление себя с другими. Примером этого может являться изменение речи, жестов, самого поведения в ситуации скопления людей – на митинге, демонстрации, концерте, экскурсии или в храме.

Слившись с коллективным бессознательным, человек ощущает новые эмоции, волнение, уходят страхи и ощущение ненужности или одиночества. В едином порыве, в единении с другими приходит ощущение иллюзорной безопасности, уверенность в правильности своего выбора или необходимости данных действий. Происходящее обретает истинность.

Эта особенность человеческой психики лежит в основе умения манипулирования и управления массами. Мастерство манипуляции состоит в том, чтобы понимать и учитывать нужные образы из прошлого, те архетипы бессознательного, с которыми в данный момент имеет дело общество и которые можно эффективно использовать. Разная культура и национальность, разные

ценности и вера, идеалы и убеждения – все должно учитываться и преломляться на практике манипулирования.

У каждого архетипа есть своя целевая аудитория. Манипуляция не сработает, если не учитывать, например, пол, возраст, происхождение, национальность, особенности вероисповедования и конкретную ситуацию в обществе. При этом архетипы должны выполнять ряд социальных функций: гносеологическую, коммуникативную, волевою и аксиологическую. Целью является прежде всего создание системы единых ценностей. Как мы знаем, архетипические образы и сюжеты могут быть сумбурными, алогичными, сказочными, фантастичными, но именно эта иррациональность и придает им силу, позволяя незаметно управлять массовым сознанием.

В чем секрет древних образов, символов и сюжетов? Каким образом они проникают в наше сознание и становятся частью нашего «Я»? Почему мифология и архетипы так легко обрабатывают нас, подчиняя и делая фактически неспособными к критическому восприятию происходящего? Почему архетипы играют важную роль даже в обретении человеком смысла жизни? Сам К.Г Юнг считал, что это не зависит от нас и происходит автоматически. Существуют фундаментальные человеческие основания, первоначальные общекультурные образы, стереотипы и чувства, языковые матрицы, передаваемые по наследству от поколения к поколению. Испытывая и используя их, сами люди этого просто не замечают.

Согласно Юнгу, незаметно для самих себя человек и общество пытаются организовать свою жизнь и отношения, выстроить идеалы в соответствии с уже имеющимися архетипами. Тем самым, бессознательное, играя компенсационную функцию, расширяет возможности самого сознания, дополняя его до целостности. Формами такого расширения сознания являются мифы, легенды, сказки, эзотерические учения, фантазии и символические сны. В них человеком переживаются сама история и опыт предков, формируются свой жизненный опыт, своя индивидуация [9].

Каждой общности будут соответствовать свои образы, свои нормы и ценности – свои архетипы. Продолжительность их «жизни» очень различается: так, социально-культурные образы

Христа или Мухаммеда существуют уже многие столетия, лежат в фундаменте религий, приобретая святое значение и особый смысл. Многие образы и символы, которые подарила человечеству массовая культура, едва ли будут столь долговечны. Древнейшими архетипами являются «друг» и «враг», «свой» и «чужой». Сущностью их является создание устойчивого образа, упрощающего наше представление о мире, указывающего наше место в нем и порядок выстраивания отношений с другими людьми. Это своеобразная «шпаргалка», которая позволяет с легкостью делить и упрощать социальное пространство, выполнять функцию социальной организации и дифференциации. Согласимся, может, и с неохотой, что каждый из нас находится во власти подобного представления, а поэтому противиться существующим архетипам, как и самому процессу манипуляции, бессмысленно. Коллективное бессознательное полностью подчиняет нас своей воле, так как опыт человечества велик и многообразен, а наша жизнь достаточно коротка.

Однако большинство людей считает свои поступки результатом собственного уникального выбора и собственной свободы. Человек принимает все либо как должное, либо как необходимое при данных обстоятельствах. Воздействовать на образы прошлого, учитывая ситуацию в настоящем, – вот истинная цель манипуляторов и искусство манипуляции. Мы живем воображаемыми образами, таящимися в подсознании, иногда путаясь, какой же из них истинный и является собственным образом. Вся наша жизнь, общество, культура, хотим мы этого или нет, отражаются нами, в частности, и на бессознательном уровне. Наше бессознательное заполнено тем, что нам встречается в процессе жизни, начиная со сказок, стихов, с легенд, кинофильмов, рассказов других современников, и дополняется собственными впечатлениями и информацией. Образы обрабатываются, переплетаются, модернизируются, и в результате каждый из нас создает целостную картину, которая характерна именно для него. Но, несмотря на кажущуюся индивидуальность, она может быть похожа на картины других людей, оперирующих подобной информацией и имеющих подобные архетипы. Такая схожесть картин будет порождать схожесть наших мыслей, поступков и приоритетов.

Архетипов и связанных с ними сюжетов существует великое множество, но остановимся только на некоторых. Так, французский исследователь Рауль Жирарде, анализируя политические мифы в своем труде «Мифы и политическая мифология», выделил четыре основных: о Заговоре, Золотом веке, Герое-спасителя и Единстве. Он считает, что именно социальная нестабильность порождает коллективную неустойчивость психики, которая стимулирует обращение к мифам и мифологии. Такую ситуацию он называет «вывих психики». Ее корни находятся «в страданиях и неуверенности индивида, блуждающего во тьме неудовлетворенных стремлений и бесплодных надежд» [10]. В такой ситуации на первое место и выходят миф о герое и архетип героя.

Архетип героя выступает наиболее эффективным механизмом манипулирования массовым сознанием, это спасательный круг, за который может ухватиться массовый человек. Там, где он не смеет полагаться на собственные силы, собственный разум и волю, ему должен послужить герой. Архетип героя, миф о герое выступают средством организации массового человека и массового сознания. С помощью его рождается вера в то, что все преграды будут преодолены, а все враги повержены. Находясь рядом, «под одними знаменами» с героем, борясь против несправедливости и современных «чудовищ», человек переживает данное событие как героическое. Он ощущает себя помощником или соратником героя, овеванным его славой. Примером могут служить постоянные революции в Кыргызстане «во имя добра и процветания», ожидание появления очередных «героев», ощущение причастности к великим переменам.

Массовое сознание, сознание человека массового общества принимают эти процессы в качестве героизированного хода вещей, приобщения к ходу истории и поднятия самооценки. Необходимо найти подобных героев в реальности, а затем наделить претендентов на эту роль соответствующими магическими качествами. Чаще всего, этот герой – страдалец, жертвующий собой во имя народа или великой цели. Здесь приходят на помощь, например, мифы о Прометее или о Геракле.

Герой непременно обладает высокой харизмой. Это могут быть невиданная сила, доброта, дар пророка, ясновидящего,

непревзойденный талант полководца или воина, необычные личностные качества, перенесенные беды и потери. В герое часто изображают богатыря, избранника богов и даже богочеловека. Он могуч, он побеждает зло, чудище, дракона – версии могут быть разные. Цель одна – освободить Родину и свой народ от зла и насилия. Архетип героя, его нелегкая судьба и страдания – вот излюбленная тема, вокруг которой можно выстроить целостную картину, она будет взята за основу дальнейших действий. Конечно, архетип, любой образ адаптируются к новому времени и новым реалиям, подгоняясь под них. Но цель его, в любом случае, послужить некритичному восприятию людей и сложившихся обстоятельств. Необходимо вызвать чувства восторга и даже влюбленности населения в такого героя, сопереживание его бедам, готовность следовать за ним.

Голос разума не слышим народом и толпой, а вот символы, образы и архетипы справляются с таким заданием прекрасно, поэтому власть не тратит время на разумные призывы и размышления. Так как современное общество находится в затяжном кризисе и нестабильности, то его судьба неразрывно связана с процессом перемен и возрождения. Герой – это всегда символ перемен, поэтому он является источником всех надежд и упований на счастливое будущее. Герой не только разрушает прежний порядок, но в его власти созидание нового порядка. Он поднимает за собой массы, мобилизуя их энергию для непрерывного обновления мира, ведет их через все трудности и невзгоды, придает им силы, внушает надежды. При этом нельзя ставить под сомнение поступки и подвиги героя, так как массовое сознание не имеет права на сомнение и критику действий героя. Так решили сама судьба и жизнь.

Итак, ситуация сегодняшнего дня: технологический прогресс, появление массового общества и массовой культуры, интенсивное образное мышление, связанное с возможностями самой культуры, ведут к стандартизации в мышлении и поведении, она происходит путем незаметного навязывания системы архетипов и мифологем, которую мы порой не замечаем или спокойно принимаем. Новые возможности, новые технологии и сама специфика массового общества позволяют создавать «заданную»

реальность, которая будет совпадать с нашими ожиданиями и базовыми архетипами. Подстраиваясь под новую реальность, архетипы достаточно сильны, жизнеспособны и выполняют свои функции в манипулировании массовым сознанием.

Литература

1. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Избранные труды. М.: Весь мир, 2000.
2. *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 2010.
3. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / пер. Д. Борзаковского. М.: Издание М.В. Клюкина, 1900. Т. 1.
4. *Московичи С.* Век толп. М.: Институт психологии РАН, 1998.
5. *Джунушалиева Г.Д. Лаптина А.А.* Политические PR-технологии и специфика их применения в избирательных кампаниях // Вестник КРСУ. 2018. № 7. С. 123–126.
6. *Кара-Мурза К.Г.* Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2000.
7. *Шпенглер О.* Закат Западного мира. М.: Альфа-книга, 2014.
8. *Мамардашвили М.К.* Символ и сознание. М.: «Азбука – Аттикус», 2011.
9. *Юнг К.Г.* Психология бессознательного. Собрание сочинений. М.: Канон, 2019.
10. *Флад К.* Политический миф. Теоретическое исследование. М., 2017.

М.Э. Манашов

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ КИТАЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Лицо в обществе принадлежит к определенной социальной группе и является носителем ее ценностей и норм. Однако в ходе жизнедеятельности люди передвигаются в социальной структуре

общества по горизонтали и вертикали. Социальная мобильность обуславливает изменение старого образа жизни, ценностей, норм, стиля поведения на принятые в новой социальной группе. Таким образом, изменение положения индивида в системе социальных координат делает его новым человеком.

Духовная культура формируется в обществе вместе с накоплением опыта поколений, которая передается, хранится и обогащается новыми достижениями человечества. Новое нередко противоречиво уживается со старыми ценностями, это может приводить к конфликту поколений, ценностей народов. Китайский народ – трансформационное общество, ориентированное на новые приоритеты, их центром выступают глобализационные ценности, «духовность» которых носит достаточно условный характер и не всегда положительно сказывается на сознании молодежи.

Проблема формирования духовных ценностей студенческой молодежи является весьма актуальной в наше время. Как показывает практика, студенты выступают как активная сила политических изменений, и в зависимости от того, какие ценности они вносят в эти изменения, какую культуру внедряют, во многом будет складываться будущее общества, его культура, направления трансформаций. Так по случаю празднования 95-годовщины Движения «4 мая» генеральный секретарь КНР Си Цзиньпинь при встрече со студентами Пекинского университета отмечал, что «ценностные установки молодежи определяют ценностную ориентацию всего общества в будущем» [8]. Общество заинтересовано в том, чтобы эти ценности и культура были демократическими. Их формирование – задача актуальная и требующая неотложного внимания.

Целью данной статьи являются исследование и анализ особенностей формирования ценностных ориентаций студенческой молодежи, поскольку в период открытости КНР, утверждения культурно-исторических ценностей китайского народа, его традиций и обычаев, гармоничной взаимосвязи национального и общечеловеческого происходят сложные, неоднозначные процессы в сознании как всего общества, так и отдельной личности.

Духовность – это феномен широкого социального контекста, что касается прежде всего высшей сферы человеческой экзистен-

ции: искусства, науки, религии, системы общественных ценностей и идеалов. Кроме того, духовность – это способность человека руководствоваться в своем поведении высшими ценностями общественной жизни. Духовность как интегративное качество личности обеспечивает духовное развитие личности, предполагает процесс индивидуального привлечения к духовной культуре общества, овладения общечеловеческими, социокультурными, национальными ценностями и опытом человечества в процессе духовно-практической деятельности и самостоятельного творческого развития каждой личности.

В понимании сущности духовности, как правило, выделяют теологический и научный подходы. Для теологического понимания духовности характерно признание надындивидуального, сверхъестественного начала. В философской науке к проблеме духовности обращались ученые еще в период античности. В то время преимущественно считалось, что основой духовности является душа (Гераклит, Демокрит, Анаксимен, Аристотель и др.). В эпоху Возрождения и Просвещения духовное в основном рассматривалось как сверхъестественное, а духовное развитие определялось как развитие души (Дж. Локк, Дж. Беркли, П. Гольбах, Ф. Шеллинг и др.). Среди представителей западной философской традиции в анализе вопросам духовности следует упомянуть Э. Фромма, С. Кьеркегора, Х. Ортега-и-Гассета, А. Камю, Ж.-П. Сартра и многих других философов. В психологии категория духовности понимается преимущественно как интегральное образование психики человека, как целостная динамическая система совокупности ряда взаимодействующих между собой компонентов структуры личности (Э. Помиткин, А. Киричук, М. Свечение, М. Боришевский, И. Бех и др.) [1, 6]. Анализ научной литературы свидетельствует, что педагогика также имеет свои весомые наработки в русле исследования проблем воспитания и развития духовности (Г. Ващенко, Н. Пирогов, К. Ушинский, В. Сухомлинский и др.). В социологической науке духовность – это прежде всего нормативно-ценностный мир человека, который определяет его место в обществе. Основоположник научной социологии О. Конт рассматривал духовность как единство трех взаимодействующих элементов: верования, убеждения

и морали (моральных ощущений). В дальнейшем социологическое осмысление духовности находим в работах Э. Дюркгейма и М. Вебера. Для Э. Дюркгейма духовность – это нравственная основа солидарности взаимодействующих социальных групп. М. Вебер обращается к проблеме социального действия, когда каждый социальный акт становится осмысленным только во взаимодействии с ценностями, в свете которых определяются нормы поведения людей и их цель [2, с. 27].

Духовность является одним из самых сложных феноменов человеческой жизни и познания во всех его проявлениях. Она неотделима от общества, ценностей, норм, культуры, морали, господствующих в нем. Важно подчеркнуть, что духовность рассматривается как главный элемент анализа и развития современного общества. Возложенные в основу ценности истины, добра, красоты являются важным элементом социокультурной динамики, развития человеческой цивилизации, новой духовности, призванной сделать человека свободным и творческим в своих решениях и выборах. Немаловажным для нашего анализа является рассмотрение духовности как ценности. Именно в духовных ценностях оказываются общественная природа человека, а также условия его жизни и деятельности.

Сущность духовных ценностей оказывается в их общественном характере. Духовные ценности создаются и распространяются в процессе общения, они предназначены для повышения эффективности социально-коммуникативных взаимодействий. Важно подчеркнуть, что духовные ценности выполняют интегративную функцию, обеспечивающую стабильность существования общества.

Следует обратить внимание на несколько смыслов, определяющих сущность духовных ценностей в современном исследовательском дискурсе: во-первых, духовные ценности рассматриваются как продукт деятельности; во-вторых, духовные ценности – это своего рода ориентиры, которые определяют смысл бытия человека, социальной группы, общества; в-третьих, духовные ценности неотделимы от нормативно-нравственной регуляции человеческого поведения и человеческих отношений; в-четвертых, духовные ценности – это вершинные достижения человечества и в этом смысле их интегративное значение оказывается в конструировании

образцовой социальной реальности, в-пятых, духовные ценности выступают как внутренние убеждения, как результат длительной социализации и процесса воспитания человека в определенной социокультурной среде.

Итак, духовные ценности являются сложным образованием и способствуют формированию потребности в познании мира, других людей, себя. Они отражаются в стремлении к красоте, гармонии, совершенству, проявляются в отношении человека к любой форме жизни как высшей ценности; уважении к внутреннему миру другого человека. Духовные ценности – это своего рода внутренние качества человека, которые соотносятся с общечеловеческими ценностями, находят свое выражение в значимых жизненных ситуациях. Одной из главных значимостей жизни человека, самостоятельного выбора пути является время студенчества, которое формирует личность в последующей жизни.

Термин «студент» (лат. *studens* – тот, старательно учится) во все времена указывал не только на род занятий студентов, но и на признаки, которые выходили за рамки учебно-образовательной деятельности [4, с. 11]. Студенчество представляет собой социально-демографическую группу, которая характеризуется общностью интересов, субкультурой и образом жизни при возрастной однородности не свойственного другим социально-профессиональным группам.

Исследуя трансформацию молодежных ценностей после реформы и открытости в Китае, можно обнаружить, что ценностная ориентация студенческой молодежи пережила примерно три основных «цикла флуктуации». В каждом цикле данная траектория в то время переживала период «восходящей волны» и «падающей волны»:

- 1) «волновой цикл», который длился с 1977 по 1983 год,
- 2) «волновой цикл» – с 1984 по 1991 год,
- 3) «волновой цикл» – с 1992 года по настоящее время.

После первых двух основных «колебаний» мышление и ценностная ориентация современной молодежи постепенно выровнялись – после «восходящей волны». С неуклонным прогрессом реформ на государственном уровне социальное и экономическое развитие становится все более и более скоординированным, избе-

гая взлетов и падений 1980-х годов, в результате чего фаза подъема третьего «цикла колебаний» будет продолжаться.

При углубленном анализе феномена «флуктуации» в данной проблеме мы можем обнаружить, что «колебания» эволюции ценностей студенческой молодежи имеют следующие характеристики:

- Эволюцию молодежных ценностей необходимо исследовать в контексте макросоциальной среды, начиная с существования общества и анализируя траекторию изменений определенных социально-исторических условий и социальных отношений.
- Развитие и изменение ценностной ориентации студенческой молодежи – это не что иное, как два результата. Один из них – скачок и сублимация, которые реализуют интеграцию собственных ценностей молодежи и социально доминирующих социальных ценностей, что проявляется как «обновление» «цикла колебаний» и завершает социальную доминирующую ценность для молодежи. Другой результат – тишина и поворот, которые становятся материалом для следующей группы социального мышления молодых людей или вызывают большее замешательство и отклонение, что проявляется как «падающая волна» «цикла колебаний».
- Независимо от того, совпадают ли ценностные ориентации студенческой молодежи и доминирующие социальные ценности или отчуждаются, это неизбежный результат социальных преобразований и изменений, отражение социальной реальности молодежи. В отношении отчуждения должны рассматриваться рациональные суждения.
- По мере того как статус и функция молодых людей в общественной жизни становятся все более заметными, ценности, которые пропагандируются и отстаиваются молодыми людьми, оказывают все большее влияние, и они даже становятся частью основных социальных ценностей. Поэтому очень важно проводить обучение молодежи основам социалистических ценностей [9].

Сегодня исследования китайского студенчества ведутся систематически и охватывают широкий круг проблем: от студенче-

ской научной и профессиональной мобильности к анализу их ценностно-мотивационной сферы. Не менее актуальными остаются исследовательские проекты, связанные с конструированием социального портрета современного студента, а также с причинами изменения ценностных ориентаций. Так, исследователь Лю Сяоцзюнь отмечает, что западные страны прививают свою культуру и ценности китайским студентам, посредством стратегий обучения за рубежом и языкового влияния, а также посредством культурного проникновения популяризируют западные политические идеи и выступают в качестве представителя политических убеждений китайских студентов... Считается, что капитализм делает систему наиболее подходящей для социального развития, от такого видения студенты находятся под влиянием либеральной культуры, а некоторые из них вовсе теряют доверие к социалистической системе [7].

Аналогичное утверждение дает Чжао Цзэнфан, отмечая, что социокультурная коммуникация с представителями западных культур способствует заимствованию ценностей западного общества в ущерб ценностным ориентациям, сформированным на протяжении тысячелетий китайским народом. В XXI в. всё явственнее проявляется рецепция западных интенций, которые проникают в мировоззрение, философию и повседневную культуру китайцев [5, с. 97–98.].

Подчеркивая усиление влияния западных ценностных ориентаций на молодое поколение Китая, Лю Пэн в своем исследовании отмечает: «Представления о ценностных приоритетах размыты, нет научно обоснованного политического механизма соединения традиционных национальных духовных ценностей с ценностями глобализирующегося мира, имеющими выраженную западную направленность. Трансформация ценностных ориентаций выражается в падении статуса общественно значимого труда, в индивидуализме, безразличии, социальной пассивности» [3, с. 13–14].

Анализируя процесс формирования духовности и ценностных ориентаций современной студенческой молодежи Китая в процессе обучения и воспитания, можно сделать вывод, что в сознании современной молодежи формируется тип личности,

характерный для западного общества. Личности, которая прежде всего ценит себя и считает, что ее деятельность, успех в жизни и т. д. зависят именно от нее.

Как мы видим, сегодня преобладают личностные приоритеты: семья, друзья, условия жилья, работа, собственное здоровье. Это важная тенденция, характеризующая изменения ценностных ориентаций молодежи, – откровенное преимущество индивидуализма, акцент на личностно-семейных интересах. Если раньше такие ценности, как уважение окружающих, хорошие отношения в коллективе занимали 2-е – 3-е места в иерархии ценностей, то сейчас совсем другая ситуация. Высоко ценится только то, что непосредственно связано с личностью, а не с коллективом или обществом. Это свидетельствует о том, что снижается значимость общества в жизни отдельного человека и растет индивидуализм.

Поэтому со стороны китайского руководства прилагаются все усилия для сохранения национальных основ ценности с социалистическим оттенком. Чтобы достичь желанной цели, студенчество должно быть патриотично воспитано, разделять политику Коммунистической партии Китая.

Литература

1. *Бех И.Д.* Личность в пространстве духовного развития: учебное пособие. Киев: Академвидав, 2012.

2. *Джигун Л.М., Цвяк Л.В.* Духовно-нравственные ценности и ориентация личности. Педагогическое образование: теория и практика. 2011. Вып. 8. С. 26–31.

3. *Лю Пэн.* Управление формированием ценностных приоритетов молодежи в медиапространстве Китая: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2013.

4. Студент XXI века: социальный портрет на фоне общественных трансформаций / под общ. ред. В.И. Астаховой. Харьков: Изд-во НУА, 2010.

5. *Чжао Цзэнфан.* Трансформация ценностных ориентаций современной молодежи Китайской Народной Республики. Современная молодежь и общество: сборник научных статей. Вып. 8. Минск, 2020. С. 96–100.

6. Юзвак Ж. Духовность как психологический феномен: структура и факторы развития // Философская мысль. 1999. № 5. С. 139–150.

7. Лю Сяоцзюнь. Влияние западной культуры на ценностную ориентацию студентов [Электронный ресурс]. URL: <https://m.zhazhi.com/lunwen/whls/xifangwenhualunwen/190326.html> (дата обращения: 26.01.2021).

8. Ху Минь. Ценностная ориентация молодежи [Электронный ресурс]. URL: <http://theory.people.com.cn/n/2014/0528/c40531-25076077.html> (дата обращения: 21.01.2021).

9. Ян Цзинь Трансформация и эволюция молодежных ценностей за 40 лет реформ и открытости [Электронный ресурс]. URL: http://www.ce.cn/xwzx/gnsz/gdxw/201808/20/t20180820_30071598.shtml (дата обращения: 21.01.2021).

*Н.И. Осмонова,
А.А. Акылова*

МОРАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭВТАНАЗИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Эвтаназия является одной из актуальных, сложных и открытых проблем нашего времени. Сегодня в условиях острых дискуссий и обсуждений со стороны специалистов различных областей, а также стремительного развития всех наук, в том числе медицины, вопросы, связанные с ней, стали основой для актуализации данной проблемы в широком социально-философском и этико-правовом аспектах. Неоднозначное, а порой противоречивое отношение к данной проблеме определяется философскими, моральными, социальными, правовыми и медицинскими вопросами. Поэтому проблема эвтаназии всегда находится на стыке медицины, биологии, этики, права и других наук, но прежде всего она является социально-философской и морально-этической пробле-

мой, имеющей глубокие социальные причины и этические последствия.

Моральные аспекты эвтаназии обусловлены не только потребностью общества в гуманном отношении к человеческой жизни как высшей ценности, но прежде всего изменением и трансформацией системы ценностей современного общества и актуализацией морального и юридического права человека на смерть. В этой связи состояние современной науки характеризуется активным философским поиском и объединением новых взглядов на фундаментальные основы и законы человеческого существования, которые направлены на сохранение и развитие жизненных феноменов в единой системе «природа–человек–общество». В этом смысле цель философии заключается не только в поиске ответов на вечные вопросы, которые касаются смыслов человеческого существования, но и в ее долженствовании как науки выживания человечества и сохранения жизни как высшей ценности. Все эти условия обуславливают особенную актуальность данной проблемы в контексте современности.

На первоначальном этапе работы определим, что понимать под термином «эвтаназия». Согласно определению, данному в энциклопедическом словаре по этике: «Эвтаназия (от греч. *eu* – хорошо и *thanatos* – смерть) – сознательное действие, приводящее к смерти безнадежно больного и страдающего человека относительно быстрым и безболезненным путем с целью прекращения неизлечимой боли и страданий» [1, с. 598–600].

Впервые термин ввел в XVI веке английский философ и политик Фрэнсис Бэкон для обозначения легкой безболезненной смерти. Об этом он говорил в своей работе «Великое восстановление наук. Разделение наук»: «Долг врача состоит не только в том, чтобы восстанавливать здоровье, но и в том, чтобы облегчать страдания и мучения, причиняемые болезнями... даже и в том случае, когда уже нет никакой надежды на спасение и можно лишь сделать саму смерть более легкой и спокойной» [2, с. 269].

В настоящее время под эвтаназией понимается искусственное и гуманное прекращение жизни неизлечимо больного человека с его согласия или же с согласия его родственников с целью избавления от невыносимой боли. Критерии использования эвта-

назии к больным людям в основном одинаковы: больной должен достигнуть определенного возраста, необходимо заключение психиатра и других специалистов.

Существуют два типа эвтаназии: «пассивная» и «активная». «Эвтаназия в активной форме сравнивается еще с «методом наполненного шприца», а также понимается как умышленное причинение неизлечимо больному по его просьбе быстрой и легкой смерти, для того чтобы избавить его от мучительных физических страданий. Пассивная эвтаназия, в свою очередь, осуществляется при намеренном воздержании от различных медицинских манипуляций, которые направлены на поддержание жизни безнадежно больного пациента» [3, с. 168–172].

На сегодняшний день эвтаназия узаконена в Нидерландах, Бельгии, во Франции, в Швейцарии, Люксембурге, Германии, в некоторых штатах США. Все эти страны, как правило, относятся к экономически развитым, у них высокий уровень оказания медицинской помощи. В то же время свобода выбора, право распоряжаться своей жизнью, как правило, являются неотъемлемыми правами человека в любой демократической стране. Несмотря на это, в этих экономически и демократически развитых странах, где эвтаназия применяется относительно давно, вопрос о легализации эвтаназии, а также связанные с ней моральные и правовые аспекты вызывают широкий общественный резонанс, и споры о необходимости ее применения не утихают до сих пор.

Эвтаназия – выход для тех, у кого нет шансов на выздоровление и неблагоприятный прогноз подтверждается специалистами. Такой способ ухода из жизни выбрал основатель психоанализа Зигмунд Фрейд. Помог ему в этом его друг, врач по профессии. Как нам известно, у Фрейда был диагностирован рак полости рта, ему пришлось перенести более 30 операций, и умер он в 1939 году. В то время операции проводились под местным наркозом. Возможно, он устал и увидел в эвтаназии единственный выход.

Против феномена эвтаназии выступал Гиппократ. В своей книге «Клятва» он утверждал: «Я не дам никому смертельного средства и не покажу пути к осуществлению подобного замысла» [4, с. 87–88].

В религиозном аспекте человек, расставаясь со своей жизнью с помощью эвтаназии, тем самым отказывается от самого Всевышнего. Согласно мусульманской вере, жизнь и смерть даны Аллахом, и только он вправе распоряжаться ими, и таким образом, каким это Ему угодно. Священный Коран гласит: «Не убивайте самих себя! Воистину, Аллах необычайно милостив к вам». Для последователей ислама убийство или самоубийство, для того чтобы облегчить страдания, недопустимо, потому что за этой жизнью следует иная жизнь. Употребление препарата, приводящего к смерти больного, а также отказ от лечения, назначенного врачом, считается убийством.

При этом не одобряется поддержание жизни искусственным путем с угасшим разумом. Имеется в виду биологическая и клиническая смерть. В период клинической смерти разум функционирует и есть шанс на возвращение к жизни, в данном случае эвтаназия неприемлема. Однако в случае с биологической смертью, или иначе смертью мозга, бессмысленно поддерживать жизненные функции.

Точно также и христианство не принимает допустимости «облегчить себе смерть», тем самым следуя основной заповеди «Не убий», так как исключительно Бог может принять решение, кому следует жить, а кому умереть. Последователи христианства полагают, что люди возникли не сами по себе, следовательно, человек не имеет право умирать по своей воле.

В отношении иудаизма можно сказать, что в Израиле в 2005 году был принят закон, который позволяет неизлечимо больному пациенту просить у врачей применить эвтаназию, потому что иудаизм не одобряет искусственное поддержание жизни, врачи не должны вынуждать пациента страдать, удерживая его на этом свете искусственным путем.

Известные российские философы А.А. Гусейнов и Р.Г. Апресян выделяют несколько аргументов, выражающих положительные и отрицательные стороны эвтаназии:

1. «Жизнь есть благо только тогда, когда в целом удовольствия превалируют над страданиями, положительные эмоции – над отрицательными» [5, с. 375].

Данный аргумент представляется весьма весомым в случае, когда у человека отсутствует желание находиться в состоянии

мучений, когда оно удостоверяется его волей. Тем не менее против данного аргумента можно привести пару возражений.

2. «Жизнь можно считать благом до тех пор, пока она имеет человеческую форму, существует в поле культуры, нравственных отношений» [5, с. 376].

3. «Поддержание жизни на стадии умирания, осуществляемое с помощью сложных технологий, обходится слишком дорого» [5, с. 377].

Таким образом, даже аргументы, выступающие за проведение эвтаназии, имеют этические противоречия.

Говоря об аргументах, выступающих против проведения эвтаназии, можно выделить следующие:

1. Существует реальный риск злоупотребления медицинскими работниками и родственниками пациента. Врачи могут ради сохранения репутации прибегать к эвтаназии даже в тех случаях, когда лечение может являться слишком опасным или сложным. Родственники больного могут прибегнуть к недобровольной эвтаназии, когда желают получить его наследство.

2. Второй аргумент связан с отношением церкви к эвтаназии. Она считает, что человеческая жизнь является священной, а любое воздействие на нее извне противоречит воле Бога [5, с. 376].

Официальное разрешение эвтаназии, возможно, поспособствует нечестности и небрежности при оказании медицинской помощи. Всем отлично знакомо, что нередко поддержание жизни больного пациента искусственным путем, возможно, приведет к большим материальным затратам, а также употреблению итак ограниченных государственных средств. Законная допустимость эвтаназии, возможно, перестанет побуждать медицинских работников к соответствующим уходу и лечению.

В последнее время возможности медицины стали более обширны. Если смерть будет восприниматься как «вид» лечения, то медицина потеряет смысл, ведь ее главная задача – борьба за жизнь.

Делая выводы, можно отметить, что вопросы эвтаназии в настоящее время беспокоят законодателей и современное общество многих стран мира, она является предметом жарких дискуссий и исследований специалистов различных областей. Исходя из

этого, моральные аспекты данной проблемы требуют от нас не только высокого уровня развития нравственной культуры общества, ответственности ученых и врачей за разработку препаратов по применению эвтаназии, но и разработки и совершенствования правовой и законодательной базы, изучения социально-экономических условий и аргументов и контраргументов по легализации эвтаназии. Что же касается Кыргызстана, то однозначно можно утверждать, что наше общество не готово к обсуждению данной проблемы не только в силу всех этих перечисленных причин, но и в силу менталитета и опасности, которую несет в себе недостаточная изученность данного явления.

Мы полагаем, что проблема эвтаназии должна изучаться комплексно и целостно в контексте философии, этики, религии, права, биоэтики, медицины, экономики для того, чтобы выработать конкретные рекомендации по ее решению. Именно в этом направлении открываются возможности и перспективы для дальнейшего исследования феномена эвтаназии и связанных с ним философских, этических, социальных, религиозных, правовых, медицинских и экономических аспектов, которые в совокупности должны выявить объективные и субъективные причины возникновения данной проблемы в том или ином обществе, проблемы обеспечения качества и ценности жизни, реализации прав человека, усовершенствование правовой базы, и, соответственно, реформирование и улучшение системы здравоохранения.

Литература

1. Этика: энциклопедический словарь / под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001.
2. Бэкон Ф. Новая Атлантида // Бэкон, Ф. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978.
3. Михайлова, Т. В. Сущность и основные характеристики эвтаназии как социального явления // Известия Томского политехнического университета. 2008. № 6. С. 168–172.
4. Гиппократ. Клятва Гиппократа: Избранные книги / пер. В. Руднева. М.: Сварог, 1994.
5. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Эвтаназия // Этика. М.: Гардарики, 2000.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИМИДЖ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКА

Актуальность проблемы имиджа политического лидера определяется тем, что регулярное проведение выборов в представительные органы власти на всех уровнях, а также выборы высокопоставленных национальных чиновников и руководителей местных администраций являются важной частью любой политической системы в демократической стране. С укреплением и развитием демократических традиций в обществе улучшаются способы воздействия на общественное мнение избирателей. Наиболее актуальным и распространенным таким подходом выступает целенаправленное формирование имиджа политического лидера.

Исследование имиджа политических лидеров относится к одной из центральных тем научных дисциплин, изучающих общественно-политическую жизнь, прежде всего политологии, политической социологии и политической психологии. Это обусловлено объективным спросом на научные знания о государственной политической власти и социальном взаимодействии, а также такой формой персонализации, которой считается политическое лидерство.

Основной задачей данной статьи является анализ определений и особенностей формирования политического имиджа лидера в современной политологии, а также обзор некоторых его структурных элементов и этапов формирования.

Актуальность проблемы формирования имиджа политических лидеров отражается в многочисленных публикациях на данную тему как иностранных исследователей, так и специалистов постсоветского пространства.

К их числу можно отнести работы С. Голдмена, В.Г. Зазыкина, Е.В. Егорова-Гантман, С.М. Невзорова, О.А. Феофанова, А.А. Гостева, А.А. Деркач, А.Ю. Панасюк, Е.В. Селезневой, Н.П. Попова, П.С. Гуревич, И.Г. Дубова, С.Р. Пантелеева, Г.Г. Почепцова и др.

Как самостоятельное понятие «политический имидж» возник в связи с демократизацией политических процессов в мире.

Именно организация демократических выборов и накопившийся в этой сфере опыт способствовали появлению большого количества изданий, посвященных проведению избирательных кампаний [1, с. 84–92].

Необходимо отметить, что в имеющихся публикациях большинство авторов в определении данного понятия делают акцент только на те характеристики, которые описывают эмоционально окрашенный образ объекта. Обратимся к словарю по политологии В.Н. Коновалова, где политический имидж представляется «как образ политического лидера, который складывается в общественном мнении и сознании, оказывая воздействие на авторитет и рейтинг его обладателя. Он может возникать стихийно, без усилий со стороны личности либо при помощи особых средств силами PR-специалистов». Согласно В.Н. Коновалову, «политический имидж может существовать в общественном мнении на трех уровнях: рациональном (при воздействии программы, выступления), эмоциональном (насколько можно влиять на психоэмоциональное состояние общества), чувственном (внешний облик, поведение, манеры)» [2, с. 145].

В Большом толковом словаре русского языка имидж – это «образ, мнение, представление, сложившиеся в обществе о каком-либо человеке, организации, товаре» [3, с. 256].

В словаре иностранных слов имидж – это «определенный образ известной личности или вещи, создаваемый средствами массовой информации, литературы или самим индивидом» [4, с. 357].

Определения в обоих словарях отличаются. Во втором при- мере составитель подчеркивает искусственный характер имиджа.

Термин «имидж» вошел в активный словарь в 1990-е гг., прежде всего он использовался для описания внешних характеристик известных политиков. На данный момент это понятие расширило рамки своего применения. Термин «имидж» используется для оценки одушевленных и неодушевленных субъектов: личностей, компаний и даже целых государств и регионов.

Российский исследователь Н.В. Трошина подчеркивает: «Актуальность темы построения имиджа – в политической жизни. И политические деятели заинтересованы в подогревании интереса избирателей. Кандидаты нанимают политтехнологов для веде-

ния избирательных кампаний. И ключевая роль в кампаниях отводится созданию выигрышного образа политика» [5, с. 87]. Ее коллега А.Ю. Панасюк солидарен со словарем иностранных слов в вопросе возникновения имиджа: «Образ индивида или группы целенаправленно конструируется профессионалами. Они используют рекламные, информационные, психологические технологии для создания нужных реакций, мнений в сознании общества. Заданные ярлыки «отпечатываются» в психике индивидов через восприятие ими характеристик объекта» [6, с. 76].

Известный политолог Е.Б. Шестопал разбирает структуру образа политика: «Авторы чаще всего фокусируются на рациональном уровне восприятия и игнорируют эмоциональную сторону. Когнитивные установки избирателей дают информацию о политических предпочтениях. Однако эти данные поверхностны. Вербализованные составляющие образа делают общую картину плоской. Восприятие индивидов комплексно. Особо ценный пласт информации кроется в иррациональных мотивах населения отдать голос тому или иному кандидату. Исследователь на основе проведенных эмпирических исследований приходит к выводу, что политические предпочтения на рациональном и эмоциональном уровнях могут не совпадать. Граждане выбирают социально одобряемые ответы на вопросы. Истинные симпатии они скрывают» [7, с. 137–151].

Существуют три группы характеристик, которые составляют имидж политического деятеля:

- персональные характеристики, к которым относятся физические и внешние данные, особенности характера, тип личности, стиль руководства и принятия решений и т. д.;
- социальные характеристики, а именно: социальный статус, модели ролевого поведения, связь с различными социальными группами, профессиональный авторитет и т. п.;
- символические характеристики, т. е. приверженность определенной идеологии, биография, мировоззрение, политическая программа и т. д. [8, с. 51–67].

Ф.Н. Ильясов разделяет «имидж на три типа: объективный, субъективный и моделируемый. Объективный имидж – это фак-

тический образ политика в глазах выборщиков. Субъективный имидж – это мнение самого кандидата о производимом впечатлении на население. Создаваемый специалистами имидж для повышения популярности политического лидера является моделируемым» [9, с. 99–106].

Автор книги «Профессия: имиджмейкер» Г.Г. Почепцов особенностью политического имиджа называет «отсутствие прямых контактов избирателя с кандидатом. Электорат вынужден считать посылаемые лидером искусственные знаки и символы...». Автор классифицирует имидж на пять типов: зеркальный, текущий, желаемый, корпоративный и множественный» [10, с. 43].

Моделируемый имидж можно рассматривать с позиции рынка. Цель производителя в рыночной экономике – продать товар или услугу, чтобы получить максимальную прибыль. В политическом маркетинге товаром становится имидж лидера. Деньги преобразуются в голоса электората. На рынке продавец изучает потребительские желания и возможности конкурентов. На политическом поле эксперты анализируют ожидания избирателей о личностных качествах лидера и его поведении. Как отмечал уже упомянутый нами Г.Г. Почепцов, «имидж является отражением требований массового сознания» [10, с. 43].

Производитель четко обозначает свою целевую аудиторию. Погремушки не нужны неженатым мужчинам без детей. Политический лидер также очерчивает свой сегмент выборщиков. Общество негетерогенно. Личность не может нравиться абсолютно всем. Определенные качества лидера и его политические взгляды некоторые группы ценят меньше, чем другие.

Маркетинговый подход раскрывает главные особенности имиджа: символичность, информативность, активность. Например, Жан Бодрийяр рассуждал об обществе массового потребления. «С помощью приобретения вещей индивиды обмениваются знаками. Потребление стало особым языком общения. Имидж также можно разбить на знаки. На невербальном уровне цвет галстука, жесты, мимика, походка – это информация. У посылаемых знаков есть значение. Задача лидера – собрать актуальный для аудитории набор знаков, который сможет задеть эмоции и сознание реципиентов» [11, с. 34].

Наряду с маркетинговым подходом к имиджу существуют и другие: философско-культурологический, психологический, социологический. По мнению Е.Г. Калужной, «имидж – это способ коммуникации в контексте культуры. Субъекты выстраивают свой имидж с ориентацией на культуру. Взятые для имиджа черты связаны с моралью, нравственностью и эстетикой. Категории культуры по своему содержанию изменчивы. Поэтому и имидж динамичен. Он зависит от требований времени и места» [12, с. 45–52].

Другой исследователь И.К. Черемушникова так описывает современную культуру: «Она характеризуется отсутствием единства, плюрализмом моделей и неприязнью к жестким нормам. Копирование элитарных образцов ушло в прошлое. Сейчас каждая социальная группа или класс способна производить свои культурные модели и вкладывать в них различные смыслы. В компьютеризированной среде имидж превращается в одностороннюю коммуникацию. Опосредованное взаимодействие замещает непосредственное. Индивиды оценивают других без личного контакта. Они конструируют свой имидж и посылают его «всем и никому» [13, с. 146–150].

Представители психологических концепций указывают на двусторонненность имиджа, который оказывает влияние и на реципиент, и на носителя. Индивид подстраивает свой образ под социальную группу. В то же время социальная группа не игнорирует отправляемые индивидами знаки. Е.Б. Перелыгина определяет имидж как «символический образ субъекта, создаваемый в процессе субъект-субъектного взаимодействия» [14, с. 120].

Социологи изучают сформировавшиеся в общественном сознании стереотипы и их отражение в имидже индивидов. О.Н. Козлова использует понятие «социальный статус» для определения имиджа. Человек повышает свое положение в стратификационной структуре социума через «самопиар». Представители социологического подхода видят в имидже инструмент идентификации и социального контроля.

Имидж – это многосоставный конструкт. Так, И.Ф. Симонова раскладывает «имидж на четыре группы компонентов: ядро, индивидуально-личностный, социальный и профессиональный комплексы» [15, с. 234].

М.В. Шепель ядром называет «наиболее устойчивые социальные и ценностные установки, природные качества личности. Индивидуально-личностный комплекс объединяет особенности внешности, возраста, пола, темперамента. Социальный капитал человека, его положение в обществе и выполняемые роли, стиль общения образуют социальную группу компонентов. Профессиональный элемент имиджа связан с профессиональной идентичностью и компетентностью индивида» [16, с. 340].

В.Г. Горчакова так описывает уровни имиджа: внутренний и внешний. «Внутренний имидж связан с Я-концепцией личности. Внешний имидж направлен на окружающих». В.Г. Горчакова в отличие от И.Ф. Симоновой структуру имиджа делит на пять компонентов: габитарный, вербальный, средовой, кинетический и овеществленный» [17].

Повышение значимости политического маркетинга отмечает С.Н. Пшизова: «Избиратели уделяют меньше внимания политическим программам партий и лидеров. На первый план выходит репрезентация политических акторов. Политический маркетинг интересуют технологии, с помощью которых внутренний имидж можно использовать для конструирования внешнего» [18, с. 30–40]. Как видно, в литературе существуют различные точки зрения о сущности, характеристиках и структуре имиджа.

К результативной части проведенного анализа имеющихся подходов и точек зрения относительно понимания политического имиджа можно отнести констатацию того факта, что процесс формирования имиджа политического лидера зависит от нескольких условий. Первоначально необходимо определить прототип, который соответствует личности и стилю жизни политика, требованиям общественного сознания. Ключевым фактором для создания определенного образа политика служат его действия. Необходимыми элементами формирования имиджа политического лидера являются также хорошо поставленная, грамотная речь, продуманная жестикуляция, внешний вид и профессионально подобранные аксессуары. Большое значение имеют обаяние и харизма политического лидера.

В связи с тем, что взаимодействия политика и целевых групп общественности, как правило, опосредуются СМИ, благодаря

техническим возможностям современных массмедиа в процессе формирования имиджа появляется возможность избегать трансляции негативных или нежелательных персональных черт и характеристик лидера, поскольку его взаимодействие с целевыми группами или широкой аудиторией происходит посредством СМИ.

Имидж политического лидера включает в себя три важных составляющих – внешнюю, внутреннюю и процессуальную.

Внешняя часть состоит из непосредственно внешности, особенности вербального и невербального общения, стиля в одежде, манеры держаться и говорить и т. п.

Внутренняя составляющая – это профессиональные качества, политические идеи, интеллектуальные способности, образ мыслей, ценности и интересы.

Наконец, процессуальная составляющая подразумевает под собой то, как политик отстаивает и защищает свои политические идеи и установки. Она включает в себя эмоциональную выразительность, скорость реакции и т. д.

В целом, политический деятель должен демонстрировать общественности четкие, ярко выраженные и постоянные черты и качества своей личности и характера. Важно отметить, что весь объем этих черт может усваиваться обществом, как на сознательном, так и на подсознательном уровне.

В современном мире концепция политического имиджа играет важную роль и является неотъемлемой частью политического общения. Формирование позитивного политического имиджа является одной из основных задач служб по связям с общественностью. Как самостоятельное понятие, «политический имидж» связан с демократизацией политических процессов в мире.

Политический имидж – это образ лидера партии, движения, политической организации, целенаправленно моделируемый с учетом общественных настроений для реализации определенных политических целей. Целью политического имиджмейкерства является изучение стереотипов, идеалов общества с тем, чтобы с их помощью как можно лучше «подать» лидера.

Социальные медиа сегодня выступают в качестве одного из ключевых инструментов для формирования политического ими-

джа, который делает реальным постоянный, открытый, двусторонний диалог и взаимодействие с целевыми группами общественности и потенциальными избирателями политических партий и деятелей. В последнее время популярность социальных медиа приобрела глобальный характер и, по имеющимся прогнозам, интерес к ним будет только расти.

В современных условиях успех или неудача того или иного претендента на властную позицию на этом рынке зависит уже не столько от решений узких групп элит путем закрытых процедур, сколько от успеха в конкретной борьбе за голоса избирателей. В этом процессе одной из важнейших предпосылок является привлекательный имидж политических лидеров для избирателей, и его формирование является одним из основных этапов отбора политических лидеров.

Решение проблемы формирования идеального имиджа и его репрезентации в общественном сознании в настоящее время имеет решающее значение в оценке избирателей деятельности государственных чиновников, депутатов и т. д. В зависимости от того, насколько убеждены граждане в том, что происходящее в реальной действительности является наилучшим из возможных сценариев развития событий, во многом зависит судьба высших органов власти. При негативной оценке это может закончиться сменой правящей элиты, что мы не раз наблюдали в Кыргызстане.

В качестве выводов данного исследования можно предложить следующие утверждения:

- Имидж политического актора включает в себя три важных составляющих – внешнюю, внутреннюю и процессуальную.
- На наш взгляд, в качестве теоретического фундамента для определения политического имиджа лучше всего подходят маркетинговый и социологический подходы. Маркетинговый подход раскрывает главные особенности имиджа: символичность, информативность, активность.
- Цель политического лидера – изучить стереотипы, идеалы общества и с их помощью «продать» себя.

Политический имидж – это образ лидера, партии, движения или другой политической организации, целенаправленно модели-

руемый с учетом общественных настроений для реализации политических целей.

Использование эффективных предвыборных технологий, активно формирующих мнение электората, продвигающих определенные интересы властной элиты, становится одним из ключевых условий успеха, как в мировой, так и в отечественной политике.

Обязательным условием успешной предвыборной кампании является «правильно» созданный образ политического лидера, максимально соответствующий ожиданиям электоральной группы, способный завоевать симпатии народа, вызвать на поверхность политических процессов тот архетип, который позволит задать определенный мотив деятельности. Умение посредством массмедиа, социальных сетей, политической рекламы выразить эмоциональное состояние в соответствующем идеализированном (архетипическом) сюжете, который сможет утвердиться в сознании избирателей.

Формирование имиджа предполагает наличие идеи, провозглашаемой лидером, которая становится шифром некоего социального проекта, а сам политик предстает в образе положительного мифического героя. Такого рода пиар-акции задают направление воображения людей и направляют их к поиску мифа, стоящего за имиджем политика. При этом конечный результат считается результатом «собственного видения» масс, а не навязанным внешним миром.

Сфера применения полученных результатов и выводов в широком смысле – деятельность политических организаций, партий в повседневной практике, в узком значении – работа массмедиа, пиар-агентств, связанных с созданием и использованием предвыборных технологий, формирующих мнение масс. В теоретическом плане это область исследования политического имиджа политических партий, движений, их лидеров, которая является одной из центральных тем ряда дисциплин, изучающих социально-политическую жизнь общества. Полученные результаты могут быть использованы также в учебном процессе.

Литература

1. *Шашлов М.Н.* Политический имидж как актуальный предмет исследования // Актуальные проблемы политологии: сборник научных работ студентов и аспирантов Российского университета дружбы народов / отв. ред. д-р филос. наук, проф. В.Д. Зотов. М.: МАКС-Пресс, 2011. С. 84–92.
2. Словарь по политологии / отв. ред. д-р филос. наук, проф. В.Н. Коновалов. М: РГУ, 2010.
3. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998.
4. Большой словарь иностранных слов / под ред. И.С. Пигулевской. М.: Центрполиграф, 2008.
5. *Трошина Н.В.* Фактор имиджа в российском электоральном процессе: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. Саратов, 2001.
6. *Панасюк А.Ю.* Имидж: энциклопедический словарь. М.: Рипол Классик, 2007.
7. *Шестопал Е.Б.* Новые тенденции восприятия власти в России // Полис. Политические исследования. 2005. № 3. С. 137–151.
8. *Баранов Д.Е.* PR: теория и практика: учебное пособие / Д.Е. Баранов, Е.В. Демко, М.А. Лукашенко. 2-е изд., перераб. М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2013.
9. *Ильясов Ф.Н.* Политический маркетинг, или Как «продать» вождя // Полис. Политические исследования. 1997. № 5. С. 99–106.
10. *Почепцов, Г.Г.* Профессия: имиджмейкер. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2001.
11. *Бодрийяр Жан.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция, 2006.
12. *Калюжная Е.Г.* Имидж: предыстория и культурологическое обоснование феномена // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2006. № 47. Вып. 12. С. 45–52.
13. *Черемушников И.К.* Имидж как смысловая реальность культуры // Вестник ВГУ. Сер. 7, Философия. 2011. № 1(13). С. 146–150.

14. *Перелыгина Е.Б.* Психология имиджа: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2002.
15. *Симонова И.Ф.* Педагогика имиджа: монография. СПб.: Ультра Принт, 2012.
16. *Шепель В.М.* Имиджелогия: Секреты личного обаяния. М.: Народное образование, 1993.
17. *Горчакова В.Г.* Прикладная имиджелогия: учебное пособие. М.: Академический проект, 2007.
18. *Пишова С.И.* Демократия и политический рынок в сравнительной перспективе // Полис. Политические исследования. 2000. № 2. С. 30–40.

Н.С. Эшимбекова

ЭВОЛЮЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ СЕМЕЙНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В рамках данной статьи мы рассмотрим семью на примере дунганской и кыргызской этнических общностей прежде всего как малую социальную группу – целостную систему, которая характеризуется определенными коммуникационными процессами и сложившейся структурой взаимоотношений между членами. При этом мы учитывали, что сами ценностные ориентации любой этнической группы фактически отражают исторический путь, сформировавший мировоззрение этноса, и выступают в своей репрезентации наравне с такими категориями, как мораль, воспитание, социализация, право, которые представлены в абсолютно любой современной этнической группе, но их сочетание неравномерно, что и определяет уникальный облик этноса и обуславливает специфику этнокультурных условий формирования типов семейного поведения.

Обычаи и обряды у дунган и кыргызов, которые лежат в основе типологии поведения в семье, представляют собой богатый и сложный по своему содержанию этнокультурный комплекс.

В нем переплелись обычаи и обряды, возникшие в различные исторические эпохи, на разных уровнях социально-экономического и культурного развития. Идеологическое освещение обычаев и обрядов имело синкретический характер, в них наряду с исламскими традициями можно обнаружить целый пласт доисламских верований, культов и обычаев. Ощутимый отпечаток оставили на характере и функционировании обычаев родоплеменные и патриархальные отношения. Все обычаи и обряды можно условно классифицировать следующим образом: обычаи и обряды, связанные с жизненным циклом человека, со сватовством, с помолвкой, со свадьбой, с похоронно-поминальным циклом, календарем, кочевкой, материальными объектами культуры и др.

У дунган и у кыргызов в дооктябрьский период существовали две формы семьи – патриархальная (большая) и индивидуальная (малая). Патриархальная семья состояла из представителей нескольких поколений. Такие семьи по-дунгански назывались даця – большая семья, а у кыргызов – чоң үй-бүлө.

Несколько больших семей объединяются у дунган в фон (клан). У дунган в фоны часто попадают семьи и из другого клана, но они обязаны подчиняться правилам и порядкам клана, в который вошли. При каждом фоне имеются свои религиозные школы, аксакалы (старшие), муллы, молитвенный дом и даже газуй – судьи для решения как внутрисемейных, так и мирских дел. К примеру, в начале XX в. почти во всех дунганских поселениях и городских слободах имелись большие семьи. Например, в селе Сохулу Александровской волости одну большую семью называли по числу душ «Люши сан Манлязы» (манля-зы – шестьдесят три), т. е. семья, объединяющая 63 человека. В нее входили несколько супружеских пар с детьми. Большими были семьи С. Лелезы, С. Жуми, Ло Есе – до 40 человек каждая. Дунганский языковед Ю. Я. Яншансин писал, что их семья в селе Ирдык состояла из нескольких супружеских пар с детьми и называлась «Ян даця» – «большая семья Ян» [1, с. 6]. Касаясь вопроса о большой семье у дунган в конце XIX и начале XX вв., Д. Федоров писал, что дунгане не любят отделять детей и живут большими семьями, а самый старший член семьи является ее главой [2, с. 254].

У кыргызов к одному роду или племени принадлежит группа родственников. Исследования родовых делений кыргызов было сделано Н.А. Аристовым в его труде «Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и каракиргызов» [3]. Н.А. Аристов среди главнейших кыргызских групп по округам и волостям Кыргызстана в правом и левом крыле родового деления кыргызов на 1926 г. выделил 35 отделений (например, Сару, Богорстон, Саяк, Монолдор, Могол, Джору, Басыз, Баргы, Найман, Канды и т.д.) и 376 подразделений [3, с. 16–30].

Родственная связь для кыргызов – важный компонент в их семейной жизни. Мы все кому-то являемся «тууган», т.е. родственниками. Кыргызы в обязательном порядке поддерживают отношения со всеми родственниками. «Үй-бүлө» – семья – для кыргыза понятие, представляющее особую ценность. Особые взаимоотношения внутри членов семьи были выработаны вековыми традициями кыргызской этнической группы.

Одним из принципов взаимоотношений внутри кыргызской семьи является принцип «улуу-кичүү», или «старший – младший». В семье старший имеет особый статус и наделен особой ответственностью, суть которого заключается в том, чтобы быть примером во всем для младшего. Поэтому старшие дети в семье пытаются быть образцовым примером для подражания. Принцип «улуу-кичүү» универсален. Кыргызы сформировали систему коллективной взаимной ответственности родственников за потомство во имя будущего семьи и рода в целом [4, с. 43–44].

По традиции братья после женитьбы должны были жить рядом. Поэтому возникали родственные отношения между снохами. По отношению к друг другу они назывались «авсын» (жены братьев). Женщинам, ставшим родственницами, необходимо было формировать доброжелательные отношения, так как совместное ведение большого хозяйства требовало взаимопонимания и уважения [5, с. 89].

Сваты – породнившиеся семьи. «Кууда» (сват) и «куудалар» (сваты) обмениваются между собою подарками начиная со дня сватовства, а после – постоянно. Сваты обязательно приглашают друг друга в гости по всем значимым для семьи событиям. Сваты

на таких мероприятиях знакомятся с другими сватями, и круг родственников расширяется [5, с. 95].

В начале XX в. у дунган и кыргызов отделение сыновей стало более частым явлением. Если же женатых и многодетных сыновей было несколько, то старший из них отделялся со своими детьми. Дочери с замужеством переходили в семью мужа [5, с. 96]. Этот процесс наиболее быстро шел в городе, где гораздо интенсивнее развивались товарно-денежные отношения, и менее ярко проявлялся в местах, где дольше сохранялись феодальные отношения.

Разложение патриархальной семьи у дунган и кыргызов обуславливалось рядом причин и прежде всего наделением их земель. В результате многие большие семьи сознательно отделяли даже неженатых сыновей в малую семью с целью получить для клана дунган или рода кыргызов больше земельных участков. Однако главной причиной разложения патриархальной семьи у дунган и кыргызов явилось развитие земледелия и торговли. Именно этот процесс отразился на дальнейшем развитии патриархальной семьи у дунганской и кыргызской этногрупп Кыргызстана [6, с. 112].

Малые семьи чаще встречались у несостоятельных горожан и сельских бедняков, так как у этой категории дунганского и кыргызского населения семейные патриархальные устои были менее прочны. Малые отдельные семьи у дунган и кыргызов также создавались и в результате межэтнических браков. Брак с представителями местных национальностей диктовался в основном тем обстоятельством, что у дунганских и кыргызских бедняков не хватало средств, чтобы оплатить большие расходы, связанные с традиционными брачными обрядами [7, с. 33].

Мужчина в дунганской и кыргызской семьях являлся господином. Главой семьи и ее полновластным хозяином был отец. Все члены семьи были обязаны беспрекословно ему повиноваться, особенно строго это соблюдалось в богатых и состоятельных семьях. По своему выбору отец женил сыновей, выдавал замуж дочерей; мать и другие родственники имели право лишь высказать свое мнение. Иногда у дунган формально главой семьи считалась мать, но фактическим хозяином являлся старший из сыновей или

наиболее авторитетный среди мужчин член семьи. В Александровне в большой семье дунганина С. Лелезы действовал и такой порядок: главой семьи поочередно были женатые братья, каждый из них возглавлял семью в течение года [8, с. 140].

Взаимоотношения всех членов дунганской семьи дацязы и данцер основывались на неограниченной власти отца, полном подчинении младших старшим. В дунганском языке еще сохранилось слово «ли», обозначающее и поныне подчиненность отцу. Например, о человеке, который не соблюдает ли, дунгане говорят: «мэю лидоди жын» (человек, не подчиняющийся морали), а о тех, кто соблюдает ли, говорят так: «ю лидоди жын» (человек, подчиняющийся морали) [1, с. 99].

Для кыргызов самые близкие и родные люди – это «ата-апа» (родители). Отец всегда пользовался непререкаемым авторитетом. Его супруга во всех случаях обсуждала все проблемы и советовалась с мужем или оставляла вопрос для его решения [9, с. 21].

И у дунганской, и кыргызской этногрупп символ родового очага достается обычно самому достойному из братьев. Старшему или младшему, конкретных правил здесь нет. Он доставался тому из них, кто с ранних лет проявит себя основательным, степенным и добропорядочным членом семьи. Владеть отцовским родовым очагом – высокая честь. Это означало, что данный дом самый главный среди домов семей этого рода. Это накладывало особую ответственность на хозяина дома – владельца – и на его жену – хозяйку дома [9, с. 23].

Экономической основой большой семьи были общая собственность на землю, хозяйственный инвентарь и скот, которые находились в руках главы семьи. Он же распоряжался и доходами семьи от земледелия, промысла и продажи скота и овощей с приусадебных участков, однако и эта сумма денег строго контролировалась главой семьи, особенно старшей женщиной в большой семье.

Совместное владение хозяйством, а у кыргызов еще и стадом овец и коров, объединяло под одной крышей родителей, взрослых детей и внуков независимо от их желания. Каким бы тираническим ни был характер старика-отца или свекра, его терпели, так как от старших к младшим должно было перейти право соб-

ственности на хозяйство, определяющее их благосостояние и престиж в деревне, да и вести единоличное хозяйство легче было большой семьей. При одинаково низком уровне образования представителей разных поколений значительную роль играл жизненный опыт старшего поколения, укреплявший основанную на имущественных отношениях власть родителей.

Особо следует сказать о правах женщины. Дунганка и кыргызка неукоснительно должны были повиноваться мужу, его родителям и родственникам, быть послушными, беспрекословно выполнять всю домашнюю работу. По традиции щифур (невестка) попадала в полное подчинение свекрови и обязана была безропотно работать на всю семью. Чем богаче и обеспеченнее была семья, тем более бесправное и приниженное положение занимала жена, особенно если она была из бедных. Невестки из богатой семьи пользовались некоторыми привилегиями, выражавшимися главным образом в более вежливом обращении с ними [1, с. 13]. В одном из архивных документов имеется следующая запись: «Муж имеет неограниченную власть над женой. Жена в случае дурного обращения с ней мужа не имеет права уходить от мужа без его на то разрешения и безропотно должна подчиняться такой доле» [1, с. 15].

Результаты нашего анкетирования свидетельствуют о том, что наиболее предпочтительной ролью женщины в семье 50 % молодежи дунганской этногруппы от 18–20 лет считает, что женщина должна делать карьеру, а 70 % респондентов от 21–30 лет считают, что женщина должна быть хранительницей семейного очага. Респонденты от 31 до 50 лет больше склоняются к тому, что женщина должна совмещать и то, и другое. 80 % респондентов кыргызской этнической группы от 41–50 лет считают, что женщина должна сидеть дома, занимаясь семейными делами и воспитанием детей, и лишь 20 % убеждены, что женщина должна заниматься карьерой. Молодое поколение (60 %) больше склоняется к тому, что женщина должна сделать сначала карьеру, а только потом думать о рождении детей [10].

Сегодня мы можем говорить о крепнущей у дунганской и кыргызской этногрупп родственной связи по материнской и отцовской линиям. Ни одно семейное событие – рождение ре-

бенка, выдача замуж взрослых дочерей, женитьба сына и др. – не обходится без моральной и материальной поддержки родственников. Данная связь унаследована от большой семейной общины, но в настоящее время она получила новое содержание.

Известно, что урбанизация обуславливает серьезные изменения в семейных отношениях. Коренная ломка структуры традиционной семьи у дунган и кыргызов связана с теми большими изменениями, которые происходят в социуме. Повышение уровня культуры и образования создало прочную базу для утверждения новых отношений между членами современной дунганской и кыргызской семей. В настоящее время во многих семьях дунган и кыргызов муж и жена имеют равные права (но все же необходимо отметить, что данный факт зависит от воспитания, характера и набожности людей), все взрослые члены семьи связаны чувством уважения, оказывают друг другу взаимную материальную и моральную поддержку.

К примеру, результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что 90 % респондентов дунган и кыргызов идентифицируют себя прежде всего с семьей. А вот семью дунгане, чем моложе, тем больше, ассоциируют с «любовью», помимо этого, молодые люди от 18 до 30 лет выделили также такие категории, как «взаимопонимание», «взаимовыручка», «совокупность близких родственников», «самое главное в жизни», «поддержка», «взаимопомощь», «все самое родное». Для возрастной категории от 31 года до 50 лет семья – это «самое главное в жизни», также в порядке важности были названы следующие ассоциации: «смысл в жизни», «дети», «родные», «мир», «покой» и «счастье». Для кыргызов – вне зависимости от возраста – одним из главных принципов семьи является «продолжение рода» и «родственники». Семья у кыргызов также ассоциируется с «богатством», а богатство – с детьми. «Любовь» в семье кыргыза имеет место, но имеет большую ценность в более молодом возрасте (от 18-20 лет) [10].

Существенные изменения произошли в количественном составе современных дунганских и кыргызских семей. Многодетные матери пользуются у дунган и кыргызов почетом и уважением. Традиция многодетности сохранилась в этих семьях, но наблюдается процесс сокращения количества детей в них. Сред-

няя численность дунганской и кыргызской семьи – 7-8 человек (отец, мать и 5-6 детей) [9, с. 103]. В настоящее время наблюдается тенденция сокращения числа членов семьи и прежде всего у представителей городской интеллигенции.

При рассмотрении взаимоотношений членов семьи коротко остановимся на отношениях с детьми. Дети всегда занимали исключительное место в дунганской и кыргызской семьях, в них видят смысл семейной жизни. Но надо также указать на одну глобальную проблему для кыргызов. В последнее время из-за нестабильной социально-политической и экономической ситуации в стране, высокого уровня трудовой миграции появилось много беспризорных детей кыргызской национальности. Появление незаконнорожденного ребенка всегда было позорным клеймом для всего рода, но тем не менее ближайшие бездетные или малолетние родственники усыновляли ребенка. Сейчас по ряду причин все чаще и чаще отказываются от детей. Отрадно, что среди дунганской этногруппы такого явления не наблюдается.

Наблюдается еще одно изменение традиционных семейных отношений, заключающееся в появившихся широких возможностях в личностной и профессиональной реализации женщин в современном кыргызстанском обществе. В частности, постепенно разрушается веками складывавшееся разделение труда. В семьях, где заработок жены составляет весомую часть семейного бюджета, мужа принимают активное участие в ведении домашнего хозяйства.

Резюмируя выше обозначенное, надо отметить, что активизация этнокультурного развития способствовала росту этнического самосознания дунган и кыргызов, возросло их стремление, с одной стороны, к сохранению своей этничности, а с другой – к передаче своей культуры подрастающему поколению. Таким образом, существующие семьи, помимо общих характеристик, определяющих развитие и функционирование любой семейной системы, имеют свои специфические особенности. На особенности и развитие семьи, особенности этнических типов семейного поведения оказывают влияние этнокультурные условия. Национальная принадлежность человека определяет модель поведения как в обществе, так и в семье [11, с. 139].

Таким образом, отметим, что для Кыргызстана в процессе исторического развития отношения семьи и общества, семьи и личности этнические типы семейного поведения постоянно трансформировались под влиянием приоритетного в конкретном социуме способа производства, образа жизни, социальных коммуникаций, политической системы и идеологии государства.

Литература

1. Сушанло М. Семья семейный быт дунган. Фрунзе, 1979.
2. Федоров Д. Опыт военно-статистического описания Илийского края. Ташкент, 1903.
3. Сыдыков А.С. Родовое деление киргиз. Ташкент, 1927.
4. Джумагулов А. Семья и брак у киргизов Чуйской долины. Фрунзе, 1960.
5. Каракеева С.И. Опыт изучения культурно-бытовых аспектов образа жизни киргизской городской семьи: Программа, методика и первые итоги исследования. Фрунзе, 1976.
6. Эшимбекова Н.С. Исторические особенности эволюции духовной культуры кыргызов. Бишкек, 2007.
7. Русские путешественники и исследователи о киргизах / под ред. Б.В. Лунина. Фрунзе, 1973.
8. Кыргызы и Кыргызстан: опыт нового исторического осмысления. Бишкек, 1994.
9. Немых А., Филиппова А., Летучих А. Проблемы этнического мира и современность. Бишкек, 2003.
10. Эшимбекова Н.С. Материалы полевых исследований. Чуйская область. Бишкек, 2018.
11. Лукьященко И.Е. Понятие «стереотип». Некоторые подходы и проблемы // Вестник КРСУ. 2018. Т. 18. № 1.

РАЗДЕЛ 2

Э. Б. Болотканова

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Одной из центральных проблем развития гражданского общества в Кыргызстане, как отмечалось нами ранее, является его устойчивое взаимодействие с государством, партнерство в различных сферах общественной жизни. Причем если западноевропейская модель предусматривает сокращение функций государства и расширение функций гражданского общества, то евразийская модель ориентирует на одновременное усиление роли государства и общества, поскольку и первое, и второе – это коллективные инструменты реализации как публичных, так и частных интересов граждан.

«Государство, игнорирующее частные интересы, не может рассматриваться как социальное, а гражданское общество, отстраняющееся от непосредственного участия в реализации публичных интересов, обречено на вырождение и распад, – справедливо утверждает У.К. Чиналиев. – Естественно, что способы и формы воздействия на граждан у государственных структур и институтов гражданского общества различны. Государство в большей степени использует властные, принудительные средства, а общество на первый план выдвигает меры морального и духовно-идеологического плана» [1]. Соединение этих способов должно происходить на основе конструктивного диалога между государственными и общественными структурами.

В период существования Советского Союза результаты подобного диалога зависели от позиции КПСС, которая была одновременно руководителем государства и политическим авангардом общества. В плюралистическом обществе только народ вправе определять аутентичность того или иного решения (действия) государственных и общественных структур. Правда, и здесь необходима формально-юридическая институционализация взаимоотношений между гражданским обществом и государством.

По мнению ряда исследователей, в Кыргызстане такого рода формализация еще не осуществлена. «Сотрудничество государства с неправительственными организациями в стране, – как отмечает У.К. Чиналиев, – носит характер все еще неустойчивого равновесия между гражданским обществом и государством...» [1, с. 81]. По сути, такой же позиции придерживается А. Чолпонкулова, по мнению которой сотрудничество государства с неправительственными организациями «носит нерегулярный, спорадический характер и может рассматриваться только как поиск эффективных форм взаимодействия, но еще не система» [2, с. 92].

Одной из первых попыток придания такому сотрудничеству планомерного, устойчивого характера стало создание в 2000 году центра «Инициатива» при Ассоциации независимых ученых – юристов Кыргызстана, который разработал альтернативные законопроекты о регулировании лоббистской деятельности и народной инициативе в КР. Цель данных документов – предоставить правовые возможности участия общественности в принятии решений органов власти, в том числе законодательных, ограничить давление на властные структуры со стороны влиятельных финансово-промышленных групп, добивающихся реализации своих интересов с помощью средств, противоречащих не только нормам общественной морали, но и закону.

Важной в этом плане является институционализация диалога государственных структур с политическими партиями, в первую очередь с теми, которые пользуются влиянием в представительных органах власти. Процесс формирования и развития политических партий в республике носит интенсивный характер, и он продолжается до сих пор. В настоящее время реальной общественной силой обладают не более пяти – шести партий, способных стать ядром устойчивой партийной системы в стране. Как известно, в 2010 году по результатам выборов в Жогорку Кенеш прошли представители пяти партий – «СДПК», «Ата-Журт», «Республика», «Ата-Мекен» и «Ар-Намыс». В 2015 году политическая конфигурация немного изменилась и количество партий, представленных в парламенте страны, увеличилось до шести – «СДПК», «Республика – Ата-Журт», «Кыргызстан», «Онугуу-Прогресс», «Бир Бол», «Ата-Мекен». В перспективе количество парламентских партий может

уменьшиться до трех – четырех. Пока же такое распределение депутатских мандатов отражает реальное соотношение политических сил общества и требует учета в государственной деятельности их гражданских, а не идеологических, популистских или, что еще хуже, узко-клановых интересов.

В дальнейшем в Кыргызстане политический плюрализм, гарантируемый Конституцией, не исключает возможности объединения всех политических партий и движений, их диалог с правовым демократическим государством, действующим в интересах народа. Ведь одна из задач гражданского общества – быть связующим звеном между таким государством и гражданами, которые не всегда могут напрямую воздействовать на органы, формирующие государственную политику и обеспечивающие ее реализацию [3, с. 132–150].

Парламентские и президентские выборы, многопартийная система – все это может показаться достаточным основанием для того, чтобы предположить, что политические отношения в Кыргызстане будут напоминать подобные отношения в западноевропейском демократическом обществе. Но здесь не все так однозначно. Политические партии в Кыргызстане есть, но партийного разнообразия в точном смысле этого слова еще нет. Еще встречаются проявления имитации демократических институтов и подмены понятий «парламентаризм», «электорат», «гражданское общество». «Здесь, как в театре, декорации создают лишь иллюзию реальности, и вся эта игра в «многопартийность» представляет интерес только для местных кланов, стремящихся заполнить вакуум власти».

В настоящее время на сайте Министерства юстиции КР упоминается 203 зарегистрированные в Кыргызстане политические партии. Реально их, конечно, меньше. Так, перед выборами в Жогорку Кенеш 4 октября 2015 в ЦИК страны было подано 34 заявки, а зарегистрировано и допущено к выборам – всего 14 политических партий. Но даже при таком количестве претендентов на политический олимп общество просто не в состоянии придумать столько принципиально не сходных моделей политического устройства и средств достижения социальных благ. Поэтому, «забалтывая» электорат многочисленными «программами»

и обещаниями, которые беззастенчиво дублируют друг друга, почти все партии перечисляют пакет социальных реформ, выставляя их как первостепенные и главные.

Несмотря на изобилие партий, политическая палитра в Кыргызстане довольно проста. Не случайно многие политологи, анализируя политическую систему Кыргызстана, увлекаются ее описанием, которое часто приобретает статистический характер. Указываются зарегистрированные Министерством юстиции партии, их лидеры, программные документы и т. д. Дать качественный анализ их содержания весьма трудно, поскольку найти какие-то существенные различия между многочисленными политическими партиями в Кыргызстане и их программными документами довольно сложно, если возможно. «Партии нужно следовать идеологической ориентации, но именно этого, – свидетельствует Э. Ногойбаева, – сейчас в Кыргызстане и нет» [4].

В перспективе это может мешать созданию консолидированной демократии, в которой так заинтересовано гражданское общество. Особенно тревожат разобщенность, неясность программных установок, а в ряде случаев и непредсказуемость действий таких политических партий. Чтобы быть реальной силой в гражданском обществе, фактором его политической и идеологической социализации, партии в своих программных документах должны ориентироваться на все социальные слои, учитывать интересы и агрегировать общественное мнение не только своих ближайших сторонников, но и всего населения.

Система народного представительства в парламенте и других высших и региональных органах власти является важным звеном, соединяющим гражданское общество с государством. Альтернативные выборы позволяют усилить воздействие электората на их состав и работу. Институты прямой и представительной демократии активизируют гражданскую жизнь общества, позволяют каждому кыргызстанцу чувствовать свою ответственность за настоящее и будущее страны. К сожалению, еще недостаточна активность граждан в осуществлении своего права участвовать в управлении государственными и общественными делами. Многие люди не верят, что их голос будет услышан и позволит что-либо решить.

Сегодня сложно сказать, что в современном кыргызском обществе сложилось четкое представление о дальнейшей перспективе своего развития, как дальше будут складываться взаимоотношения между институтами гражданского общества и государства. Кыргызстан всё еще стоит перед выбором ориентиров своего дальнейшего социально-политического и экономического развития.

В Кыргызстане трудно найти политика, который бы не пытался дать свой рецепт успешного и эффективного развития страны. Суждения по данному вопросу высказываются самые разные. Сугубо «практические», как скажем, мнение З. Осорова, который предлагает дистанцироваться от своих «назойливых соседей, не имеющих ни денег, ни идей, ни желания строить демократию». Вследствие чего, по мнению автора, можно «выверить для себя наиболее выгодный курс и стратегию, которые позволили бы нам не только поднять свое производство, туризм, энергетику, но и сделать это наилучшим и наиболе́йшим образом. Так, как это удалось Южной Корее, Тайваню, Сингапуру, послевоенной Западной Германии» [5].

Другой автор, К. Байбосунов, напротив, не видит будущего Кыргызстана без его интеграции в единый рынок с соседями. При таком «правильном выборе ориентиров развития, – считает автор, – к середине века Кыргызстан может стать среднеразвитым государством с довольно сильными позициями на центрально-азиатском пространстве» [6].

Встречаются и философские предположения о движущих силах кыргызского общества: «я убежден, – пишет, например, Т. Сариев, – что есть одна сила, и если она присутствует, тогда можно предполагать перемены, которые неизбежны и должны привести к выходу из тупика и кризиса. Это политическая воля... народа или... просвещенного лидера нации, облаченного властью. При проявлении этой воли возможны позитивные сдвиги в общественном сознании и некие коренные изменения, в том числе и построение новой формации без значительных духовных и материальных потерь». У Кыргызстана, считает политик, «есть *ее движущая вера*, которая по определению имеет метафизиче-

ское происхождение и не нуждается в подтверждающих фактах» [7, с. 193].

В нашем понимании в данных рассуждениях вызывает озабоченность даже не «абстрактный» или слабо аргументированный их характер, а то, что такого рода разно направленные точки зрения свидетельствуют не столько о плюрализме мнений, сколько о степени социально-политической дезинтеграции кыргызского общества. Об отсутствии в его сознании созидających, общенациональных ценностей, которые обуславливали бы характер жизнедеятельности людей, их стремление к совместному будущему.

Тем не менее, если попытаться реально посмотреть на вещи, избегая популистских заявлений и политической риторики, можем ли мы сказать, что в Кыргызстане существуют некие общие основания, которые могут способствовать модернизации его экономических и социально-политических отношений? Представляется, что ответ может быть только положительным. Такие основания есть, проблема заключается в том, что многие из них по разным причинам оказались исключены из активной политической жизни общества. Выражаясь современным языком, их необходимо «восстановить», т. е. активизировать применительно к текущей политической ситуации.

Мы надеемся, что конкретные пути совершенствования элементов гражданского общества в Кыргызстане будут определены и в новой формирующейся стратегии развития КР «Таза Коом». В программе, на наш взгляд, должна быть сформулирована стратегия дальнейшего взаимодействия государства с гражданским обществом. Хотя основными задачами гражданского общества по-прежнему является активное и конструктивное социальное партнерство с органами государственной власти, частным сектором и международными организациями.

Непременным условием развития гражданского общества любого типа является наличие в нем системы не зависимых от властных структур СМИ. В евразийском гражданском обществе СМИ – это трибуна общественного мнения, эффективное средство воздействия народных масс на формирование и осуществление политики государства. К сожалению, и в Кыргызстане, и в России многие СМИ чувствуют себя независимыми не только

от административно-государственных структур, но и от самого гражданского общества. Они ориентированы на интересы частного бизнеса, в котором господствуют рыночные отношения. Наиболее заметно эта тенденция проявляется в электронных средствах массовой информации, являющихся основным источником информации для большинства населения страны.

Между тем в современном информационном обществе именно телевидение, а также быстро развивающаяся система Интернета может быть мощным фактором формирования подлинно гражданской политической культуры, без высокого уровня которой немыслимо гражданское общество любого типа. В Кыргызстане, как, впрочем, и в других странах, телевидение воздействует на сознание населения ежедневно. Наиболее влиятельные газеты и журналы в республике выходят не менее двух – трех раз в неделю. Поэтому усиление государственного и общественного влияния на СМИ, особенно электронные, – важная политическая задача, стоящая перед правительственными структурами, региональными властями и гражданскими объединениями.

В заключение можно сказать, что пока в Кыргызстане не преодолено самое сложное препятствие на пути строительства гражданского общества – бедность и нищета населения. Принимаемые меры по ликвидации этой социальной проблемы, обрекающей население на пассивное отношение к гражданским интересам, позволят превратить Кыргызстан в динамично развивающуюся страну с высоким уровнем жизни подавляющего большинства его граждан. Для этого в республике есть предпосылки, в том числе и самая главная из них – готовый к созидательному труду высокообразованный и организованный народ.

Говоря о сценариях возможного развития ситуации в Кыргызстане, можно выделить два пути:

Первый – позитивный: под воздействием рыночных отношений, растущей экономической и социокультурной глобализации в стране постепенно будет происходить ассимиляция патерналистских отношений, трансформация традиционного общества в гражданское.

Второй – пессимистический. Данный сценарий развития событий предполагает сращивание рыночных отношений с патер-

налистскими, усиление традиционалистских взглядов в политико-правовой сфере.

Литература

1. *Чиналиев У.К.* Особенности формирования гражданского общества в Кыргызской Республике. М., 2001.
2. *Чолпонкулова А.* Общественно-государственный диалог в Кыргызстане: поиск эффективных форм взаимодействия [Электронный ресурс]. URL: http://politanaliz.ru/articles_535.html (дата обращения: 18.11.2019)
3. *Бугазов А.Х.* Взаимодействие культур как фактор формирования гражданского общества в Кыргызстане // Социальная память: сущность, место и роль в обществе. Бишкек, 2004.
4. *Ногойбаева Э.* Самый сложный этап политической борьбы предстоит после выборов и формирования правительства [Электронный ресурс]. URL: <http://analitika.akipress.org/news:1041> (дата обращения: 11.10.2010).
5. *Осоров З.* Высокая цена достоинства и свободы // МСН. Моя столица. 2005. 2 августа.
6. *Байбосунов К.* Только после тяжелейших испытаний люди возьмутся за ум // Вечерний Бишкек. 2005. 2 августа.
7. *Сариев Т.* Шах кыргызской демократии. Бишкек, 2008.

В.В. Дмитриева

ВЛИЯНИЕ СМИ И ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ

Молодое поколение всегда оказывает большое влияние на развитие и становление своей страны. Молодежь, как отдельная специфичная социальная группа, как правило, обладает неконсервативным, свободным взглядом на жизнь, является приверженцем всего нового, прогрессивного. Поскольку образ жизни

молодых людей существенно отличается от старшего поколения, молодежь более чувствительна к законам, регулирующим поведение. Однако в силу отсутствия опыта молодое поколение не всегда может адекватно оценивать ситуацию: политическое сознание современной молодежи характеризуется нестабильностью нормативных ценностных ориентаций и установок. Во многом это объясняется таким понятием, как «экстремальность сознания молодежи», под которым понимается проявление максимализма в мыслях и поведении группы и личности. Это значит, что современная молодежь демонстрирует биполярное восприятие политики: на одном фланге находится оппозиционный актив с ярко выраженными гражданскими убеждениями, а на другом – значительная часть молодежи, которая безразлична к происходящему в обществе.

Вместе с тем на сознание молодежи воздействует множество различных факторов: экономические, социальные, политические. Под их влиянием молодые люди осознают свое положение в обществе и консолидацию групповых интересов. К примеру, в Кыргызстане, как и других постсоветских странах, формирование нового общества сопровождается целым рядом политических и экономических факторов неопределенности. Молодежь стремится решать эти проблемы, предлагать альтернативные варианты выхода из кризисного положения. Ее волнуют устройство политической системы и многие другие аспекты жизни государства. Особую роль в проявлении политической активности молодежи играют СМИ и различные интернет-технологии, которые тесно связаны друг с другом. Вместе они оказывают огромное влияние на специфику становления молодого человека как политического субъекта.

Это понятно, поскольку СМИ играют важную роль в демократическом обществе. «Их основная цель – информировать общественность, предоставляя гражданам информацию, необходимую для принятия взвешенных решений о лидерстве и политике. СМИ устанавливают повестку дня для публичного обсуждения проблем и предоставляют форум для политического выражения. Они также способствуют созданию сообщества, помогая молодым людям находить общие причины, выявлять гражданские группы и рабо-

тать над решением социальных проблем» [1, с. 134]. Новые средства массовой информации обеспечивают беспрецедентный доступ молодежи к информации и могут охватывать даже незаинтересованные аудитории через персонализированные одноранговые каналы, такие, как Facebook. Они стремятся напрямую вовлекать в основном молодых людей в политическую деятельность, например, такую, как голосование, контакты с государственными должностными лицами, волонтерство и участие в протестных движениях. Средства массовой информации стали важным фактором контроля над результатами выборов и за тем, как граждане участвуют в политике.

Уже с конца прошлого столетия политтехнологи предложили политическим лидерам новые формы представления себя в СМИ молодежной аудитории, кроме традиционных теледебатов и новостных выпусков. Например, во время президентских выборов США 1992 года кандидат от Демократической партии Билл Клинтон появился в телевизионном ток-шоу Арсенио Холла в темных очках и с саксофоном, что создало теплый личный образ, который задал тон всей его избирательной кампании. Главное – это смогло привлечь молодежную аудиторию на свою сторону.

Команда экс-президента США Барака Обамы произвела целую революцию в избирательной кампании, когда обратилась к известным интернет-ресурсам. Для того чтобы завоевать доверие молодежи, политтехнологи использовали различные социальные сети – Twitter, Facebook, YouTube и другие – для создания доступных и понятных для молодых людей площадок, форумов своих сторонников, где кандидат в президенты мог вербовать своих сторонников [2, с. 48–57].

Сегодня политики, прибегая к СМИ, ставят перед собой несколько основных задач:

1. Выявление приоритетности направления, его привлекательности в глазах зрителя. Если политик желает быть услышанным, то ему важно затрагивать интересы избирателя, в том числе молодых. На первый план выносятся острые проблемы, требующие срочного решения и тем самым демонстрирующие особые способности и достоинства политика, собирающегося взяться за это дело.

2. Необычность фактов, эксклюзивная информация из личной жизни, отличающаяся от повседневности граждан.

3. Новизна информации.

4. Политический успех (освещенность успехов политических деятелей).

5. Высокий статус источника или издания.

На данный момент на таких платформах, как Twitter, Facebook, YouTube, создается все больше политических онлайн-групп, где молодые люди находят единомышленников, свободно обсуждают различные темы, критикуют и хвалят политических деятелей. Посредством блогов, социальных сетей, форумов для комментирования и т. п. они могут передавать значимые сообщения и в случае необходимости принимать непосредственное активное участие в обсуждении вопросов в различных областях жизнедеятельности.

Онлайн-сфера может стимулировать политическое участие своих пользователей. Основная предпосылка этого аргумента заключается в том, что социальные сети могут расширить сферу коммуникации человека, где он может быть подвержен политической информации и социальной мобилизации. Такие действия легко могут способствовать возникновению у молодого человека политических интересов. Стимулировать поиск политической информации или вызвать мотивацию для участия в политических действиях или политических дискуссиях [3].

Социальные сети стали самой влиятельной силой в политике, изменив динамику общения между политическими лидерами, журналистами и общественностью. Они открыли более широкие возможности для мгновенного политического дискурса и дебатов. Достаточно широко все эти возможности использовал в свое время предыдущий президент США Дональд Трамп. В настоящее время интернет-ресурсы активно использует действующий президент Кыргызстана Садыр Жапаров.

Исследования показывают, что доступ людей, прежде всего молодых, к социальным сетям оказывает эффективное воздействие на их стремление участвовать в политической жизни общества. Потому многие исследователи занимаются изучением влия-

ния СМИ, социальных сетей или Интернета в целом на своих молодых пользователей.

Однако средства массовой информации не только участвуют в формировании устойчивых идей, но и обладают способностью влиять на степень и характер их проявления, в том числе в политической деятельности. Внедряя стратегии манипулятивного общения, СМИ способны манипулировать общественным мнением, поведением молодежи, формировать шкалу ложных духовных ценностей, навязывать представления о социально-политических, экономических и культурных процессах, что особенно четко наблюдается во время избирательных кампаний. Так как интернет-пользователи не всегда в состоянии разделить ложь и правду, ложность информации отследить становится все сложнее [3]. Так называемые фейк-ньюс стали глобальной проблемой всех СМИ.

Тем не менее широкое участие молодежи в выборах, других политических кампаниях подтверждает полезность активного использования СМИ, социальных сетей и других интерактивных методов. Однако практика показывает, что в Кыргызстане на национальном уровне молодежь всё еще слабо вовлечена в процесс принятия политических решений. Традиционная форма такого участия – это выборы в парламент и местные представительные органы. Но и выборы привлекают только 53,4 % молодых людей, причем 22,2 % из них уверены, что их голос ничего не решает. Частой причиной аполитичности может быть и ущемление со стороны старшего, консервативного поколения, которое порой может даже нарушать законодательство в целях удержания основного политического влияния в стране. Это наглядно показали октябрьские события 2020 года.

Это значит, что роль СМИ и интернет-ресурсов как основного источника информации, а порой и единственного, чрезвычайно высока. Не случайно все политические силы стремятся установить свой контроль над средствами массовой информации [4].

Если мы хотим лучше понять механизмы и мотивы политической вовлеченности молодежи, нам следует продолжать демографические, социально-психологические и культурологические особенности молодых людей, начиная с подростко-

вого возраста. Мы должны больше обращать внимание на использование в политической деятельности интернет-технологий, находить способы влиять на контент социальных сетей, умение находить общие точки соприкосновения интересов молодежи и старшего поколения в средствах массовой информации.

Литература

1. *Стращенко И.А.* Проблемы и перспективы развития новой медиа-среды в информационной политике государства // Грани науки: теория и практика. Сборник трудов Международной научно-практической конференции / отв. ред. А.В. Авдеев. Ростов н/Д. – Мадрид: Издательство: ООО «СФЕРА», 2019. С. 132–138.

2. *Быков И.А.* Интернет-технологии в избирательной кампании Барака Обамы // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 1 (9). С. 48–57.

3. *Саворская Е.В.* Политические сети в процессах надгосударственного регулирования: европейский и мировой опыт. М.: ИМЭМО РАН, 2018.

4. *Тендит К.Н.* Теория и практика массовой информации: учеб. пособие. Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КНАГТУ», 2013 [Электронный ресурс]. URL:https://knastu.ru/media/files/posobiya_files/_i_praktika_massoy_informatsii_I3Z4mS.pdf (дата обращения: 10.11.2020).

Н.А. Иванов

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ КЫРГЫЗСТАНА

В ряде социологических исследований, проведенных как в Кыргызстане, так и в постсоветском пространстве в период социальной трансформации конца XX – начала XXI века, изменения ценностных ориентаций молодежи трактуются как переход

от традиционных ценностей к постмодерным. Кыргызстан пережил три этапа становления духовных ценностей:

- традиционный (досоветский период, особенностью которого является доминирование архаических ценностей, основанных на традициях и табу, культурного наследия эпоса «Манас», а также добавленных позже традиций ислама);
- социалистический (советский период, которому характерно марксистско-ленинская идеология морали);
- современный (постмодернистский период, представляющий собой разнообразие ценностей, преимущественно ориентированных на Запад).

Однако ценности предшествующих поколений не канули в прошлое, а синтезировались в единую смешанную группу, в которой явно присутствуют противоречия, вызванные столкновением «старых» и «новых» ценностей. Ценностные нормы кыргызского народа длительное время формировались на основе традиций, большая часть которых отражена в цикле эпосов «Манас», «Семетей», «Сейтек». Этические нормы в «Манасе» связываются с четырьмя основными добродетелями: умом, терпением, совестью и порядочностью, воплощенными в четырех образах героев эпоса, – Манаса, Каныкей, старца Бакая и Алмамбета. Им противостоят четыре порока: лень, злоба, алчность и высокомерие, которые отображаются в образах Конурбая, Нескары и Джолоя [1].

Помимо общепринятых ценностей, описанных в эпосе (здоровье, трудолюбие, душевная открытость, гостеприимство, щедрость и т. д.), отмечается значение родового уклада, взгляд на детей, как на продолжателей рода, связь человека с родом и родиной, делающая его неспособным к полнокровной жизни вне рода и родной земли. Родословная выступает в качестве духовной опоры, определяющей самосознание его представителей.

Внедрение ислама в кыргызскую культуру привело к формированию новых ценностей, основанных на предписаниях Корана, в том числе пяти заповедей: исповедание веры (аш-шахад), чтение молитв (ас-саят), соблюдение поста (ас-суам), раздача милостыни (ас-сакят), паломничество к святым местам (аль-хадж) [2, с. 106]. Главными регулирующими факторами в культуре кыр-

гызов стали шариат и адат. Шариат повлиял на формирование целой политической и законодательной сферы кыргызов, в частности, на юридические нормы и наказания. Адат же регламентировал семейный кодекс и хозяйственную жизнь людей [3, с. 3].

В процессе исторического развития в социуме Кыргызстана ислам не вытеснил архаические нормативы жизни людей, что привело к формированию своей самобытной системы ценностей, вобравшей в себя традиции кочевой культуры и мусульманства, что в купе явилось основанием традиционных ценностей в Кыргызстане.

«Традиционными» называются те ценности, которые можно считать устоявшимися в данном обществе в сравнении с текущими изменениями. В свою очередь «концепт «традиционное общество» возник как антитеза понятию индустриального общества эпохи «модернити». В этом случае традиционными нравственными ценностями являются специфические предпочтения аграрной цивилизации, к числу которых относятся патриархальные взаимоотношения между старшими и младшими, мужчинами и женщинами» [4, с. 71]. Такому обществу присущи общечеловеческие ценности, общинный коллективизм, привязанность к общине, роду, чувство обязанности по отношению к своему сообществу.

Переломным периодом для устоявшейся ценностной архитектуры кыргызского народа стал переход к марксистско-ленинской идеологии, привнесший понятия «коллективизм», «труд», «общественная польза», «равенство», «отмена частной собственности», «стремление ко всеобщему идеалу – коммунизму», в котором, помимо всего прочего, человек должен был быть высоко моральным, ибо идеи «от каждого по способностям, каждому по труду» и далее «от каждого по способностям, каждому по потребностям» не осуществимы без личной сознательности, чувства совести и высокой нравственности каждого человека в отдельности. Ценности марксистско-ленинской философии основывались на иерархически выстроенной цепи потребностей: удовлетворение первичных потребностей, которые, «изменяясь под влиянием общественной жизни и культуры, не теряют, однако, своей биологической природы» [5, с. 264], основанные в результате общественной жизни психологические, социально-политические и духовные потребности.

Стремление к удовлетворению первичных потребностей вело за собой появление новых потребностей, что само по себе, по мнению авторов марксистской философии, считалось актом творения истории. Система ценностей в советский период имела несколько делений: ценности жизни и ценности культуры (их содержание и характер отличались как минимум потому, что жизнь дается от природы, а культура создана руками человека), ценности материальные и духовные (по принципу В.И. Ленина – материальные и идеологические).

В противовес этому мораль постмодерна предполагает такие ценности, как: свобода, индивидуализм, профессионализм, автономия личности, рационализм и универсализм. Если учесть то, насколько они приняли устойчивый характер на Западе, можно считать, что постмодернистские ценности по-своему становятся традиционными.

Эпоха глобализации, в которой мы живем, дала появление понятия «глобальная цивилизация», вместе с которой возникли глобальные нравственные проблемы, с одной стороны, и значимость различных локальностей – с другой. В связи с этим одной из главных функций постмодернистской морали является обеспечение толерантного сосуществования различных культур в едином мире.

Сочетание в нравственности современного общества Кыргызстана ценностей всех трех периодов обусловлено социальными изменениями, происшедшими за последние двадцать лет. При отказе от марксистско-ленинской идеологии возникли неопределенность и растерянность, при которых представлялось сложным составить приемлемую для всей страны единую ценностную систему, которую бы приняло общество единогласно. Как пишет об этом феномене А.Н. Данилов: «В переходный период происходит нарушение и разрушение прежде господствовавшей единой системы ценностей, т. е. распад на множество культурно-ценностных установок и плюрализация ценностных систем в духовной сфере общества» [6, с. 202–203].

В равной степени в обществе проявлялись тенденции наследия патриархальных традиций, советской морали и стремления к «новому», вызванному политикой открытости и глобализации.

Возникла необходимость стабилизировать общество на патриотических и нравственных основах, вбирающих в себя всего понемногу в связи с отсутствием им достойной замены. Особую роль в этом сыграло возрождение религии как одного из факторов, регулирующих нравственный устой общества.

Вопрос трансформации духовных ценностей молодежи Кыргызстана имеет схожие черты со странами постсоветского пространства, но и отличается в корне ввиду уникальности своей истории и культуры. Модели искусственного формирования современной ценностной системы оказываются несостоятельными, поскольку на нынешнем этапе этот процесс протекает самостоятельно, хаотично и изменяет свои направления под влиянием внешних факторов, но сохраняет корень своей самоидентичности, вбирающей в себя аспект национального и религиозного фактора. Как пишет Е.Н. Миронова, «опыт показал, что попытки формирования духовных и нравственных чувств на основе общегуманистического подхода и «либеральных» ценностей без учета особенностей национальной и религиозной культуры к успеху не приводят» [7, с. 354].

В этом смысле для Кыргызстана характерны следующие тенденции: вопрос национального выражен также ярко, как и вопрос региональности, рода и т. д., например, разделение на «южных» и «северных», что видно даже в разнице менталитетов представителей обеих сторон. Так, например, социологические исследования показали, что среди прочих на региональном уровне выражены ценности этноцентристского характера, проявляющиеся двояко: с одной стороны, эта тема не поднимается во избежание конфликта, с другой же – высказывания на эту тему довольно агрессивны, и эта двоякость разделения мнений по этническому вопросу в большинстве своем превалирует среди вторых (агрессивных) [8, с. 25–26].

Религиозный вопрос выражен не меньше ввиду усилившейся со времен независимости в большей степени исламизации представителей местного этноса. В меньшей – христианизации населения (преимущественно русскоговорящего) и попытках «возвращения» в некое тенгрианство, чьи претензии на доминирование в стране весьма сомнительны.

По проблеме ценностей среди молодежи Кыргызстана исследования проводились неоднократно. На момент 2019 года выяснилось, что особого разрыва в представлениях о ценностях между старшим и молодым поколением не наблюдается. Так, по вопросам таких ценностей, как безопасность, комфортность, традиции, благожелательность, универсализм и власть, мнения старших и молодых кыргызстанцев совпадают в положительной оценке. Несколько более выражен разрыв по вопросам достижений, самостоятельности, открытости к изменениям и гедонизму (последний в особенности) в пользу молодежи [8, с. 17].

Современный кыргызстанский социум переживает качественные преобразования во всех сферах, когда трансформация ранее господствовавших социальных отношений привела к глубоким переменам в содержании, характере материальной и духовной составляющих жизнедеятельности современной кыргызской молодежи. В этом отношении вопросы развития молодого поколения, его ценностных ориентаций, его образовательного уровня приобретают особую значимость. Их значимость исходит от роли и места молодежи в процессе социального взаимодействия, от ее мотивационных, направляющих, формирующих как личность ориентиров, выраженных в идее, самосознании, нормах поведения. Как социально-культурный регулятор человеческой деятельности, данные ценности помогают различать в системе общественных отношений социальный позитив от асоциального, предопределяя собственно индивидуальное, групповое или массовое поведение. Следовательно, качественный анализ ценностей, преемственности поколений, которыми руководствуется молодежь, является необходимым условием для определения состояния обыденного сознания личности.

Литература

1. Эпос «Манас» как источник изучения духовной культуры кыргызского народа [Электронный ресурс] URL: www.student312.com/ (дата обращения: 25.04.2016).
2. Акмолдоева Ш.Б., Ниязова Ж.Ш. Этикет кыргызов. Бишкек, 2005.
3. Еремеев Д.Е. Ислам: образ жизни и стиль мышления. М., 1990.

4. *Беляева Е.В.* Мораль современной молодежи: от традиционализма к постмодерну // Социология. 2008. № 4. С. 65–71.
5. *Тугаринов В.П.* Теория ценностей в марксизме // Тугаринов В.П. Избранные философские труды. Л., 1988.
6. *Данилов А.Н.* Молодежь кризисных лет: Иллюзии и новые надежды. Минск, 1999.
7. *Миронова Е.Н.* Становление духовности молодежи как фактор современной социальной политики // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 3 (46).
8. Молодежь Кыргызстана: ценностные ориентации, социальные настроения и конфликтное поведение. Отчет о результатах исследования. Бишкек, 2014.

А.И.-М. Курбанов

ВЛИЯНИЕ МУЗЫКИ НА ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В XXI ВЕКЕ

Музыка воодушевляет весь мир,
снабжает душу крыльями,
способствует полету воображения...
Ее можно назвать воплощением всего
прекрасного и всего возвышенного.

Платон.

Музыка, как и все виды искусств, сильно развилась со времени своего появления. Даже в античное время люди уже уделяли немалое внимание музыке. Например, Пифагор и его ученики занимались математикой под музыку, заметив, что она благотворно влияет на интеллект. Так же он был абсолютно уверен, что «земная» музыка является проявлением Космической Гармонии Сфер и по этой причине звучание возвышенной «человеческой» музыки способно создавать такой же гармонический порядок во внутреннем мире человека, какой «мировая музыка»

(*musica mundana*) создает в Космосе. Аристотель считал, что с помощью музыки можно определенным образом влиять на формирование личности человека. Великий врачеватель древности Авиценна называл мелодию «нелекарственным» способом лечения наряду с диетой, запахами и смехом.

«Музыка воспитывала, помогала и облегчала жизнь грекам во многих житейских ситуациях, приободряла на состязаниях, услаждала их душу на отдыхе и в пиршествах с друзьями» [1]. В своем трактате «Политика» Аристотель констатирует: «Важнейшими предметами обучения являются для греков грамматика (чтение и письмо), гимнастика, музыка и иногда рисование...» [2]. Наши потомки «поместили музыку в число общеобразовательных предметов потому, что сама природа стремится доставить нам возможность не только правильно направлять свою деятельность, но и прекрасно пользоваться нашим досугом» [1].

Что уж говорить о золотом времени развития классической музыки в XVII-XVIII веках во времена Моцарта, Бетховена и других. Но, к сожалению, мало кто мог позволить себе послушать классическую музыку, не говоря уже о покупке хорошего инструмента в виде скрипки или пианино. А для многих музыкантов это перестало быть искусством и видом самовыражения, а стало исключительно работой. А. Шопенгауэр отмечает: «мы обнаруживаем, что одно прекрасное искусство осталось вне нашего рассмотрения и должно было остаться вне его, так как в систематической связи нашего изложения для него не оказалось подходящего места: это – музыка. Она стоит особняком в ряду других искусств. Мы не познаем в ней воспроизведения, повторения какой-либо идеи существ мира; и все-таки она – такое великое и бесконечно прекрасное искусство, оказывает такое могучее воздействие на душу человека, так полно и глубоко им понимается как всеобщий язык, своей ясностью превосходящий даже язык созерцаемого мира...» [3, с. 364]. И даже тот факт, что у людей не было материальной возможности, а до Интернета плееров и всех изысков XXI века им еще ждать 2-3 столетия, люди всё равно пытались найти возможность посетить какие-либо концерты, оркестры, оперу.

Начиная с XIX века наука накопила немало жизненно важных сведений о воздействии музыки на человека, полученных в результате экспериментальных исследований. Научно доказано, что музыка может укреплять иммунную систему, приводить к снижению заболеваемости и улучшать обмен веществ.

Особенно интенсивно изучается влияние музыки в последние десятилетия. Эксперименты ведутся в нескольких направлениях, таких, как:

- влияние отдельных музыкальных инструментов на живые организмы;
- влияние музыки великих гениев человечества, индивидуальное воздействие отдельных произведений композиторов;
- воздействие на организм человека народной музыки.

В XX – XXI веках музыка, как и все другие виды искусств, сильно меняется, так как на это были действительно веские причины. Скажем честно, XX век в истории современного человечества – черное пятно из-за двух мировых войн, изменения всей геополитической карты мира, создания страшного оружия массового поражения. Если судить о музыкальных предпочтениях начала XX века, мы уже не услышим музыку, созданную на основе собственных переживаний или своего рода «письмах», как, например, *Fur Elise*, написанная Людвигом ван Бетховеном, или произведений с максимальной степенью изобразительности, как во «Временах года» Антонио Вивальди. Мы скорее услышим марш, обеспечивающий синхронное движение большого числа людей, который отличается четким и низменным темпом и ритмом. Он характеризует себя по звучанию как сильный, мужественный, активный, внушающий бодрость воинам и боевой дух. Но где война, там и смерть, поэтому параллельно с маршами, активно развиваются разнообразные похоронные и траурные песни, так как они олицетворяют всю печаль, депрессию, тоску об утрате близкого тебе человека.

К середине XX века, после окончания Второй мировой, ситуация сильно меняется. Люди сильно устали от войны и массовой депрессии, которые окутывали их долгие годы. Также страх от скорого начала третьей мировой войны, но уже с ядерным ору-

жием из-за Карибского кризиса, начала холодной войны. Люди начинают писать музыку «мира», которой хотят сказать, «что мы все одинаковы». Появляются такие жанры, как рок-н-ролл, поп, джаз. Поэтому общий мотив данного времени был о мире, равенстве всех людей. Например, очень популярная группа The Beatles пела о мире и гармонии всех людей, что все мы живем на одной планете, и, как говорил Джордж Харрисон, соло-гитарист группы The Beatles: «Мир – это именинный пирог. Возьми кусок, но не жадничай». Такие группы, как The Beatles, Nirvana, Queen, Twisted sister, давали глоток свободы не только людям Запада, но и за «железным занавесом», люди слушали музыку, воспрянув духом. «Было чувство, что всю предыдущую жизнь я носил в ушах вату, а тут ее вдруг вынули. Я просто физически ощущал, как что-то внутри меня ворочается, движется, меняется необратимо. Битлы слушались с утра до вечера. Утром, перед школой, потом сразу после и вплоть до отбоя. Иногда измученные битлами родители выгоняли меня на балкон вместе с магнитофоном, и тогда я делал звук на полную, чтобы все вокруг тоже слушали битлов», – говорил Андрей Макаревич, известный советский и российский певец и музыкальный деятель [4, с. 36].

После открытия «железного занавеса» к началу XXI века музыкальный мир активно развивается и уже не столь сильно цензурируется, как это было раньше. Люди уже могут спокойно самовыражаться при помощи музыки. Она становится доступна всем, каждый слой населения мог послушать музыку. Проводятся тысячи концертов – от небольших «гаражных» концертов каких-нибудь кавер-групп, где люди могут наслаждаться их талантом, а также найти приятного собеседника, до концертов известных групп, которые собирали у себя гигантские стадионы людей, где можно прочувствовать незабываемое ощущение нахождения в этой огромной толпе. Появляется куча электронной музыки, где поют уже не люди, а сгенерированные голоса, я говорю о таком феномене, как «вокалоиды».

И, конечно же, мы сейчас живем в продвинутом мире, где наука чаще доминирует над всем остальным, и нам стало интересно узнать, а как музыка влияет на нашу психологию и идентичность, в частности. Музыка существует в нашей жизни как средство самопознания и самовыражения.

Она, пожалуй, как никакое другое искусство может влиять на настроение, создавать его. «Все музыкальные произведения можно условно разделить на активизирующие и расслабляющие, успокаивающие» [5]. Есть даже музыка «для ума» – примером могут являться различные додекафонии. Вообще восприятие музыки тесно связано с умственными процессами, т. е. требует внимания, наблюдательности, сообразительности. Она, воспринимаемая слуховым рецептором, воздействует на общее состояние всего организма, вызывает реакции, связанные с изменением кровообращения, дыхания.

Наверное, каждый замечал, что музыка помогает справляться с трудными жизненными ситуациями. Кроме того, она способна создать и поддержать нужное настроение, помогает расслабиться (неудивительно, что после работы некоторые люди первым делом, переступая порог собственного дома, включают любимые композиции), а может, наоборот, зарядить энергией.

«По утрам лучше слушать бодрую и ритмичную музыку, так как это помогает проснуться и зарядиться энергией на весь день. Также веселая и энергичная музыка, влияя на психику человека, заменяет грусть на радость, а печаль – на оптимизм и жизнелюбие.

Спокойная и плавная музыка поможет расслабиться и успокоиться, отвлечься от повседневных забот, уменьшить количество мыслей в голове и сосредоточиться на саморегуляции. Медленная и релаксирующая музыка влияет на человека как снотворное» [6, с. 181–183].

Сила музыки заключается в том, что она влияет на психоэмоциональное состояние человека. Музыка способна положительно воздействовать и сделать человека счастливее за счет гармонизации его состояния. В противном случае влияние музыки на человека может оказаться негативным.

Также на психоэмоциональное состояние, а также общее воздействие на человека может влиять жанр музыки. Например, всестороннее влияние на человека оказывает классическая музыка. Часто ученые приписывают классическим произведениям просто чудодейственный эффект. Больше всего разговоров ведется вокруг творений таких признанных гениев, как Вивальди, Моцарт, Бетховен, Чайковский, Шуберт, Григ и Шуман.

«В отличие от классической музыки медики не рекомендуют долго слушать группы, играющие в стиле рэп, хард-рок и хеви-метал. Об этом говорят исследования, проведенные недавно мельбурнскими учеными. Хард-рок часто является причиной неосознанной агрессии, рэп также пробуждает отрицательные эмоции, а хеви-метал и вовсе может стать причиной психических расстройств» [6, с. 181–183].

Что касается других жанров – блюза, джаза и регги, – они могут вывести вас из депрессивного состояния; музыка в стиле поп кому-то может поднять настроение, а кому-то испортить; мышечное и нервное напряжение снимет мелодичный рок, а тяжелый рок, наоборот, введет в ступор. Но следует заметить, что не стоит исключать индивидуальные предпочтения в музыкальных жанрах.

Музыка может помогать адаптироваться в социуме, она как клей для социума, можно в качестве примера привести песни, которые поют рабы за работой, а также хоровые солдатские песни и песни матросов. Похоже, что музыка действительно сплачивает людей, делает их ближе друг другу.

Музыка, по-видимому, заложена в самой основе наших отношений с миром, и есть глубокий смысл в том, чтобы, перебирая наши сердечные струны, она помогала нам устанавливать эмоциональный контакт с другими людьми и вообще со всем сущим.

«Каждая культура может надстраивать этот рудиментарный инстинкт по-своему, создавая собственный лексикон музыкальных аккордов и мотивов, которые станут ассоциироваться с определенными чувствами и эмоциями. Каковы бы ни были генезис и исконное назначение музыки, современные люди уже не могут не связывать ее с важными событиями собственной жизни» [7, с. 64].

Нынешнее наше существование на Земле – от зачатия, вынашивания, рождения до похорон, со всем, что может случиться в промежутке, – сопровождается определенным музыкальным рядом. И неудивительно поэтому, что звуки любимых мелодий способны напоить нас пьянящим коктейлем из эмоций и воспоминаний.

Литература

1. Вебсайт: Музыкант/группа. Турчинский В. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/522335144836802/posts/847899752280338/> (дата обращения: 14.05.2020).
2. *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983.
3. *Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление. Т. I, кн3: О мире как представлении // Шопенгауэр А. О четверояком корне... М., 1993. С. 364–375.
4. *Макаревич А.В.* Все еще сам овца. М.: Litres, 2021.
5. *Строгова Н.В.* Влияние музыки на психоэмоциональное состояние человека [Электронный ресурс]. URL: <https://urok.1sept.ru/articles/516025> (дата обращения: 19.07.2020).
6. *Богатырева Ж.В., Шутилова М.Ф.* Влияние музыки на человека // Современные наукоемкие технологии. 2013. № 7–2. С. 181–183;
7. *Бурляева Е.Н., Толмачева Н.В.* Почему музыка так сильно влияет на наши эмоции? // Перспективы развития научных исследований. Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции [Электронный ресурс]. Нефтекамск: Научно-издательский центр «Мир науки», 2020. С. 63–66. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43996279_35829903.pdf (дата обращения: 15.09.2020).

Э. Мусаева

СОВРЕМЕННЫЕ КЫРГЫЗСТАНСКИЕ СЕМЬИ: ТРАДИЦИИ И ПРОБЛЕМА НАСИЛИЯ

В международном сообществе ежегодно, в ноябре, отмечается Международный день борьбы за ликвидацию насилия в отношении женщин и девочек. Генассамблея ООН узаконила и сделала общемировым День против насилия более двадцати лет назад. Однако насилие по-прежнему остается одним из самых распро-

страненных нарушений прав человека и представляет угрозу для миллионов девочек и женщин. Оно не имеет географических, социальных, экономических или религиозных границ. В этом отношении Кыргызстан не является исключением. По данным экспертов ООН, каждая четвертая женщина в стране вместе с детьми подвергается семейному насилию, включающему в себя все остальные виды насилия.

Казалось бы, насилие – проблема больше региональная, в силу меньших возможностей для женщин и девочек защитить себя и свои права на физическую, психическую и половую неприкосновенность. Однако и в Бишкеке, где расположены многие кризисные центры и правозащитные организации, дающие возможность получить психологическую помощь, консультацию, кров на время, ситуация тоже весьма напряженная. Общество мало информировано о том, как не попадать в рискованные ситуации и избегать возможного насилия, что делать, если акт психологического или физического насилия все же состоялся. Жертвы, подвергающиеся насилию, и их окружение не знают, как вести себя в этой ситуации. Многие из них опасаются обращаться за помощью в медучреждения и кризисные центры, к специалистам – психологам, которые могли бы помочь пережить происшедшее насилие. Далеко не каждая пострадавшая решится обратиться с заявлением об избиении или изнасиловании в милицию, чтобы еще раз пережить случившееся и представить его на обсуждение обществу.

Насилие в отношении женщин является «проявлением исторически сложившегося неравного соотношения сил между мужчинами и женщинами, которое привело к доминированию над женщинами и дискриминации в отношении женщин со стороны мужчин».

В программных документах ООН говорится: «Насилие в отношении женщин понимается как нарушение прав человека и форма дискриминации и означает все акты насилия по гендерному признаку, которые приводят или могут привести к физическому, сексуальному, психологическому или экономическому ущербу или страданиям в отношении женщин, включая угрозы таких актов, принуждение или произвольное лишение свободы,

независимо от того, происходит ли это в публичной или частной жизни» [4].

Основные формы насилия в отношении женщин подразумевают следующие виды:

Физическое насилие – физическая сила, приводящая к телесным повреждениям, боли или травмам. Тяжесть травмы варьируется от минимального повреждения тканей, перелома костей до тяжелых увечий и смерти.

К физическому насилию относятся:

- шлепки, толкание, отталкивание, удары кулаком, избиение, царапины, удушение, укусы, хватание, тряска, плевки, ожоги, выкручивание части тела, насильственное принуждение к употреблению какого-либо вещества;
- ограничение свободы женщины с целью помешать ей обратиться за медицинской или другой помощью;
- использование бытовых предметов, чтобы нанести удар или колющие раны женщине, использование оружия (ножи, огнестрельное оружие) [1].

Психологическое насилие – действие или ряд действий, напрямую нарушающих психологическую неприкосновенность женщины.

К формам психологического насилия относятся:

- угрозы насилия и причинения вреда женщине или близкому ей человеку на словах или посредством действий (например, преследование или демонстрация оружия);
- домогательства и преследования на рабочем месте;
- изоляция и ограничение общения (например, запретить женщину дома, заставить ее уйти с работы или запретить женщине обращаться к врачу);
- использование детей интимным партнером, насилие с целью контролировать женщину или причинить ей вред (например, нападение на ребенка; принуждение детей к тому, чтобы они смотрели, как нападают на их мать; угрозы забрать детей или похищение ребенка). Эти действия представляют собой одновременно насилие над детьми и над женщинами [1].

Экономическое насилие применяется с целью запрета или контроля доступа женщины к ресурсам, в том числе времени, деньгам, транспорту, пище или одежде.

К экономическому насилию относятся:

- запрет на работу для женщины;
- исключение женщины из процесса принятия решений в семье;
- удержание денег или финансовой информации;
- отказ оплачивать счета или содержать женщину или детей;
- разрушение совместно нажитого имущества.

Сексуальное насилие – любой сексуальный акт, попытка его совершения, нежелательные сексуальные комментарии или приставания, или действия, направленные на торговлю людьми, или иным образом обращенные против сексуальности человека, совершаемые любым человеком, независимо от его взаимоотношений с жертвой, в любом месте, включая дом и работу.

К формам сексуального насилия относятся:

- изнасилование, другие формы сексуальных преступлений;
- сексуальные приставания или сексуальное запугивание (в том числе требование секса взамен на продвижение по службе или по карьерной лестнице или для получения более высоких отметок или оценок);
- торговля людьми в целях сексуальной эксплуатации;
- принуждение к порнографии;
- принудительные беременность, стерилизация, аборты;
- принуждение к браку, ранние браки;
- калечащие операции на женских половых органах;
- проверка девственности;
- инцест [2].

Анализ статистических данных по территории Кыргызской Республики показывает, что около 80 процентов обратившихся в 2018 году по фактам семейного насилия – женщины. В 2018 году в кризисные центры и другие специализированные учреждения, оказывающие социально-психологическую помощь населению по случаям семейного насилия, обратились 8 730 человек, большинство из которых (78 %) женщины (таблица 1).

Таблица 1 – Число обратившихся в кризисные центры, суды аксакалов и другие специализированные учреждения по полу в 2018 году

Число обратившихся			Из них по проблемам семейного (домашнего) насилия		
всего	мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины
16 757	5 964	10 793	8 730	1 942	6 788
В том числе обратившихся в суды аксакалов					
7 171	4 261	2 910	1 599	660	939
Кризисные центры (ассоциации)					
8 417	871	7 546	5 972	452	5 520
Благотворительные общественные фонды					
1 164	829	335	1 155	827	328

По данным МВД Кыргызской Республики, за пятилетний период отмечался ежегодный рост числа выданных временных охранных ордеров по фактам семейного насилия. Наиболее заметный рост (в 2 раза) отмечался в 2016 году, когда выдача охранных ордеров была включена в критерии оценки работы органов внутренних дел.

Число выданных ордеров в 2014 году составило 2 619 человек, а в 2015 году – 3 201, далее: в 2016 году – 7 005, в 2017 году – 7 323, в 2018 году это число составило 7 178 человек. В 2018-м по сравнению с 2014 годом число возбужденных и направленных в суды для рассмотрения уголовных дел по фактам семейного насилия возросло в 1,5 раза – в основном за счет увеличения числа случаев причинения легкого и менее тяжкого вреда здоровью [3].

Из таблицы 2 видно, как количество зарегистрированных лиц, совершивших семейное насилие за три года, распределяется по регионам страны.

Таблица 2. – Число зарегистрированных лиц, совершивших семейное насилие за период с 2015 по 2017 г.

Число зарегистрированных лиц, совершивших семейное насилие (с выдачей временного охранного ордера) по полу и территории (человек)									
Регион	2015			2016			2017		
	оба пола	женщины	мужчины	оба пола	женщины	мужчины	оба пола	женщины	мужчины
Кыргызская Республика	3 201	105	3 096	7 005	140	6 865	7 323	284	7 039
Баткенская область	57	1	56	325	12	313	358	25	333
Джалал-Абадская область	455	12	443	1 229	-	1 229	1 132	34	1 098
Иссык-Кульская область	306	-	306	546	5	541	868	8	860
Нарынская область	212	-	212	287	6	281	369	17	352
Ошская область	564	26	538	646	53	593	657	70	587
Таласская область	161	2	159	206	2	204	271	10	261
Чуйская область	518	30	488	1 658	45	1 613	1 794	60	1 734
г. Бишкек	757	2	755	1 830	5	1 825	1 489	13	1 476
г. Токмок	171	32	139	278	12	266	385	47	338

Если посмотреть на таблицу 2, можно сразу увидеть, что в период с 2015 по 2017 г. 96 % лиц, совершивших насилие в семье, составляют мужчины, и только 4 % – женщины. Несложно сделать вывод – мужчины чаще проявляют насилие в семье [3].

Анализируя данную проблему, следует обратить внимание на особенности влияния этнических традиций на девушек и женщин Кыргызстана. Помимо иных видов насилия, юная девушка может стать объектом традиции «кыз ала качуу» – «схватить девушку

и убежать», или попросту кражи невесты. В республике есть статья УК КР, согласно которой похищение женщины для вступления в брак вопреки ее воле чревато лишением свободы на срок от пяти до семи лет. Однако это никого не останавливает, и тенденция лишь набирает обороты. Так, в 2013 году, по данным Министерства социального развития КР, 60 % браков в моноэтнических населенных районах были совершены благодаря похищению.

По данным международного исследования общественной безопасности, в Кыргызстане в 2015 году с целью замужества была похищена каждая шестая кыргызстанка. К слову, нередко «ала качуу» становится поводом не только для формально единичного, но и для группового изнасилования [5]. Однако лишь менее 20 % украденных девушек решили обратиться в милицию за помощью. Причин несколько: «позор» для семьи девушки; боязнь общественного мнения, «раз украли – значит, живи и терпи», «испорченная, разведенная девушка никому не нужна»; небезосновательные опасения преследования со стороны мужа и его родственников. Такие браки обычно не имеют официальной регистрации и заключаются только в форме мусульманского обряда нике, а потому такая «жена» не имеет никаких прав: она может быть изнасилована, избита, лишена своих детей, ее могут выгнать из дома без вещей и денег. Бывают, к сожалению, случаи убийства мужем или его родственниками.

По данным национального исследования «Гендер в восприятии общества», проведенного в 2016 году, почти каждый десятый участник опроса (11 % женщин и 12 % мужчин) сообщил о том, что в их сообществах за последние пять лет участились случаи ненасильственных похищений невест. Около 4 % опрошенных сообщили об увеличении случаев насильственных похищений женщин для вступления в брак. При этом жители городов отметили почти вдвое увеличившуюся частоту насильственных похищений женщин, чем жители сельской местности, что говорит о распространении этого негативного явления в городской среде.

Несмотря на растущее число жертв семейного и сексуального насилия, государственные институты ведут себя пассивно и ситуация кардинально не меняется. Хотя определенные усилия все же

прилагаются. Например, в 2016 году были приняты поправки в УК страны, влекущие за собой усиление уголовной ответственности за совершение преступлений против жизни, здоровья и неприкосновенности несовершеннолетних до 14 лет со стороны родителей, законных опекунов или лиц, их заменяющих. В 2017 году парламент внес изменения в УК и УПК КР, согласно которым любые сексуальные действия по отношению к несовершеннолетним расцениваются как изнасилование. Кроме того, ужесточается наказание за половые отношения с лицами, не достигшими 16-летнего возраста. Есть достижение в виде того, что теперь для возбуждения уголовного дела о насилии над несовершеннолетними не требуется заявления их родителей или родственников.

На защиту женщин направлены принятые в 2017 году законы «Об охране и защите от семейного насилия» и «О внесении изменений в некоторые законодательные акты по вопросам охраны и защиты от семейного насилия». Они определяют правовые основы предупреждения и пресечения семейного насилия, обеспечения социально-правовой охраны и защиты лиц, пострадавших от семейного насилия. Так же в документах предусмотрены определения таких ключевых понятий, как «безопасное место», «охранный ордер», «психологическое насилие», «семейное насилие», «физическое насилие», «экономическое насилие» и так далее [6].

Пострадавшие от семейного насилия и его форм имеют право на получение социально-психологической помощи в государственных и муниципальных учреждениях, а также в учреждениях социального обслуживания – бесплатно, но при заключении определенного договора. За это время они могут трудоустроиться, пройти переподготовку или обучиться новой профессии и начать социальную реабилитацию. Так же пострадавшие от семейного и других видов насилия могут обратиться в консультативно-профилактические (кризисные) центры, где им может быть оказана социально-психологическая, правовая, медицинская помощь и даже предоставлено убежище.

Мы провели социологическое исследование, в котором приняли участие 20 замужних женщин от 18 до 50 лет, с высшим об-

разованием, живущие на территории Кыргызстана. На вопрос: «Есть ли у вас прямые обязанности (которые выполняете только вы) в семье?» – 95 % опрошенных женщин ответили, что есть обязанности по дому, которые выполняют только они, 5 % – не имеют таких обязанностей. На вопрос: «Что бы женщины хотели сделать в жизни?» – большее число респондентов ответили, что они хотят реализоваться в обществе как профессионалы – 80 %, быть домохозяйкой хотят лишь 10 %, остальные 10 % опрошенных женщин успешно реализуют себя в двух сферах. На вопрос: «Было ли насилие по отношению к Вам со стороны членов семьи и какое?» – мы выявили, что 55 % респондентов сталкивались с насилием по отношению к себе: 50 % женщин испытали на себе морально-психологическое насилие, 3 % – физическое и 2 % – экономическое. Остальные 45 % не сталкивались с насилием со стороны членов семьи [3].

Отвечая на вопрос: «Со стороны кого из членов семьи было насилие?» – 30 % опрошенных женщин указали, что подвергались морально-психологическому насилию со стороны родителей мужа, из них только одна женщина испытывала морально-психологическое и экономическое насилие от родственников мужа. Четверть респондентов – 25 % – испытывала на себе морально-психологическое насилие, и только одна женщина подвергалась физическому насилию со стороны мужа. Оставшиеся 45 % женщин не испытывали насилие.

Отвечая на вопрос: «Как Вы думаете, существует ли проблема «женского рабства» в Кыргызстане или это традиция?» – больше половины опрошенных (60 %) согласились, что в Кыргызстане действительно существует проблема женского «рабства», 25 % женщин считают, что это традиция кыргызского народа, отрицают существование такой проблемы всего 10 % респондентов, а 5 % затруднились дать точный ответ [3].

В результате исследований были сформулированы рекомендации для женщин, помогающие избежать насилия:

- иметь образование, расширять и развивать свой кругозор;
- не бояться стереотипов и осуждения со стороны местного сообщества;

- быть экономически и психологически независимым человеком;
- не бояться обращаться за помощью в соответствующие организации и учреждения;
- знать свои права и уметь их защищать;

Подытоживая, хотелось бы отметить, что изменения, которые претерпевает жизнь женщины в современном мире, вызвали потребность переосмысления традиционных взглядов на ее природу и предназначение. В наше время многие забывают, что означает слово «женщина». Это, в первую очередь, мама, которая произвела нас на свет, подарила нам жизнь, вырастила и воспитала. Это сестра или бабушка, которые полны забот и тревоги за нас. Жена, которая готова пожертвовать всем во имя семьи, дочь, которая полна любви и доверия к родителям. Есть утверждение, что Августин Блаженный когда-то произнес: «Женщина произошла из ребра мужчины. Не из ноги, чтобы быть униженной. Не из головы, чтобы превосходить. А из бока, чтобы быть бок о бок с ним, чтобы быть равной с ним. Из-под руки, чтобы защищенной. И со стороны сердца, чтобы быть Любимой!». Время лишь подтверждает мудрость и правоту этих слов.

Литература

1. Статья 1 Декларации об искоренении насилия в отношении женщин. Ст.3 Стамбульской конвенции. URL:<https://acckg.org/gendernoe-nasilie-v-otnoshenii-zhenshhin-2> (дата обращения: 28.04.2020).

2. Понятие и формы гендерного насилия в отношении женщин // Ассоциация Кризисных Центров Кыргызстана [Электронный ресурс]. URL: <https://acckg.org/gendernoe-nasilie-v-otnoshenii-zhenshhin-2/> (дата обращения: 28.04.2020).

3. Около 80 процентов обратившихся в 2018 году по фактам семейного насилия – женщины // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stat.kg/ru/news/okolo-80-procentov-obrativshihsiya-v-2018-godu-po-faktam-semejnego-nasiliya-zhenshiny/>. (дата обращения: 28.04.2020).

4. Усиление роли системы здравоохранения в реагировании на гендерное насилие в Восточной Европе и Центральной Азии: сборник материалов [Электронный ресурс]. Стамбул: Сеть WAVE и ЮНФПА, 2014. URL: <https://eeca.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/WAVE-UNFPA-Report-RU.pdf> (дата обращения: 22.11.2020).

5. *Иргебаева А.* «Нет специальной одежды»: Во что были одеты жертвы сексуального насилия? [Электронный ресурс]. URL: <https://kloop.kg/blog/2018/10/06/net-spetsialnoj-odezhdy-vo-chto-byli-odety-zhertvy-seksualnogo-nasiliya> (дата обращения: 22.11.2020).

6. Закон Кыргызской Республики от 27 апреля 2017 года № 63 «Об охране и о защите от семейного насилия» [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111570> (дата обращения: 28.04.2020).

*С.И. Назирова,
И.Е. Лукьященко*

К ВОПРОСУ О СОЦИОЛОГИИ ЭМОЦИЙ

Человек и человечество долгое время пытались изгонять из своей жизни излишнюю эмоциональность, страсти и чувства, а в некоторые периоды просто пели гимн разуму и рассудку, процессу мышления. Однако время расставило все по местам, ибо человек есть не только человек разумный, но и человек, чувствующий, переживающий, любящий, страдающий и мечущийся. Он не столько рационален, сколько иррационален, и примером тому являются агрессивность, дегуманизация, терроризм, войны и революции, геноцид и истерия. Изучением проблемы нашей эмоциональности и даже эмоциональной нестабильности занимается социология эмоций – предмет молодой, но крайне актуальный в наше непростое время.

Как предмет социология эмоций появилась в конце XX века, трудно найти более молодую науку, но ее основы надо искать в учениях и размышлениях гораздо более раннего периода. Еще в XVIII в. А. Смит и А. Фергюсон, рассматривая общество, обратили внимание на предельную окрашенность общественных отношений чувствами и эмоциями, указали на их важную роль в происходящих процессах. У таких мыслителей, как Г. Лебон, Э. Дюркгейм, В. Парето, именно эмоции получают особый статус при анализе происходящих в обществе процессов, а у прагматиста Джемса интеллект вообще бессилён что-либо предпринять, если он не сочетается с волей, интересом и страстностью, разочарованиями и победами. Мы живем в большей мере чувствами, настроением, это происходит ежечасно, а вот прогнозируем с помощью разума, интеллекта. Невозможно говорить и о процессе познания, не учитывая его эмоциональный компонент. Сам процесс постижения объекта и достижения истины окрашен чувствами. Вспомним легендарный восторг Архимеда. Так, читать – сердцем, а не разумом, например, призывал Ф. Ницше, а писать – кровью, но не чернилами [1]. Сам предмет до сих пор вызывает некоторые споры и сомнения, но думаем, что положение вскоре изменится. Социология эмоций перестанет быть некой экзотической периферией науки. Объясняя под новым углом зрения такие важные вещи, как классовое и социальное неравенство, социальные отношения и процессы, гендерные взаимоотношения, национальные проблемы, проблемы молодежи и т. д., она сделает саму науку социологию более богатой. Действительно, наши чувства и эмоции – это мощные механизмы процессов социальной организации или дифференциации общества. Именно они вызывают порой неконтролируемые действия, потрясения, реформы, революции и войны. Чувства и эмоции – это мощные соперники рассудка и разума, особенно если они овладевают массами. «Эмоции – это одна из важнейших социальных сил «микроуровня» социальной структуры, соединяющих все уровни социальной структуры», кроме того, эмоции могут разрушать и видоизменять их [2, с. 276].

Исследователи эмоций, как правило, выделяют некую структуру самого эмоционального процесса. Все начинается с эмоцио-

нального возбуждения, который испытывал, без сомнения, каждый из нас. В организме человека происходят изменения и перестройка – начиная с процессов вегетатики, наших жестов, двигательной активности, речи, включается определенная скорость протекания самих процессов психики, сознания, мышления. И эти изменения не обязательно носят позитивный характер. Понятно, что излишняя суетливость, тремор или сбивчивая речь не являются положительными изменениями в поведении и самоощущении человека. На втором этапе человек включает оценочный компонент и возникают чувства – как положительные, так и отрицательные. Формируется система знаков и значений. И вот здесь наши чувства могут стать либо подконтрольными и адекватными, либо человек теряет над собой контроль и легко попадает под воздействие других, чтобы найти и определить свое место и выстроить свое поведение. Эти три ступени в реальности почти неотделимы друг от друга и выступают как единый и спонтанный процесс.

Говоря об эмоциях, необходимо отметить, что они не могут рождаться на пустом месте и жить сами по себе. Мы задаемся вопросом: «Что послужило причиной нашей эмоциональной реакции или кто ее вызвал?». Более того, этот источник может в данный момент не находиться рядом, а воздействовать на наши чувства как бы издали, например, через ассоциации, запахи, звуки, музыку, память и архетипы. Всегда есть источник, даже если мы пока не отдаем себе в этом отчет. Не может быть неэмоциональных человеческих отношений, мы просто порой пытаемся ограничить или смягчить нашу эмоциональность, не поддаваться власти эмоций, например, злости или гнева. У каждого для этого есть свои методы, например, счет до десяти, определенная манера дыхания, жесты или беседа с самим собой. Любые чувства, даже безразличие, – это наш ответ на внешнее окружение, происходящие события или людей вокруг нас, на конкретного человека, даже если этот человек находится в виртуальной реальности.

Процесс сопереживания не оставляет нас даже в такой реальности, как Интернет. Это новая реальность, которая может проявлять себя в массовом воздействии. Так работают, например, социальные сети, в которых люди проводят большое количество

времени. Совершенно незнакомый человек может являться причиной чувства удовольствия, страха, раздражения или гнева.

Эмоции ведут нас за собой, именно эмоции. Разум же сообщает о нашем участии в событиях мира посредством идей, знаний, гипотез или теорий. Через них мы переходим на новый уровень участия, на более высокую ступень. Говоря о науке и якобы необходимом отсутствии для достижения истины, личной заинтересованности, мы тоже приходим в тупик, ибо нет никакой односторонней объективности. Все мы, люди, в том числе и ученые, живем в обществе, от которого нельзя быть свободным. Научная рациональность, чуждая ценностям и эмоциям, – это некий миф, идеал. Поэтому, как это ни прискорбно, мы чаще всего не способны дать объективную оценку, ибо для этого должны устранить наши чувства и эмоции. Если же мы говорим о процессах, происходящих в обществе, то огромное количество их держится на поддержании определенного спектра эмоций. Может быть наоборот – на их смягчении, нивелировке, глядя, какие цели преследуются манипуляторами. Не разум, а эмоции способствуют незатихающим религиозным конфликтам, порождают массовые психозы, революционную истерию сломать и разрушить все. «Мы наш, мы новый мир построим!». Именно они лежат в основе расовых столкновений. У толпы нет разума, ибо она одолеваема страстями, инстинктами, жадой разрушения, а не созидания.

В работах Г. Лебона и Г. Тарда мы видим прекрасный анализ данного феномена. Он пишет: «Толпы не только легковверны, они безумны. Многие из их свойств общи с душевнобольными в наших лечебницах: преувеличенная гордость, нетерпимость, неумеренность во всем. У них бывают настоящие коллективные галлюцинации» [3, с. 294].

При анализе таких социальных явлений, как шаблоны, стереотипы, предрассудки, манипуляция, делигитимизация, мы также с неизбежностью выйдем на анализ лежащих в их основе эмоций и чувств. Существует точка зрения, что именно господствующие в обществе отношения порождают весь спектр эмоций. В своей книге «Эмоция, социальная теория и социальная структура: макросоциологический подход» австралийский социолог Джек М. Барбалет исходит из того, что простое социологическое

объяснение социальной жизни вне психологической, эмоциональной составляющей, просто не может быть адекватным [4].

Взаимосвязь власти и соответствующего личного статуса в обществе лежит в основе всех наших эмоций, включая личные, которые являются преломлением данной базовой взаимосвязи. Это очень сложная структура, которую трудно распутать и которая, по мнению Барбалета, может быть выражена только в языковой форме. Более того, он говорит, что любые социальные потрясения, такие, как войны, мятежи, революции, в результате имеют не просто политические, а социально психологические последствия.

Это могут быть потерянности, тревога, грусть, радость, отчаяние, страх, чувство удовлетворения или неудовлетворения. Вся эта сфера эмоций в последующем опять обусловит жизнь, поведение и перспективы новых потрясений и перемен. Также любой национальный или расовый антагонизм обязательно проявляется в определенных чувствах: неприязнь, дружба, безразличие, превосходство, а значит, любая эмоция носит межличностный характер, а не просто вызвана нашими биологическими или психологическими качествами.

Эмоции имеют социальную природу, и в силу этого мы можем говорить о социологии эмоций как об отдельной дисциплине. В любом случае, социология эмоций призвана расширить наше понимание общества и отношений в нем, объяснить происходящие изменения и перспективы. Один и тот же политический режим или наличие харизматического лидера будет вызывать абсолютно разную реакцию в разных странах в разные периоды, например, Северная Корея с ее тоталитаризмом сегодня или хваленая западная толерантность. Современный мир характеризуется увеличением числа критических ситуаций самого различного спектра, постоянным наличием «базовой тревоги».

Пандемия, шествующая по всему миру, является одной из самых критических ситуаций нашего времени. Она повлекла за собой небывалый шквал эмоций, которые связаны с ломкой устоявшегося образа жизни, работы, привычек, ценностей, самого понятия «свобода». Люди по-другому должны были взглянуть на сам мир, понятие «счастье», истинные потребности и сферу по-

требления, на саму диалектику жизни и смерти. Кто-то впал в депрессию, а кто-то нашел в себе новые способности и открыл новые перспективы. Не обошла стороной эта ситуация и наше студенчество, которое должно было перестроить свое отношение к учебе, найти новые способы общения и времяпровождения, особенно в период строгого карантина.

Изучая эмоциональные переживания юношей и девушек, исследователи обратили внимание на их различный эмоциональный фон. Некоторые студенты описывали свое состояние как тревожное – с примесью раздражительности, бессилия и злости на всех и вся. Другие же были спокойны и даже беспечны. Но у большинства все же наличествовали такие негативные эмоции, как тревожность и даже страх. Они свойственны критическим ситуациям, которые мы по мере возможностей пытаемся избежать. Поэтому такие крайние проявления могут негативно влиять на психику, отношения с другими людьми, вызывать неврозы, агрессивность, апатию, нежелание учиться. Такая степень тревоги может привести к неадекватности, неверным решениям и выводам, печальным последствиям, вплоть до суицида, что мы, к сожалению, наблюдали.

Интересен и вопрос принятия или непринятия самой ситуации пандемии, ее серьезности, особенно в начальный период. Здесь можно отметить два направления и две точки зрения. Одна часть отрицала саму пандемию или ее последствия, нарушала правила и была настроена антиправительственно, видя во всем мировой заговор. Такая часть не соблюдала даже элементарные правила самоизоляции, конфликтовала и создавала тяжелые психологические ситуации в процессе учебы, работы и дома. Другая часть, более гибкая, приняла новую ситуацию спокойно, соблюдала правила, старалась продолжить учебу, найти новые формы общения, стала более внимательна к родным и друзьям. Но какая бы ориентация ни была, мы видим, что доминантой выступают определенные эмоции и умение управлять ими.

Литература

1. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / пер. Д. Борзаковского. М.: Издание М.В. Ключкина, 1900. Т. 1. (Собрание сочинений).
2. *Turner J., Stets J.* The sociology of emotions. Cambridge: University press, 2005.
3. *Тард Г.* Общественное мнение и толпа. М.: Изд-во типографии А.И. Мамонтова, 1902.
4. *Николаев В.Г. Джек М. Барбалет.* Эмоция, социальная теория и социальная структура. Макросоциологический подход // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2.

А.У. Осоров

МАНИПУЛЯЦИЯ ОБЩЕСТВОМ ЧЕРЕЗ СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ

Человек, как социальное существо, для развития нуждается в обществе. Мы живем в XXI веке, в эпоху информационных технологий, и в наше время большинство людей, чтобы связаться с обществом, использует разные социальные сети. Самые популярные социальные сети – Facebook, Instagram, ВКонтакте, Twitter, Одноклассники – используются большинством населения мира ежедневно.

С одной стороны, социальные сети облегчают жизнь и помогают, предоставляя возможности связаться с людьми из разных точек Земли. Но с другой – социальные сети являются опасным оружием для манипулирования пользователей [1].

Манипуляция – это психологическое воздействие на людей, целью которого является получение личной выгоды и превращение их в свою марионетку. Манипуляция в Интернете началась с изменения алгоритмов выдачи результатов поиска. Людей можно было подтолкнуть к разговорам на определенные темы и менять их мнения с помощью измененных алгоритмов. Например,

при поиске слова «футбол» изменением алгоритмов Интернет может выдать результат «футбол + деньги» и показывать его раньше, чем «футбол + спорт», тем самым предлагая людям определенные темы, а не всеобщую картину.

Манипуляция в социальных сетях работает немного по-другому. На страничке пользователя анализируются все личные данные и его действия: публикации, комментарии, репосты, лайки и т. д. И на основании всех полученных данных система создает внутренний профиль пользователя и определяет, какую именно информацию нужно показывать пользователю.

В рекламах также используются разные психологические воздействия. Особенно в интернет-рекламе. Манипулятивные техники в ней – это:

Воздействие в форме утвердительных высказываний

Рекламщики незаметными фразами пытаются заставить покупателей воспринимать рекламные слоганы как проверенный факт.

Постоянное напоминание

При помощи данной техники манипулирования создатели рекламы пытаются убедить пользователей в том, что рекламируемый товар необходим и можно легко его приобрести, показывая товар постоянно и перепрограммируя мысли человека.

Проблемная ситуация

Реклама делает акцент на некую проблему, которая есть у многих людей, и после этого показывают товар как ее решение.

Употребление ключевых слов

Специалисты, работающие над рекламой, стараются использовать больше тех слов, которые ассоциируются с положительными эмоциями, образами. Например, слова: «сильный», «чистый», «мягкий», «теплый» и т. д. [2].

Алгоритм манипуляций в социальных сетях работает на двух социологических эффектах: «Окно дискурса» («окно Овертона») и «спираль молчания Нозль-Ноймана».

«Окно дискурса» показывает, как с помощью манипуляторских уловок можно кардинально изменить мнение человека и навязать

любую тему, вплоть до аморальной. Такая концепция имеет пять этапов, которые через постепенный переход способствуют изменению представления о явлениях на противоположное [3].

«Спираль молчания Ноэль-Ноймана» – о том, что меньшинство навязывает свое мнение большинству, а большинство думает, что именно они являются меньшинством и помалкивает. Система называется спиралью, потому как со временем постепенно «окно дискурса» расширяется, меньшинство постепенно подавляет большинство, и поэтапно большинство становится меньшинством.

Таким образом, если посмотреть на мир вокруг внимательно, то можно увидеть, что манипуляция везде. А главная проблема в том, что никто и не борется с таким явлением. Люди еще не осознают, что большинство их мыслей являются не результатом осознанного выбора, а это итог внушения каких-либо указаний определенных манипуляторов.

Литература

1. Самарский государственный университет путей сообщения. Социальные сети: польза и вред [Электронный ресурс]. URL: <https://www.samgups.ru/education/studentam/stranichka-psikhologa/sotsialnye-seti-polza-i-vred/> (дата обращения: 12.10.2020).

2. Prstudent.ru. Механизмы психологического воздействия рекламы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prstudent.ru/advertising/mehanizmy-psihologicheskogo-vozddejstviya-reklamy> (дата обращения: 02.04.2021).

3. Информационные войны как борьба геополитических противников, цивилизаций и различных этносов: сборник трудов Всероссийской научной конференции (г. Новосибирск, 26–27 апреля 2018 г.) / под науч. ред. В.Ш. Сабинова; СибГУТИ. Новосибирск: СибГУТИ, 2018.

*А.Т. Рыспаева,
Ф.Д. Хайбулина*

ПРОБЛЕМЫ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

Актуальность рассматриваемого вопроса объясняется интенсификацией процессов интеллектуальной миграции на современном геополитическом пространстве, вследствие чего неизбежно меняется этноконфессиональный состав региона. Перед многими государствами встала задача адаптации мигрантов и их интеграции в общеевропейское пространство.

Концепция мультикультурализма, разработанная учеными мультикультуралистами для эффективного решения проблемы поликультурности в Канаде и других поликультурных странах и имеющая в ряде стран (в Австралии, Новой Зеландии, Канаде) положительный опыт реализации, в качестве главной задачи имеет максимально полноценное включение всех культурных групп в общественную жизнь политически единого общества и государства на условиях равноправия, залог которого – уважение и принятие инокультурности [1].

Основные принципы мультикультурного подхода к решению проблемы поликультурности были выделены на основе теоретического анализа и затем обнаружены в канадском варианте интеграционной политики:

- 1) осознание важности культурной составляющей в социальной и политической жизни личности и общества;
- 2) равное включение представителей всех культурных групп общества в общественную жизнь общества (т. е. обеспечение доступа к участию в определении общего блага);
- 3) необходимость частичной добровольной культурной трансформации (в том числе и идентичностной) ради достижения политического консенсуса по поводу общего блага – мультикультурного компромисса;
- 4) восприятие широкого полиформатного мультикультурного диалога (полилога) как наилучшего способа достичь легитимного мультикультурного компромисса.

Основной целью политики, построенной на таких принципах, является решение проблемы поликультурности посредством обеспечения бесконфликтного существования поликультурного общества в экономически процветающем и политически стабильном либеральном государстве на основе добровольной и полноценной политической интеграции всех культурных групп общества. Без полноценного включения всех культурных групп в общественную жизнь, в процесс определения общего блага, без широкого полиформатного мультикультурного диалога общее благо не будет мультикультурным компромиссом [2].

Это означает, что полноценной интеграции на основе такого блага быть не может, не будет и бесконфликтного существования поликультурного общества. В рассмотренных европейских странах инициативы, прямо или иносказательно именуемые «мультикультурализмом», не имели задачи максимально полноценно включить все культурные группы в процесс определения общего блага и интегрировать общество вокруг этого определенного посредством широкого полиформатного диалога компромиссного блага. В отношении иммигрантских сообществ в этих странах «мультикультурализм» представлял собой разного рода «уступки» им, призванные снизить остроту протеста их представителей против отсутствия у них реальной возможности участвовать в определении общего блага [3].

В Великобритании пропагандировавшее мультикультурализм на словах лейбористское правительство сделало все возможное для того, чтобы широкоформатный мультикультурный диалог по поводу определения общего блага не состоялся. Преследуя собственные политические цели (такие, как сохранение и наращивание электората), находившиеся у власти лейбористы ограничили дискурс мультикультурализма проблемой интеграции иммигрантов, впоследствии практически монополизировав основные каналы взаимодействия с этой наиболее «проблемной» категорией культурных сообществ.

Британские лейбористы рассчитывали таким образом получить как безоговорочную поддержку представителей этих сообществ (как партия, так или иначе принимающая их во внимание), так и настроенного по отношению к иммигрантам негативно

большинства (как партия, способная налаживать контакты с иммигрантскими сообществами, не давая им при этом реального права чувствительно менять жизненные уклады британского общества в целом) [4].

В реальности же вместо эффективного решения проблемы поликультурности, которое мог бы дать последовательный мультикультурный подход, британское общество получило ее фактическое обострение: не доверяя друг другу и не имея эффективных каналов политического взаимодействия с культурным большинством и его государством, там сегодня проживают представители различных иммигрантских сообществ. Британское большинство действительно «живет сегодня под угрозой террористических атак, которые осуществляют ее собственные граждане, не идентифицирующие себя с Великобританией, и в поисках идентичности обращающиеся к экстремизму», как сказал в своей известной речи британский премьер Кэмерон. И причину этого действительно следует искать в той политике, которая препятствовала установлению полиформатного диалога культур в Великобритании, тех ценностей британского общества, к формулированию которых целый ряд культурных сообществ Великобритании не имеет доступа и, значит, не может считать своими. Собственно, с моделью мультикультурализма эта политика не имеет ничего общего (кроме момента осознания британскими властями важности культурной составляющей в социальной и политической жизни общества, что, впрочем, в данном случае не используется на благо).

Германия стала поликультурной словно вопреки желанию федеральных германских властей и коренного населения. Несмотря на то что практически все то время, что гастарбайтеры удовлетворяли потребности германской экономики, германские власти делали все возможное для того, чтобы ограничить их в правах, число их стабильно росло: на родине у большинства из них было меньше возможностей экономически поддерживать свои семьи. Никакой последовательной политики мультикультурализма, сколько-нибудь напоминающей описанный нами эффективный в Канаде мультикультурализм, в Германии никогда не проводилось.

Отдельные меры «в духе» мультикультурного подхода (такие, как прекращение практики обязательной высылки гастарбайтеров

на непродолжительное время с тем, чтобы лишить их возможности претендовать на постоянный вид на жительство, разрешение на воссоединение семей, распространение детских пособий на семьи иммигрантов и т. д.) принимались разрозненно в попытке оставить в экономике уже обученную рабочую силу, сократив тем самым издержки на привлечение и обучение новых гастарбайтеров. При этом нахождение иммигрантов и их семей в стране всегда рассматривалось как временное [5]. Даже если иммигрантские семьи десятилетиями жили и работали на территории Германии, их статус до самого последнего времени не мог измениться. Германия отказывалась считать себя страной, принимающей иммигрантов. Соответственно и программа по их долговременной или постоянной интеграции Германии была не нужна [6].

В результате фактического отсутствия последовательной и взвешенной иммиграционной политики и политики интеграции инокультурных иммигрантов Германия отчасти даже в большей степени, чем Великобритания, столкнулась с тем, что на ее территории параллельно, практически не соприкасаясь культурно, живут несколько сообществ, уровень и образ жизни которых существенно различается. Эти «параллельные сообщества» практически не имеют каналов политического взаимодействия друг с другом и с государством.

В официальной политической риторике современной Франции мультикультурализм появился фактически лишь тогда, когда у французских властей возникла насущная необходимость объяснить, почему молодые потомки иммигрантов, рожденные и выросшие во Франции, имеющие французское гражданство и, соответственно, как предполагает французская традиция, все необходимые им для счастливой жизни права, тем не менее жгут машины в пригородах крупных французских городов. В отказе этих молодых французских граждан разделить республиканские светские идеалы и ценности (наследие французского просвещения, революции и христианской культуры) и в их склонности к радикальным религиозным идеям и созданию этнических мафиозных группировок, как и в двух других рассмотренных странах власти называют виновным мультикультурализм.

Официально мультикультурный подход к интеграции (в виде, близком к описанному нами эффективному мультикультурализму)

не мог иметь во Франции места, так как противоречит французской республиканской традиции, которая предполагает жесткое разделение между общественной сферой и частной. Французская общественная сфера строго нейтральна. Эта обязательная нейтральность не позволяет государству «видеть» культурную, религиозную или этническую принадлежность индивида, так как такая принадлежность – его сугубо личное (т. е. частное) дело [7].

«Мультикультурализм» же, по всей видимости, проявлялся в недостаточной строгости соблюдения этого положения на практике. В частности, государство долгое время «смотрело сквозь пальцы» на более публичное, чем это принято у французов, проявление религиозной принадлежности своих мусульманских граждан. В результате этого молодые выходцы из мусульманских семей, как считается, сформировали некую особую идентичность, которая противопоставляет их французскому обществу и его традициям и создает проблемы для их нормальной интеграции. Стремясь исправить указанный «недочет», сегодня французское государство, как никогда, настроено на то, чтобы видеть только граждан.

Правило, в соответствии с которым в процессе интеграции во Франции участвуют строго две стороны: индивид-иммигрант и государство, не потерпит более никаких исключений. На практике это означает, что никакой значимой политической поддержки национальных или религиозных диаспор, на которую могли бы рассчитывать наиболее уязвимые с социальной точки зрения представители французского общества – иммигранты, в случае нарушения своих прав ждать не придется – механизм такой поддержки не только не предполагается, он фактически оказывается вне закона.

Во Франции, как и в двух других рассмотренных случаях, вместо реальной попытки сделать государство общим через приобщение всех культурных меньшинств к определению общего блага, что позволило бы представителям меньшинств сформировать идентичность полноправных граждан, власти снова пытаются навязать им образ жизни и цели, к участию в определении которых у представителей меньшинств как таковых нет доступа [8].

Итак, во всех трех проанализированных нами западноевропейских странах проблема поликультурности на сегодняшний

день действительно стоит острее, чем до того, как они начали «экспериментировать с мультикультурализмом». И, несмотря на то что, как мы видели, по существу, мультикультурный подход для решения проблемы поликультурности ни в одной из этих стран реализован не был, местное общественное мнение, подогреваемое заявлениями политических лидеров, достаточно прочно ассоциирует провал интеграционной политики (в первую очередь – в отношении иммигрантов) с мультикультурализмом. Объясняемое отчасти недостатком информации, а отчасти – сознательным ее искажением ошибочное восприятие обществами указанных стран мультикультурного подхода как причины масштабного провала интеграции иммигрантских сообществ является на сегодняшний день, пожалуй, наиболее значительным препятствием для возможного применения в будущем мультикультурного подхода для решения проблемы поликультурности в государствах мира.

В этой связи следует отметить, что политика, более всего напоминающая реализацию на практике действительно мультикультурного подхода и по существу, и по формату, и по эффективности, – политика в отношении национальных меньшинств, например, в Великобритании в общественном сознании к мультикультурализму отношения не имеет и не может поэтому служить свидетельством его эффективности на европейской почве [4].

Вторым значительным препятствием для реализации мультикультурного подхода в обозначенных странах является отсутствие у современных властей этих стран политической воли предлагать сегодня своим обществам мультикультурное решение проблемы поликультурности как комплексное, затрагивающее различные культурные группы. Стремясь заработать политические очки и сохранить за собой общественную поддержку в условиях сравнительно неблагоприятной экономической обстановки, политики склонны преувеличивать «неудачи» предыдущих правителей и «неэффективность» их методов, что побуждает их предлагать альтернативное, желательно – противоположное, решение для тех проблем, которые имели место до их прихода к власти. Так, хотя в реальности политические предшественники современных европейских лидеров мультикультурный подход не

применяли, мультикультурная риторика все же иногда звучала в их выступлениях – по крайней мере, до последнего времени мало кто из европейских политиков открыто выступал против принципов мультикультурализма.

Сегодня же критиковать мультикультурализм как устаревший тренд стало модным. Опять же вследствие сравнительно неблагоприятной экономической обстановки проблема поликультурности обостряется и очевидно привлекает общественное внимание, что в демократическом обществе требует обязательной реакции властей. И современные европейские политические деятели реагируют, критикуя провальную стратегию своих предшественников и действующих политических оппонентов. Именно эта неудачная стратегия повинна, по их заверениям, в главных современных проблемах европейцев.

Данный подход позволяет одновременно снизить общественные ожидания на свой счет, обезопасив таким образом собственные не всегда и не во всем безупречные действия от слишком строгих оценок, и ослабить политическую позицию противников, вынужденных объяснять свои неудачи. Мультикультурализм в Европе является своего рода заложником в следующей ситуации: на государственном уровне никто не решается предлагать для решения острой проблемы потенциально эффективные (хотя бы в том смысле, что факты их неэффективного применения не подтверждаются), но на сегодняшний день непопулярные меры, ставшие таковыми в результате политических манипуляций с информацией.

В каждой отдельно взятой стране есть также и свои особые препятствия для применения мультикультурного подхода к решению проблемы поликультурности. Британское общество прочно связывает мультикультурализм с наплывом иммигрантов, являющимся следствием правительственных интриг и обмана общества. Вследствие этих двух моментов британское общество не считает себя обязанным куда бы то ни было «включать» и «допускать» людей, въехавших на его территорию без консультации с ним и могущих желать изменить древние британские порядки.

В Германии отдельные мультикультурные инициативы наталкиваются на длительную традицию *jus sanguinis*, в соответ-

ствии с которой люди, не являющиеся этническими немцами, не могут быть и полноценными гражданами, имеющими кровное право участвовать в определении общего блага.

Во Франции общее благо уже определено и провозглашено политической основой государства. Политическая история Франции, к сожалению для недоминирующих культурных групп, учит коренных французов, что недовольство в отношении этого определения следует воспринимать как недовольство государством, т. е. отсутствие лояльности этому государству или даже угрозу ему. И в обычное время эти особые (страновые) препятствия трудно преодолимы, однако с учетом выше описанных двух общих моментов эти препятствия становятся очень сильными аргументами против мультикультурализма.

Не способствуют росту популярности мультикультурализма и экономическая рецессия в Европе, а также имеющий множественные причины рост антиисламских настроений на Западе. Можно, однако, с уверенностью сказать, что вопреки распространенному мнению «отрицательный опыт» применения в указанных странах мультикультурного подхода для решения проблемы поликультурности препятствием для реализации там мультикультурного подхода в будущем не является. В этих странах мультикультурный подход для решения проблемы поликультурности по существу не применялся.

Литература

1. Вишнякова О.Д. Оценочные характеристики концепта «мультикультурализм» и способы его языковой репрезентации (на материале современной англоязычной политической публицистики) // Научные ведомости. 2013. № 20. С. 93–104.
2. Волкова Т.П. Классические философские концепции мультикультурализма и толерантности // Вестник МГТУ. 2011. № 2. С. 13.
3. Вережагина Е.Л. Политика муниципальных властей Европы в отношении иммигрантов: Участие в проекте организации «Евроситиз» // Актуальные проблемы Европы: сб. науч. тр / Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2005. № 1. С. 206–220.

4. *Кондратьева Т.С.* Великобритания: Дискуссия по проблемам иммиграции // Актуальные проблемы Европы: сб. науч. тр. / Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2005. № 1. С. 88–114.

5. *Погорельская С.В.* Германия и мультикультурализм // Актуальные проблемы Европы сб. науч. тр. / Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2011. № 4. С. 79–117.

6. *Дмитриев А.В.* Миграция: конфликтное измерение. М., 2007. 432 с.

7. *Новоженова И.С.* Французская модель интеграции иммигрантов и мультикультурализм // Актуальные проблемы Европы сб. науч. тр. / Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2011. № 4. С. 79–117.

8. *Кондратьева Т.С.* Великобритания: Провал политики мультикультурализма. // Актуальные проблемы Европы сб. науч. тр. / Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2011. № 4. С. 35–79.

Ю.С. Юдина

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ

Социальная дифференциация современного общества до сих пор является одной из актуальных проблем социально-философской мысли. В современном мире нет еще реальной модели общественного устройства, в которой бы можно было реализовать полное равенство.

Сегодня принято различать экономическую, политическую и профессиональную дифференциации. Наибольшее внимание в литературе уделяется экономическому неравенству, которое выражается в различии доходов, уровня жизни, в существовании богатых, бедных и средних слоев населения. Деление общества

на управляющих и управляемых, лидеров и массу есть проявление политической дифференциации. К профессиональной дифференциации относится выделение в обществе различных групп по роду их деятельности, занятиям. На основании этого исследователи дают определение социальной дифференциации как системы «социального неравенства, состоящей из совокупности взаимосвязанных и иерархически организованных социальных слоев (страт). Это процесс и результат дифференциации общества на различные социальные слои, отличающиеся по своему общественному статусу» [1].

Целый ряд выдающихся мыслителей, начиная с Платона, Аристотеля, далее Ж. Руссо, Ф. Ницше, В. Парето, Н. Бердяев, затрагивал в своих работах вопросы социальной дифференциации. В целом, их представления можно было выразить следующим образом: «люди не равны по своей природе – разделение общества на высших и низших естественно. Именно потому, что люди сильнее, умнее, выносливее, красивее других, они становятся выше последних и в социальном отношении, т. е. богатыми, почитаемыми» [2, с. 352]. Для того чтобы общество функционировало наилучшим образом, двигалось в нужном направлении и избегало потрясений, чтобы оно имело соответствующие законы, у власти должны находиться более мудрые, деятельные граждане, т. е. лучшие, аристократия.

Некоторые современные авторы также видят причины социального неравенства в природных различиях людей по физическим данным, личностным качествам, внутренней энергии, а также по силе мотивации, направленной на удовлетворение наиболее значимых, насущных потребностей. «Люди от рождения не равны по своим способностям – это не их вина или заслуга. Талант, одаренность – в значительной мере не личное, а общественное достояние, но вместе с тем он имеет право на большее материальное вознаграждение» [3, с. 44]. Правда, подобное первоначально возникающее неравенство обычно крайне неустойчиво и не всегда приводит к закреплению социальных статусов людей. Можно быть физически слабым человеком, но являться успешным бизнесменом или руководителем.

Конечно, в истории философии были и противоположные утверждения, например, Т. Мор, Т. Кампанелла, Ж. Мелье описывали социальную дифференциацию как проявление несправедливости: «Люди изначально по природе своей равны, а неравенство есть злоумышленное действие отдельных людей» [4].

Вопрос о социальном равенстве или неравенстве может быть решен только относительно, т. е. в рамках конкретной социальной ситуации, когда имеется в наличии определенная задача и известны те характеристики, которыми должен обладать человек, ее решающий (т. е. релевантные характеристики, или релевантные черты).

При этом следует отметить, что социальный мир делится на различные зоны релевантности и говорить о равенстве или неравенстве можно применительно к однородным объектам, т. е. объектам, относящимся к одной и той же зоне релевантности. Поскольку характеристики человека могут быть значимы в одной зоне и незначимы в других. Возможно, в каждой отдельной зоне релевантности могут быть значимы несколько характеристик, которые обладают различной степенью релевантности.

Таким образом, как утверждают исследователи, по аналогии с «относительно естественным мировоззрением» социальное неравенство можно назвать «относительно естественным состоянием общества». Оно становится «неестественным» т. е. проблематичным, если происходит столкновение различных мировоззрений – представлений об одной и той же ситуации. Именно тогда мы начинаем говорить о дискриминации, несправедливости и т. д. При этом важно понимать, что нет прямой связи между социальным неравенством и дискриминацией или несправедливостью, эта связь всегда опосредована нашими мировоззрениями. Социальное неравенство, устанавливаемое в той или иной ситуации по признаку, нерелевантному данной ситуации, несправедливо.

Наряду с этим необходимо отметить, что одним из возможных путей достижения если не равенства, то хотя бы справедливого неравенства может быть реализация принципа пропорционального заслугам распределения позиций в стратификационной структуре общества.

Возможен также путь, при котором вопрос о равенстве представителей разнородных социальных групп должен быть снят

с повестки обсуждения, и на передний план должен быть выдвинут вопрос о равенстве или неравенстве в каждой конкретной ситуации – в зависимости от степени выраженности релевантных ситуации характеристик каждого конкретного человека. Этот путь также не решает проблему социального неравенства в полной мере, но при этом устраняется одна из базовых основ дискриминации – перенос неравенства из одной зоны релевантности в другие.

В Советском энциклопедическом словаре приводится определение, которое стоит применить в рассмотрении социальной дифференциации, основанной на расчленение социального целого или его части на взаимосвязанные элементы. Прежде всего дифференциация обозначает как процесс расчленения, так и его результаты. Далее необходимо рассмотреть с точки зрения социологии социальную дифференциацию современных обществ. В немарксистской социологии разрабатывались преимущественно формальные аспекты дифференциации.

Теорию «дифференциации» в конце XIX в. выдвинул английский философ Г. Спенсер, который заимствовал этот термин из биологии и провозгласил дифференциацию всеобщим законом эволюции материи – от простого к сложному, проявляющуюся в обществе как разделение труда [5].

Следующим, кто рассматривал социальную дифференциацию общества, был французский социолог Э. Дюркгейм. Он рассматривал ее в результате разделения труда как закон природы и связывал разделение функций в обществе с ростом плотности населения и интенсивности межличностных и межгрупповых контактов [6].

Основоположники марксизма-ленинизма также уделяли немало времени анализу процесса дифференциации в обществе. Прежде всего они связывали его с развитием производительных сил, разделением труда и усложнением общественной структуры. К. Маркс и его последователи основывали социальное неравенство как явление, возникающее в определенных исторических условиях, которые позволяют индивиду иметь некоторый избыточный продукт, осваивать и концентрировать основную его массу в руках немногих лиц. С появлением земледелия и скотоводства общество, ранее бывшее социально однородным, расслаивается на класс бедных и богатых.

Марксизм требует также конкретного изучения процессов дифференциации в обществе в целом возникновения и формирования классов, социальных слоев и групп, выделения отдельных сфер общества (производства, науки и др.), а также дифференциацию внутри классов, общественных сфер. Важнейшей стадией дифференциации стало возникновение государства. Позднее В.И. Ленин подверг критике абстрактную трактовку процесса дифференциации в буржуазной социологии, не учитывающую того главного, что связано с разделением общества на антагонистические классы [7, с. 84].

Такой конкретный анализ показывает, например, что если дифференциация при капитализме связана с ростом социального неравенства, то в условиях социализма происходят движение общества к социальной однородности, преодоление классовых различий.

Большой вклад в изучении данной проблемы внес немецкий философ и социолог М. Вебер, который видел в дифференциации следствие процесса рационализации ценностей, норм и отношений между людьми. М. Вебер, объясняя возникновение социальной дифференциации, писал: «различия в собственности порождают экономические классы, различия, имеющие отношения к власти, порождают политические партии, различия в почестях дают статусные группировки или страты» [8].

Согласно теории стратификации, в современном обществе обычно выделяют три основных класса – высший, средний и низший. При этом распределение населения по этим уровням происходит на основе множественных критериев. Значимость каждого из них определяется господствующими в обществе ценностями и нормами, социальными институтами и идеологическими установками (например, если в современном западном обществе высоко ценится свобода, то соответственно на первом плане будет цениться то, что ее обеспечивает, т. е. материальная независимость, высокий доход и т.д.) [9].

Понятие «стратификация» в данном случае дает возможность измерять характеристики людей, слоев, общностей с целью их сравнения, сопоставления их положения в различных странах и внутри одной страны и определения степени социальных разли-

чий между ними. Можно сказать, что социальная дифференциация современного общества изначально основывается на стратификации, а это определенным образом «ориентированный» состав населения. Социальная стратификация выступает как одна из действующих методик современной социологии, поскольку объясняет социальное расслоение на бедных, зажиточных и богатых.

Реально в современном обществе слоев может быть гораздо больше, чем три, условно определяемых как основные. Каждый из них в свою очередь может расслаиваться на множество подклассов и подгрупп. Показательной в этом отношении является широко известная в социологической науке начиная с 1930-х гг. «модель стратификации американского социолога У. Уорнера» [10, с. 42–57]. В рамках своей теории он выделяет шесть основных страт, или классов, применительно к американскому обществу:

«Первый – это верхний высший класс, т. е. богатые люди со знатным происхождением, крупные политические деятели. Это «аристократы по крови», с особым образом жизни, безупречным вкусом и поведением.

Второй – это нижний высший класс: люди высокого достатка – владельцы крупного капитала (новые богатые), военачальники, профессура, а также выдающиеся спортсмены, кино- или эстрадные звезды, получающие крупные гонорары.

Третий – это верхний средний класс, т. е. высокообразованные люди, занятые научным или престижным трудом: крупные адвокаты, врачи, актеры или телекомментаторы, преподаватели вузов. Их называют «золотыми воротничками».

Четвертый – это нижний средний класс, туда относят так называемые белые воротнички – самая крупная прослойка индустриально-развитого общества: конторские служащие, среднеоплачиваемые профессионалы, менеджеры, преподаватели, учителя среднего уровня и даже высококвалифицированные рабочие.

Пятый – это верхний низший класс, в основном так называемые синие воротнички: средне- и малоквалифицированные рабочие, занятые в массовом производстве, на местных фабриках. Они живут в относительном достатке, но имеют невысокое образование, ведут пассивный досуг и имеют примитивные развлечения, используют ненормативную лексику и зачастую чрезмерно употребляют спиртное.

Шестой – это нижний низший класс, туда относятся безработные или те, кто перебивается случайной, временной работой, люмпенизированные слои населения: обитатели трущоб, подвалов, чердаков» [11].

Современная структурно-функциональная школа в немарксистской социологии (Т. Парсонс и др.) рассматривает дифференциацию как наличное состояние социальной структуры и как процесс, ведущий к возникновению различных видов деятельности, ролей и групп, специализирующихся в выполнении отдельных функций, необходимых для самосохранения социальной системы [12]. Например, Р. Мертон и Б. Мур причину стратификации видели в разделении функций в обществе на более и менее важные для его устойчивого существования. Наиболее одаренные люди должны выполнять главные функции, хотя общество само устанавливает основания социальной стратификации и регулирует неравенство. Наряду с функциональными существуют таксономические определения дифференциации, когда термин обозначает просто различия социальных ролей, статусов, групп и организаций. Однако в целом в рамках этой школы вопрос о причинах и типах дифференциации остается нерешенным.

Рассмотрим социальную дифференциацию современных обществ на примере России. Несмотря на то что экономика России после распада Советского Союза приобрела явно рыночные и западные очертания, нельзя говорить о происходящей дифференциации общества в «западную» сторону. Безусловно, создание «среднего класса», свободного предпринимательства, приватизации бывшего государственного имущества – всего, к чему так стремилась политическая власть, хоть и отразило явные перемены в обществе в процессе ухода от коммунистического строя, но имеет свои уникальные черты.

Становление постиндустриального общества в России проявляется не только в создании информационно-технологического базиса материального и духовного производства, но и в формировании рыночных отношений на основе разнообразных форм собственности, изменении механизма государственного регулирования, значительном повышении роли сферы услуг, крупномасштабной концентрации производства при отставании малого и среднего бизнеса.

Проведенные в последние десятилетия экономические реформы самым непосредственным образом сказались на состоянии социальных групп и слоев. Наиболее существенные изменения произошли в содержании социальных групп, выделенных на основе критериев положения в системе общественного производства, разделения и сферы приложения труда. Характерно, что новые параметры экономически активного населения имеют самое непосредственное отношение к производству товаров и услуг.

Следует подчеркнуть, что за короткий период в России сформировалась социальная «поляризация». С одной стороны – правящий класс: крупные собственники, высшие менеджеры, политики, характеризующиеся сверхвысоким уровнем доходов. С другой – низший класс, объединяющий наемных работников, выполняющих функции исполнительского труда в различных сферах общественного производства и характеризующихся низким уровнем дохода. По последним данным, 70 % от общего населения страны в настоящее время могут быть отнесены к низшему классу [13]. Такая ситуация, естественно, обуславливает наличие в обществе определенного накала отношений.

Что касается «среднего класса», то, по мнению специалистов, он «объединяет индивидов, характеризующихся стандартным уровнем доходов и потребления, имеющих достаточно высокий уровень образования, профессиональный статус, определенные политические и моральные ценности» [13]. В целом, специфика российской реальности заключается в том, что, несмотря на развитие малого и среднего бизнеса и возрастание образовательного уровня населения, представители данных групп характеризуются невысоким имущественным статусом и уровнем доходов. В этой связи в настоящее время можно лишь ставить вопрос о формировании среднего класса в России при условии проведения соответствующей государственной политики, но никак не полноценном функционировании этого класса как подсистемы общества.

Кыргызстан, как и Россия, также переживает сложные процессы социальной трансформации, осложненные формированием своей национально-культурной и этнической идентичности. Проблема социальной дифференциации тесно связана с необходимостью изучения, возрождения и развития самобытной культуры народов

Кыргызстана. Как совершенно справедливо утверждают Г.Т. Ботканова и А.М. Шейшенбаева: «Весь предшествующий исторический опыт стран Центральной Азии свидетельствует, что в периоды неопределенности, социальных потрясений и трансформации мудрость и опыт, заключающиеся в его традиционной культуре и знаниях, были стержневым основанием для выживания, самосохранения, самовосстановления и основой для выработки перспектив и ориентиров своего будущего развития. Мы обращаемся к прошлому, стремясь отыскать корни настоящего» [14].

Кыргызское традиционное общество, основанное на патриархальных, родоплеменных традициях, было ориентировано в первую очередь на сохранение сложившегося общественного уклада и образа жизни, господствовавшего в течение многих столетий, пронизанного идеологией единства рода и родовой солидарности. В течение многих столетий, вплоть до конца XIX в., жизнь кыргызов не подвергалась качественным изменениям. Характерно, что консерватизм в образе жизни, стиле мышления, сохранение социальных стереотипов во взаимоотношениях между людьми были доминантами в кыргызском социуме.

Традиционные формы хозяйствования кыргызов – скотоводство, охота, промыслы, земледелие – вобрали в себя многовековые навыки, а их неизменность накладывала отпечаток консерватизма на быт, образ жизни, который почти не менялся на протяжении веков. Вместе с тем стоит обратить внимание на постоянные передвижения, динамичный образ жизни, который был основной формой существования кочевника. Одним словом, общественное устройство традиционного кыргызского общества до XX в. отличалось родоплеменной организацией, детерминированными социально-экономическими, политическими факторами и кочевым образом жизни. Из этого следует, что в основе бытия общества лежал принцип кровнородственных отношений в общественном сознании, где в целом доминировала общинная психология.

Как правило, человек чувствовал себя намного увереннее, пребывая в родственной общине, так как он был защищен родственными связями от всяких общественных неурядиц, проблем. Человек чувствовал себя слабым без патриархально-родовых связей перед враждебной действительностью. Все проблемы, личные

и общественные, решались через призму родственных связей. Человек и общество были неотделимы друг от друга. Эта социальная форма взаимоотношений помогала человеку пребывать в своеобразной гармонии с обществом. Таким образом, социальные отношения были направлены на воспроизводство устоявшихся ценностей, традиционные нормы и образцы, аккумулирующие опыт предыдущих поколений. Все это являлось одним из главных факторов устойчивого развития традиционного общества.

Между тем традиционный образ жизни не исключал наличия социального неравенства в обществе. Существует оно и в современном Кыргызстане. Здесь, как и везде на территории СНГ, процветают бедность одних и богатство других. Как и везде, больше всего от неравенства страдают бедные люди. Это проявляется в доступе к образованию, медицине, в неравных возможностях в ведении бизнеса, в образе и качестве жизни. Почти все свои средства малообеспеченные люди тратят на питание.

Пока такого рода неравенство не вызывает внутринационального конфликта и противостояния, поскольку воспринимается как общенациональное бедствие. Хотя условия для этого есть – средний доход самых богатых людей превышает доход самых бедных в десятки, а то и сотни раз. Наибольшая пенсия в 50-60 раз выше минимальной. В то время, как в развитых государствах такие разрывы в среднем не превышают пяти – шести раз.

Если провести опросы среди населения, то только 18 % опрошенных будут согласны с утверждением, что правительство работает на благо всего населения. Абсолютное большинство респондентов оценивают деятельность государства как способствующую социальному неравенству. Так, 78 % респондентов считают коррупцию в нашем обществе распространенным явлением, 96 % опрошенных утверждают, что прожить на пенсию в нашей стране невозможно.

Имеются проблемы дискриминации не только почти всех групп населения, но и тотальной бедности всей общественной жизни. В целом, тема социального неравенства в Кыргызстане воспринимается и оценивается гражданами с учетом многих компонентов. Это культура, язык, религия, образование, знание прав, законов.

Литература

1. Скобелева Е.И., Заплаткин М.В., Прончатова М.П. Социология. Теоретический курс [Электронный ресурс]. Н. Новгород: Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, 2011. URL: https://www.nntu.ru/frontend/web/ngtu/files/org_structura/library/resurvsy/pervokursnik/ineu/sociolog/system/teor/t3.html (дата обращения: 07.03.2021)
2. Гобозов. И.А. Социальная философия: учебник для вузов. М.: Академический проект, 2007.
3. Вагимов Э.К. Проблема социальной справедливости, равенства и неравенства людей, их нищеты и бедности // Вызовы современности и ответственность философа: материалы круглого стола, посвященного Всемирному Дню философии. Бишкек: КРСУ, 2003. С. 43–53.
4. Барулин В.С. Социальная философия. Изд. 2-е. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000.
5. Спенсер Г. Политические сочинения: в 5 т. Т. 2. М.: Социум, 2015.
6. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Терра-Книжный Клуб, 2008.
7. Ленин В.И. Еще к вопросу о теории реализации // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 57–87.
8. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
9. Гринин Л.Е. Философия, социология и теория истории: учебное пособие. Изд. 3-е, перераб. и доп. Волгоград: Учитель, 2000.
10. Уорнер У.Л. Социальный класс и социальная структура // Рубеж (альманах социальных исследований). 1997. № 10–11. С. 42–57.
11. Социология / отв. ред. А.С. Тургаев [Электронный ресурс]. М.: Юрайт, 2018. URL: https://studme.org/198209/sotsiologiya/sotsialnaya_differentsiatsiya_sovremennyh_obschest (дата обращения: 07.03.2020).
12. Парсонс Т. Система современных обществ [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/5395/5397> (дата обращения: 17.09.2020).

13. Волгушева А.А. Социальная дифференциация общества [Электронный ресурс]. URL: <https://center-yf.ru/data/stat/socialnaya-differenciaciya-obshchestva.php> (дата обращения: 27.05.2020).

14. Ботоканова Г.Т., Шейшенбаева А.М. Социальная стратификация Кыргызского традиционного общества [Электронный ресурс] // Вестник КазНПУ. 2015. URL: <https://articlekz.com/article/18573> (дата обращения: 09.10.2020).

*Ю.С. Юдина,
А.Х. Бугазов*

ВЕКТОР ЭВОЛЮЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Социальная структура – это устойчивое строение общества как целостной системы. Она является качественной характеристикой состояния того или иного государства. Социальная структура отражает социальное неравенство, т. е. имеет место социальная дифференциация (имущественное, властное, статусное расслоение). Отсюда можно сформулировать следующую задачу государства – эффективно воздействовать на социальную структуру, по ее стабилизации четко определяя уровни воздействия, на которые должна быть направлена деятельность.

Актуальность темы определяется тем, что социальная структура общества является качественной характеристикой состояния того или иного государства. Характерно, что социальная структура отражает социальное неравенство, т. е. имеет место социальная дифференциация (имущественное, властное, статусное расслоение). Следует отметить, что социальная структура представляет собой устойчивое строение общества как целостной системы, и, следовательно, одной из основных функций государства является его эффективное воздействие на социальное расслоение с целью его стабилизации.

Актуальность темы объясняется и тем, что, когда мы говорим об эволюции социальной структуры, в первую очередь имеем в виду поступательное развитие общества в результате применения тех или иных принципов экономической и социальной политики. «Социальная структура общества основана на принципах социальной истории, где можно сравнивать множество объективных показателей – таких, как средняя продолжительность и уровень жизни, количество населения и другие важные параметры жизнедеятельности общества» [1, с. 130–131].

Социальная структура общества – это целостная система всех существующих общностей, взятых в их взаимодействии. Она отражает существенные характеристики этой системы, фиксирует способы разделения и кооперации труда, уровень развития производительных сил и производственных отношений. Социальная структура рассматривается в научной литературе в широком и узком смысле слова. Социальная структура в широком смысле слова – это совокупность связей между сферами общественной жизни: экономической, политической, культурной. Эти связи определяются экономическими отношениями. Однако политика, культура, идеология самостоятельны и влияют на экономику. Социальная структура в узком смысле слова – это деление общества на социальные группы и их связь между собой. Критериями существования социальной структуры, ее дифференциации является разделение труда и собственность на средства производства. К. Маркс писал: «Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов – словом, определенное гражданское общество» [2, с. 126–127]. Первым крупным общественным разделением труда стало выделение пастушеских племен из общей массы племен. Это привело к повышению производительности труда и создало материальные предпосылки к возникновению частной собственности и раскола общества на определенные непримиримые социальные классы. Второе крупное общественное разделение труда – отделение ремесла от земледелия. Это привело к новому разделению общества: появлению в обществе новых социальных общностей – знати, простых земледельцев, ремесленников и т. д.

Возникает необходимость в рыночном обмене продуктами труда и формировании социальной общности – купцов. Третье крупное общественное разделение труда – на сельский и городской. В результате возникли сложные отношения между городским и сельским населением, между работниками умственного и физического труда. С развитием производительных сил изменялась и социальная структура общества. Основные элементы социальной структуры общества – индивиды, которые занимают определенные позиции (статусы) и выполняют определенные социальные функции (роли), объединения этих индивидов на основе их статусных признаков в группы, социально-территориальные, этнические и иные общности. Социальная структура общества – это совокупность статусов и ролей, которые, как большое количество ветвей, переплетаются и составляют крону дерева. Статусы и роли производны от общественного разделения труда. Они осваиваются в процессе социализации личности. Социальная структура – «это анатомический скелет общества» [3, с. 224–225]. Плоть, которая окружает скелет, – это культура, цемент общества – это социальный контроль, его нормы, санкции. Кирпичиками социальной структуры являются статусы и роли.

Социальная структура общества – в широком смысле это то, каким образом общество организовано, устроено; внутреннее содержание общества, а также связь между его элементами.

Позже, с появлением классов и слоев в обществе, у термина появилось более узкое значение.

Так, под социальной структурой в более узком смысле понимают организацию только социальных классов и слоев в обществе и то, как они взаимодействуют.

Если в обществе есть классы и слои, то говорят уже о социально-стратификационной структуре общества или о социальной стратификации: т. е. разделении людей в обществе на разные страты (слои, группы).

К основным элементам социальной структуры общества относят следующие:

1. Социальные организации и институты (государственные предприятия, учреждения, школы, университеты), а также города,

деревни. Последние представляют собой людей, которые объединены общим местом жительства.

2. Социальные функции людей, т. е. их деятельность, которая определяет отношения в обществе.

3. Социальные нормы и общественные ценности, которые определяют действия людей и управляют их деятельностью.

4. Социальные статусы, роли, позиции.

5. Социальный статус – это позиция человека в обществе, то, как он выглядит в глазах других людей. На статус влияют возраст, пол, профессия, в какой семье человек родился, замужем/женат, разведен, есть ли дети [4, с. 167–168].

Общество – это не отдельный человек, а уже метод организации государства, который имеет свои свойства:

В социальной структуре люди объединены. Они формируют социальные группы, организации, институты.

1. В социальной структуре люди связаны между собой. Их отношения могут быть экономическими, политическими, культурными, духовными или биологическими.

2. Социальная структура направлена на создание условий, чтобы удовлетворить потребности групп людей.

3. Структура сама себя регулирует. Она создает свои нормы и правила: моральные нормы, религиозные, традиции и обычаи. Структурированное общество может создать государство.

Структура общества также выполняет определенные задачи:

1. Организует людей, придает цель их деятельности. Благодаря структуре в обществе есть разделение труда.

2. Упорядочивает отношения людей, определяет поведение, способствует появлению таких понятий, как «мораль» и «нравственность».

3. Обучает и воспитывает. Знания, опыт, культурные ценности передаются от родителей детям и дальше – следующим поколениям.

4. Придает стабильность жизни, но также стимулирует достигать большего: в плане образования, карьеры, социального положения и т. д. [4, с. 170–171].

Есть несколько теорий выделения типов социальной структуры: на основании различных социальных групп и исходя из исторического развития общества (теория исторических типов).

В зависимости от того, какие существуют социальные группы и какие отношения их связывают, определяют следующие типы социальной структуры:

1. Социально-классовая (отношения к средствам производства).
2. Социально-демографическая (люди делятся на социальные группы в зависимости от возраста, пола, семейного статуса, а также показателей рождаемости и смертности).
3. Социально-конфессиональная (деление происходит по религии).
4. Социально-поселенческая (разделение по территории, т. е. по проживанию в селах, поселениях, городах, деревнях и т. д.).
5. Социально-этническая (люди объединяются по родам, племенам, народностям или нациям).
6. Социально-профессиональная (разделение по занятии населения в профессиональном плане, на умственный труд и физический труд).
7. Социально-образовательная (людей объединяет наличие или отсутствие образования и его уровень) [5, с. 245–246].

В заключение следует отметить: в результате анализа характера и содержания эволюции социальной структуры общества, ее развития в современных условиях можно сделать следующие выводы: социальное неравенство, как и социальная дифференциация, выступают констатацией человеческого существования в любом обществе и культуре. В зависимости от исторических, социальных, политических и культурных условий в обществе формировались и затем фиксировались определенные конкретные социальные структуры.

Поэтому разработанные в истории человечества универсальные социальные проекты, направленные на достижение свободы, равенства и справедливости оказывались утопичными и неосуществимыми. Социальное неравенство, конечно, представляет собой одну из сложнейших проблем современного общества. Вместе с тем, именно это обстоятельство должно послужить определенным стимулом для его преодоления и поиска новых форм организации жизнедеятельности общества. Социальное неравенство включает в себя гамму неравенств: социально-экономическое, социально-политическое, правовое и т. д.

Литература

1. *Алексеев П.В.* Социальная философия: учебное пособие. М.: ООО «ТК Велби», 2003.
2. *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1.
3. *Радаев В.* Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996.
4. *Арутюнян Ю.В.* Этносоциология. М.: Аспект пресс, 1999.
5. *Барулин В.С.* Социальная философия: учебник. Изд. 2-е. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. 560 с.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1	3
<i>Азимжанова А.А., Будильская Е.А.</i> Философское понимание проблемы войны и мира.....	3
<i>Бугазов А.Х., Иванов Н.А.</i> Формы социальной идентичности	8
<i>Джунушалиева З.А.</i> Компьютерные игры и самопрезентация подростков	20
<i>Денисова О.Г.</i> Место субъективного в структуре социального конфликта	26
<i>Зырянов В.В.</i> О проблемах подготовки молодежи к работе в науке: российские реалии	44
<i>Кальски Р.</i> Проблема витализма в истории философии	62
<i>Кальски Р.</i> Методологические вопросы развития неовитализма.....	66
<i>Лукьященко И.Е.</i> К вопросу о непродуктивном типе личности в обществе потребления.....	72
<i>Лукьященко И.Е.</i> Образ и его роль в массовом сознании и культуре	83
<i>Манашов М.Э.</i> Ценностные ориентации студенческой молодежи Китая в современном обществе	95
<i>Осмонова Н.И., Акылова А.А.</i> Моральные аспекты эвтаназии в современном обществе.....	103
<i>Хайбулина Ф.Д.</i> Политический имидж: определение и характеристика	109
<i>Эшимбекова Н.С.</i> Эволюция этнических особенностей семейного поведения	119
РАЗДЕЛ 2	128
<i>Болотканова Э.Б.</i> Перспективы развития гражданского общества в Кыргызской Республике	128

Дмитриева В.В. Влияние СМИ и интернет-ресурсов на политическую активность молодежи	135
Иванов Н.А. К вопросу о формировании духовных ценностей в сознании молодежи Кыргызстана	140
Курбанов А.И.-М. Влияние музыки на идентичность личности в XXI веке	146
Мусаева Э. Современные кыргызстанские семьи: традиции и проблема насилия.....	152
Назирова С.И., Лукьященко И.Е. К вопросу о социологии эмоций	162
Осоров А.У. Манипуляция обществом через социальные сети	168
Рыспаева А.Т., Хайбулина Ф.Д. Проблемы мультикультурализма в странах Европы	171
Юдина Ю.С. К вопросу о социальной дифференциации современных обществ	179
Юдина Ю.С., Бугазов А.Х. Вектор эволюции социальной структуры общества: история и современность	190

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ
И НАЦИОНАЛЬНОЕ
В ФИЛОСОФИИ

Сборник научных статей
Выпуск IX

Редактор *Н. Сорочайкина*
Компьютерная верстка *Д.Ю. Иванова*

Подписано в печать 20.01.2022
Печать офсетная. Формат 60 × 84 ¹/₁₆.
Объем 12,5 п. л. Тираж 100 экз. Заказ 44

Издательство КРСУ
720000, г. Бишкек, ул. Киевская, 44

Отпечатано в типографии КРСУ
720048, г. Бишкек, ул. Анкара, 2а